ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 6/2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инноваций экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.
доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным науками (ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. *Л*омоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономических исследований *Д*ВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 6/2022

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Музычук В.Ю.
Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия 7

Ушкалова Д.И.
Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы 34

Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.
Россия в условиях санкций: пределы адаптации 52

Доржиева В.В.
Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху 68

Ахапкин Н.Ю.
Формирование ресурсов труда и перспективы экономического роста 79

Козлова С.В.
Трансформация инструментов государственного управления в современных условиях 96

Юхно А.С.
Обзор тенденций развития рынка метавселенной 108

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Пылин А.Г.
Трансформация постсоветской евразийской интеграции в условиях санкций: возможности и риски 127

Цедилин Л.И.
«Зеленые» и санкционные ограничения для рыночной экономики: о перспективах энергетической политики новой правительственной коалиции ФРГ 142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зотова Е.С.
Потенциал основных направлений экономической теории в XXI в. (обзор VI политэкономического конгресса «Экономические теории XXI века: потенциал развития и решения практических проблем») 154

Список публикаций в журнале за 2022 год 160

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Muzychuk V.Yu.
Economics of Cultural Heritage in Russia: Features and Contradictions 7

Ushkalova D.I.
Anti-Russia Sanctions and Russia's Exports in 2022: Risks and Prospects 34

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.
Russia under Sanctions: Limits of Adaptation 52

Dorzhieva V.V.
State Policy of Import Substitution as a Factor in the Development of the Pharmaceutical Industry in Russia: Impact of Sanctions and Steps to Success 68

Akhapkin N.Yu.
Formation Of Labor Resources And Prospects For Economic Growth . . 79

Kozlova S.V.
Transformation of State Governance Tools in Modern Conditions 96

Yukhno A.S.
Overview of Trends in the Development of the Metaverse Market 108

WORLD ECONOMY

Pylin A.G.
Transformation of Post-Soviet Eurasian Integration under Sanctions: Opportunities and Risks 127

Tsedilin L.I.
Green and Sanctions Restrictions for a Market Economy: on the Energy Policy Prospects of the New Government Coalition in Germany 142

SCIENTIFIC LIFE

Zotova E.S.
Potential of the Main Areas of Economic Theory in the 21st Century (Review of the VI Political Economic Congress «Economic Theories of the 21st Century: the Potential for Development and Solution to Practical Problems»). 154

List of Publications in the Journal for 2022 160

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Ю. МУЗЫЧУК
доктор экономических наук, доцент, заместитель директора
по научной работе ФГБУН Институт экономики РАН,
главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье акцентировано внимание на финансовых аспектах сохранения культурного наследия в России: объемах государственного финансирования, в том числе по уровням бюджетной системы, в региональном разрезе, а также в контексте расходов по видам работ. Проанализированы закрепленные в действующем законодательстве основные меры и механизмы привлечения частных средств в сферу сохранения культурного наследия и выявлены особенности и противоречия их применения на практике. Отдельного внимания заслуживает разбор федеральных и региональных инициатив в части приватизации или предоставления в долгосрочную аренду по льготной ставке объектов культурного наследия на условиях их восстановления и введения в хозяйственный оборот («Зеленый коридор», «Возрождение исторических усадеб», «Рубль за квадратный метр», «Усадьбы Подмосковья», «Культурное наследие в хорошие руки» и др.). Проведенный анализ показывает, что существующие инициативы нельзя назвать в целом успешными, а отдельные состоявшиеся проекты не позволяют говорить о полноценной государственной поддержке. Во многом это обусловлено отсутствием в России целостной системы управления культурным наследием, вследствие чего зачастую реализуются недружественные управленческие решения в области сохранения памятников истории и культуры.

Ключевые слова: *культурное наследие, экономика культурного наследия, культурно-историческая недвижимость, ГЧП в сфере сохранения культурного наследия, памятники культуры, льготная арендная ставка, рубль за метр, исторические усадьбы.*

JEL: Z1.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33.

Вводные замечания

Тема сохранения культурного наследия остро стоит на повестке дня современной России на протяжении целого ряда последних десятилетий. Причем многие проблемы и противоречия были заложены еще в советский период: от декларативной риторики о важности сохранения культурного наследия до остаточного принципа финансирования работ по его охране и восстановлению. За 70-летний период существования Советского Союза первый специальный закон в области сохранения культурного наследия появился только в 1976 г. (Закон СССР от 29 октября 1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры»). В 1965 г. Постановлением Совета Министров РСФСР было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК): де-юре – для привлечения граждан к участию в деле сохранения и защиты культурного наследия, а де-факто – для перекладывания ответственности за неудовлетворительное состояние памятников с органов власти на плечи общественных организаций. «Истинное назначение этих организаций – быть ширмами, отгораживающими власть от критики и нареканий – они переадресуются обществам. У них нет реальных полномочий и прав, поэтому они не обладают никаким авторитетом в глазах хозяйственников и градостроителей. Если удается изредка в Советском Союзе отстоять памятник, добиться сохранения природного урочища, то в подавляющем большинстве случаев это результат усилий отдельных лиц, использующих личные связи и удачно выступивших в печати» [1, с. 439].

Проблемы сохранения объектов культурного наследия (ОКН) в современной России напрямую связаны с особенностями отечественной институциональной среды в части управления объектами культурного наследия, а также финансирования проектных и ремонтно-реставрационных работ для их восстановления и приспособления к современному использованию. С одной стороны, отсутствие единой системы управления культурно-исторической недвижимостью в стране, передача полномочий по сохранению объектов культурного наследия на региональный уровень, ограниченные возможности профильного департамента Министерства культуры РФ приводят к фрагментарности и сиюминутности управленческих решений в этой области. С другой стороны, хроническая нехватка бюджетных средств в отсутствие действенных механизмов привлечения частных вложений не способствует созданию эффективной системы финансового обеспечения работ по сохранению культурного наследия. По оценкам Агентства стратегических инициатив, требуется порядка 4 трлн руб. для восстановления, реконструкции или консервирова-

ния всех ОКН[1], и без привлечения средств частных инвесторов такую масштабную задачу не представляется возможным решить.

В рамках междисциплинарных исследований признается, что культурное наследие содержит в себе комбинированную ценность, включающую в себя историческую, образовательную, эстетическую, символическую, научную, социальную и др. составляющие. Причем специалисты отмечают, что «со временем менялось представление о функции культурного наследия: от признания важности культурного наследия «как такового» к повышению его значимой, хотя иногда и спорной, инструментальной роли для экономического и социального развития» [2, p. XXIV]. В России в последнее время все более укореняется утилитарный подход к сохранению культурного наследия, в то время как в странах с отлаженной системой сохранения ОКН специалисты, наоборот, заостряют внимание на том, что «когда туризм, связанный с культурным наследием, организован правильно, наибольшую выгоду получают не посетители, а местные жители, которые вновь начинают ценить и гордиться своим городом и его историей» [3, p. 4].

В экономической науке уделяется большое внимание процессам потребления как индикатору заинтересованности потребителя в тех или иных товарах или услугах, поэтому в экономике культурного наследия принято выделять четыре аспекта, связанных с ценностью памятников культуры для потенциальных пользователей: 1) ценность использования *(use value)*; 2) ценность существования *(existence value)*; 3) опционная ценность или ценность выбора *(option value);* 4) завещательная ценность *(bequest value)* [4, p. 4–5]. Известно, что в рыночной экономике посетитель «голосует ногами», что сигнализирует рынку об определенном интересе со стороны потребителя, однако в отношении спроса на сохранение культурного наследия все не так однозначно. Если *ценность использования* демонстрирует прямую заинтересованность в сохранении культурного наследия, то *ценность существования* или *опционная ценность* напрямую никак не связаны с процессом потребления: первая заключается в том, что потенциальный пользователь сам не посещает объект культурного наследия, но получает удовольствие от мысли, что в его населенном пункте такой объект существует; вторая связана с тем, что если в настоящее время потенциальный пользователь не посещает объект культурного наследия, это отнюдь не означает, что он не воспользуется такой возможностью когда-нибудь в будущем. Таким образом, *ценность существования* и *опционная ценность* свидетельствуют о наличии интереса к сохранению культурного наследия, но он не фиксируется посредством рыночного механизма. То же справедливо и в отношении *завещательной ценности*, согласно

[1] https://asi.ru/news/190746 (дата обращения: 01.12.22).

которой потенциальный пользователь вообще может не посетить ни разу памятник за всю свою жизнь, но он хочет, чтобы тот сохранился для будущих поколений. Именно эта непроявленная, латентная для рыночного механизма заинтересованность в сохранении культурного наследия обусловливает превалирование государственного финансирования над частными вложениями в эту сферу.

С точки зрения экономики принято также говорить об экономической ценности, выражающейся в том числе через рыночную или коммерческую стоимость культурного наследия. Но как справедливо отмечает американский специалист Д. Рипкема, «объект культурного наследия сам по себе является носителем экономической ценности в минимальной степени» [5, p. 113]. Если говорить об экономических эффектах сохранения культурного наследия, то исследователи единодушно выделяют пять основных: 1) создание новых рабочих мест и, соответственно, обеспечение доходами домашних хозяйств; 2) восстановление центров городов в целях введения объектов культурного наследия в хозяйственный оборот; 3) рост стоимости недвижимости с последующим наполнением местных бюджетов за счет поступления от налога на имущество; 4) взращивание малого бизнеса; 5) активизация туризма, связанного с культурным наследием. Причем в отличие от нового строительства работы по сохранению культурного наследия более трудоемки. Так, в первом случае соотношение труда и материалов равно 50 на 50%, в то время как работа с наследием исходит из пропорции 60–70% на 40–30%. Как правило, привлекаемые к ремонтно-реставрационным работам трудовые ресурсы являются местными, причем обладающими определенными профессиональными навыками [6].

Расставляя акценты в зарубежной практике сохранения культурного наследия, следует выделить основные моменты:

- аутентичность, подлинность – основа сохранения ОКН;
- львиная доля памятников – в ведении местного самоуправления;
- ревитализация ОКН – поиск нового функционала, не обязательно культурной направленности;
- потенциал коммерческого/некоммерческого использования, поиск источников генерации дохода;
- наряду с прямым государственным финансированием развитая косвенная система поддержки со стороны государства;
- право собственности на ОКН у частного лица не является препятствием для получения прямой поддержки со стороны государства;
- сохранение ОКН – задача гораздо более важная, чем придание памятнику культурного функционала;
- сохранение ОКН – не само по себе, не в целях развития туризма, а, в первую очередь, – для создания комфортных условий жизни граждан с учетом исторической и культурной среды.

Отсутствие комплексного подхода к управлению объектами культурно-исторической недвижимости в России зачастую приводит к недружественным управленческим решениям в области сохранения наследия. Остановимся на нескольких основных сюжетах.

Количество ОКН и их структура

За последние тридцать лет в России в отношении количества учтенных памятников и их распределения по различным категориям наблюдаются перманентные изменения. До 2014 г. существовала типология памятников, согласно которой ОКН делились на памятники археологии, истории, градостроительства и архитектуры, а также искусства (см. табл. 1).

Таблица 1

Памятники истории и культуры России (1990–2013 гг.), тыс. ед.

	1990*	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Число недвижимых памятников истории и культуры	46,0	84,9	87,8	143,4	185,1	175,9	180,1
в том числе памятники:							
археологии	12,0	–	18,1	36,5	78,0	78,9	82,2
истории	20,6	–	24,1	36,1	31,1	29,4	30,7
градостроительства и архитектуры	11,1	–	42,7	66,8	70,1	61,8	61,4
искусства	2,3	–	2,9	4,0	4,9	3,7	4,1

* Данные за 1990 г. по РСФСР.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. М.: 2015. С. 243.

За период с 1990 по 2013 г. количество ОКН, находящихся на государственной охране, увеличилось почти в 4 раза – с 46,0 тыс. до 180,1 тыс., из которых чуть меньше половины – это археологические места (82,2 тыс.). Как следует из таблицы 1, количество недвижимых памятников истории и культуры в большей степени увеличилось за рассматриваемый период за счет постановки на государственный учет памятников археологии (в 6,8 раза) и памятников градостроительства и архитектуры (в 5,5 раза).

Расширение государственного реестра объектов культурного наследия – естественный процесс, свидетельствующий в том числе и о желании сохранить культурное наследие для будущих поколений. В нашей стране включение в реестр означает не только постановку на государственную охрану, но и выделение бюджетных средств (в зависимости от категории памятника (федерального, регионального или местного

значения) из бюджета соответствующего уровня бюджетной системы РФ) на содержание и проведение охранных мероприятий.

Несмотря на очевидную высокую общественную значимость сохранения культурного наследия, действительность демонстрирует неутешительные факты: по данным ВООПИиК[2], за последние годы в Российской Федерации погибло более 2,5 тыс. памятников, а ежегодные утраты составляют порядка 150–200 памятников[3].

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р) отмечается, что «доля объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, состояние которых является удовлетворительным, в общем количестве объектов культурного наследия составляет 39 процентов. Поскольку состояние объектов культурного наследия регионального значения значительно хуже, то ежегодно увеличивается число региональных памятников в руинированном или неудовлетворительном состоянии». По данным ВООПИиК, состояние от 50 до 70% находящихся на государственной охране памятников истории и культуры (федерального, регионального и местного значения), характеризуется как неудовлетворительное[4]…

По данным П.М. Шульгина, многолетнего заместителя директора Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева, до его преобразования в 2014 г., 54% памятников культурного наследия находились в удовлетворительном и хорошем состоянии, 13% – в неудовлетворительном, 5% – в руинированном, а по 28% – вообще нет данных.

В связи с изменением формы федерального статистического наблюдения ОПИК-1 с 2015 г. поменялась типология памятников: появилось разделение на объекты археологического и культурного наследия, а последние, в свою очередь, стали подразделяться на памятники, ансамбли и достопримечательные места. Следует отметить, что новая структура ОКН привела к возникновению определенной несопоставимости данных предыдущего и настоящего периодов. Поэтому динамика изменений количества объектов отслеживается в рамках новой формы ОПИК-1, т. е. с 2015 г.

По данным ГИВЦ Минкультуры России, по состоянию на 2021 г. на государственной охране находились 98,0 тыс. объектов культурного наследия и 55,5 тыс. объектов археологического наследия (всего – 153,5 тыс. ед.). Если сравнить с количеством памятников по состоянию на 2013 г. (см. табл. 1), то можно увидеть существенное сокращение –

[2] Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

[3] http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage (дата обращения: 01.12.2022 г.)

[4] Там же.

на 26,6 тыс. ед., или почти на 15%. Таким образом, при переходе на новую форму статистической отчетности произошли существенные изменения в количественном составе памятников.

Динамика изменений за 5-летний период с 2016 г. по 2021 г. представлена ниже (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество объектов культурного и археологического наследия РФ, включая реставрируемые, (2016, 2021 гг.), ед.

	Количество объектов культурного и археологического наследия		Количество реставрируемых объектов культурного и археологического наследия	
	2016	**2021**	**2016**	**2021**
Объекты культурного наследия	**98254**	**97977**	**4506**	**8665**
в том числе:				
памятники	90133	86281	4244	8107
ансамбли	5811	9488	243	532
достопримечательные места	2310	2208	19	26
Памятники в составе ансамблей*	19978	21284	1010	1518
Объекты археологического наследия	**69841**	**55542**	**432**	**469**
Выявленные объекты культурного наследия	116089	125560		

* Входят в графу «памятники», поэтому не учитываются в общем расчете (в соответствии с новой Годовой формой федерального статистического наблюдения №1-ОПИК «Сведения об объектах культурного наследия» (март 2015 г.)).

Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2016, 2021 гг.

В 2021 г. из всех объектов культурного и археологического наследия Российской Федерации, находящихся на государственной охране, ремонтно-реставрационные работы осуществлялись на 8665 объектах, что составило 8,8% от их общего количества. Причем показатели 2021 г. выше уровня 2016 г. (4506 объектов, или 4,6% от общего числа) (см. табл. 2).

Еще одним важным в статистике культурного наследия показателем является количество выявленных, но не поставленных на государственную охрану объектов культурного наследия. В 2021 г. таковых было зафиксировано 125560 ед., что соответствует уровню, равному 82% от совокупного количества памятников, находящихся на государственной охране. За рассматриваемый 5-летний период количество выявленных объектов увеличилось на 4%.

По значимости объекты культурного наследия были распределены в 2021 г. следующим образом: 16% объектов относились к памятникам федерального значения, 80% – регионального значения и 4% – местного значения (см. рис. 1).

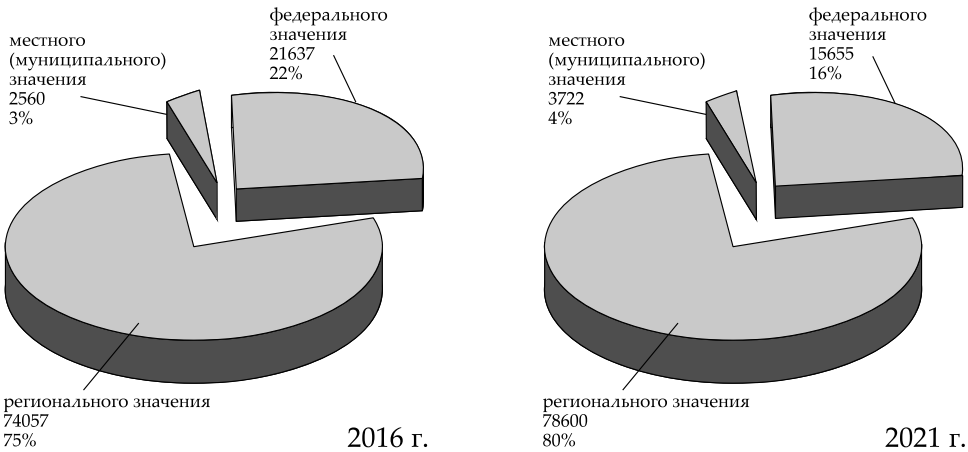


Рис. 1. Распределение памятников по уровням ведения, 2016, 2021 гг.; ед., %

Подобная структура обусловлена тем, что субъекты РФ вынуждены брать под свою опеку муниципальные памятники. Объекты культурного наследия – это «дорогое удовольствие», требующее постоянного финансирования. Подавляющая часть муниципальных образований просто не имеет необходимых и достаточных средств на содержание памятников, поэтому субъекты РФ ставят их на государственную охрану как ОКН регионального значения. Нехваткой финансирования объясняется и факт наличия огромного количества выявленных, но не поставленных на государственную охрану объектов.

Следует отметить, что в зарубежной практике распределение памятников по категориям имеет совершенно противоположный вид: самое большое количество памятников находится в ведении местных органов власти, на втором месте – памятники регионального значения, а вот федеральные объекты, т. е. объекты, имеющие национальное значение, – как правило, по количественному составу (но не по историческому и культурному значению!) уступают другим категориям. Практики также фиксируют диспропорции в распределении отечественных памятников по уровням ведения» [7, с. 14].

С 2016 г. по 2021 г. произошли существенные изменения в структуре распределения памятников по уровням власти: на фоне сокращения общего количества памятников на 14606 объектов количество памятников федерального ведения уменьшилось на 5982 объекта; количество памятников регионального значения увеличилось

на 4543 объекта; количество памятников местного значения выросло на 1162 объекта.

Эти цифры говорят о том, что у части объектов федерального значения могла быть понижена категория памятника, а какие-то объекты и вовсе перестали существовать, в лучшем случае в статусе памятника, а в худшем – физически. В частности, в пользу гипотезы о понижении категории памятника свидетельствует факт увеличения количества памятников регионального значения.

Следует отметить, что в открытом доступе практически нет информации по поводу использования объектов культурного наследия. По данным П.М. Шульгина по состоянию на начало 2010-х годов, 50,4% памятников не использовались; 28% – использовались разного рода учреждениями и пользователями; 13% – использовались под жилье; 5,5% – использовались учреждениями культуры. Среди выявленных объектов культурного наследия 55% не использовались и, как правило, находились в бесхозном состоянии.

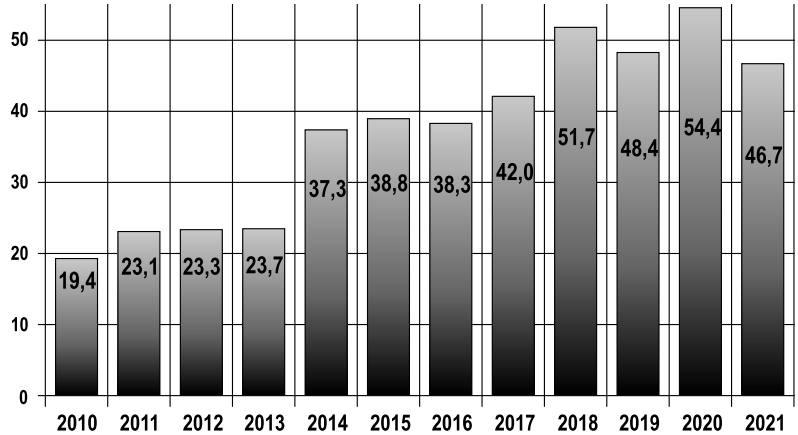
Суммируя сказанное, следует отметить, что согласно Европейской хартии местного самоуправления (1985 г.), наибольший спектр обеспеченных финансами полномочий должен принадлежать тому уровню власти, который ближе всего к гражданам страны. В этой связи подавляющая часть культурного наследия развитых стран находится в ведении муниципалитетов и локальных коммун. В России процессы централизации приводят к ослаблению местного самоуправления. Местные бюджеты не в состоянии обеспечивать сохранность ОКН. Поэтому наблюдаются существенные диспропорции с точки зрения территориальной принадлежности памятников: 80% ОКН – объекты регионального значения, в то время как к местному значению относятся только 4% ОКН.

Финансирование работ по сохранению ОКН

Ежегодно из консолидированного бюджета РФ выделяются средства на финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия. В текущих ценах объем финансирования увеличился в 2,4 раза за период с 2010 по 2021 гг. (см. рис. 2).

Трижды за рассматриваемый период наблюдалось сокращение финансирования в текущих ценах: в 2016 г., 2019 г. и 2021 г. Следует отметить, что речь идет о фактически освоенных средствах, а не утвержденных на начало отчетного периода.

Если смотреть на финансирование работ по сохранению ОКН в сопоставимых ценах, то в 2021 г. объем средств оставался почти на уровне 2011 г., т. е. за десять лет качественного рывка в финансовом обеспечении культурного наследия не произошло (см. табл. 3).



Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2010–2021 гг.

Рис. 2. Расходы на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия из КБ РФ, млрд руб.

Таблица 3

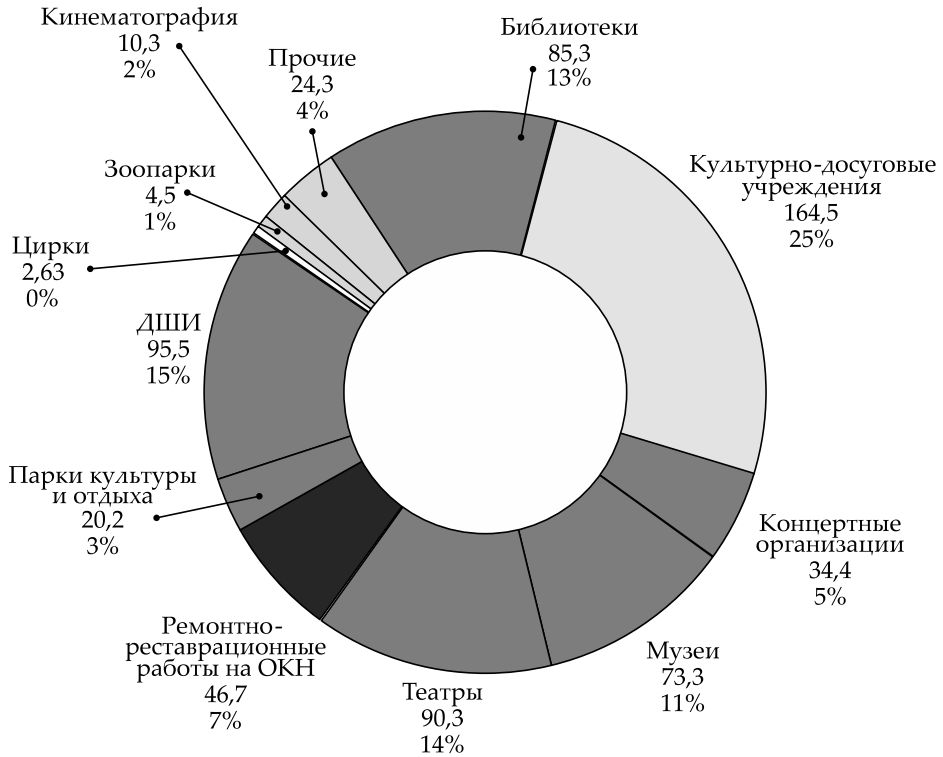
Темпы роста расходов на проведение работ по сохранению ОКН (2010–2021 гг.), (2010 г. = 1)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Темпы роста расходов на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия к уровню 2010 г., в разах	1,00	1,04	0,97	0,93	1,36	1,31	1,25	1,30	1,46	1,33	1,48	1,09

Источник: рассчитано автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2010–2021 гг.

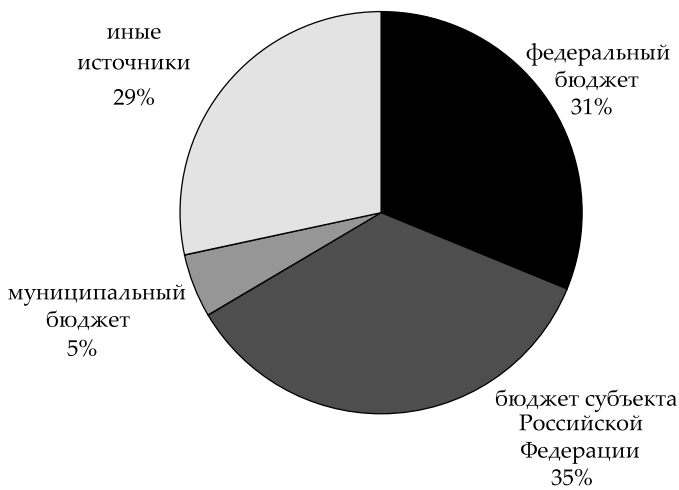
Следует отметить, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста неосвоенных к концу года финансовых средств (разница между ассигнованными и фактически освоенными объемами): в 2019 г. – 12,4 млрд руб.; 2020 г. – 9,5 млрд руб.; 2021 г. – 13,4 млрд руб. Речь идет о суммах, равных 15-20% от ассигнованных средств на начало финансового периода. При нехватке государственного обеспечения работ, связанных с сохранением ОКН, такие остатки неиспользованных по назначению объемов финансирования – непозволительная роскошь, свидетельствующая о серьезных проблемах в системе управления культурным наследием в России.

В общей структуре финансирования сферы культуры по направлениям культурной деятельности, доля ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия составила в 2021 г. 7% (см. рис. 3).



Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2021 г.

Рис. 3. Структура финансирования по направлениям культурной деятельности из КБ РФ (2021 г.), млрд руб., %



Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2021 г.

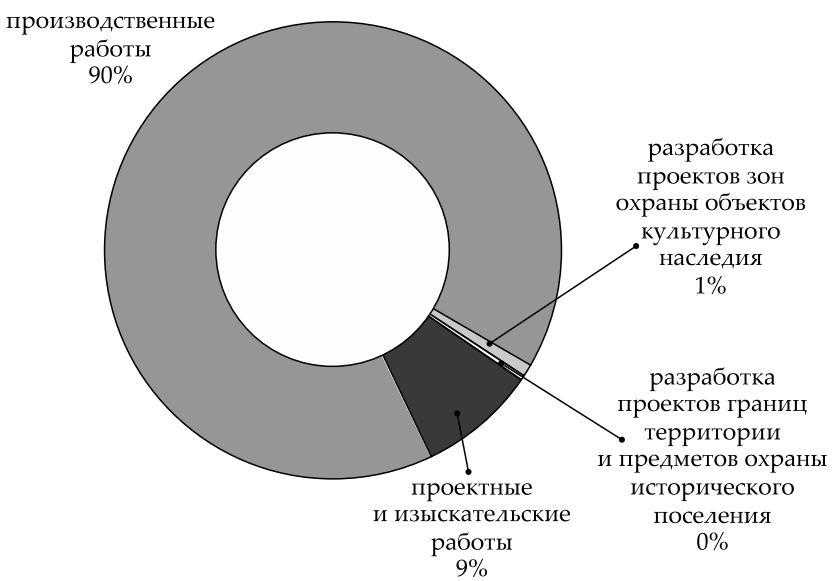
Рис. 4. Структура расходов на проведение работ по сохранению ОКН по источникам финансирования (2021 г.), %

На протяжении всего рассматриваемого диапазона данный показатель не превышал 10% в общей сумме государственных расходов на культуру.

В структуре расходов на проведение работ по сохранению ОКН превалируют средства федерального и регионального бюджетов, хотя 80% памятников имеют региональную принадлежность (см. рис. 4).

В результате полномочия по сохранению ОКН не обеспечены необходимым объемом финансовых средств. А нехватку средств на ремонтно-реставрационные работы в региональных бюджетах частично компенсируют за счет трансфертов из федерального бюджета.

В структуре расходов на проведение работ по сохранению ОКН по видам работ превалируют производственные работы – 90% (см. рис. 5).



Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2021 г.

Рис. 5. Структура расходов на проведение работ по сохранению ОКН по видам работ (2021), %

На протяжении всего рассматриваемого периода разработка проектов границ и предметов охраны, а также зон охраны получает мизерное финансирование, что явно не способствует решению проблемы. Финансирование работ по разработке проектов зон охраны и границ территорий должно занимать не менее 30% в общей структуре финансового обеспечения работ по сохранению культурного наследия.

Из года в год сохраняется практика резкой поляризации регионов России в части бюджетных возможностей на проведение работ по сохранению ОКН: на долю 10 субъектов РФ приходится 75% бюджетных средств (см. табл. 4).

Таблица 4

Десять субъектов РФ с максимальным объемом финансирования работ по сохранению ОКН (2021 г.)

Субъекты РФ	Млн руб.	%
Рязанская обл.	660,9	1,41
Владимирская обл.	863,0	1,85
Псковская обл.*	1162,7	2,49
Новосибирская обл.*	1328,3	2,84
Пермский край	1353,7	2,90
Свердловская обл.*	1796,7	3,85
Ростовская обл.*	1921,2	4,11
Республика Татарстан*	3664,6	7,84
Москва*	6056,5	12,96
Санкт-Петербург*	16118,2	34,50
Итого по 10 субъектам РФ	34925,8	74,75
Итого по всем субъектам РФ	**46722,7**	**100**

* Субъекты РФ, попадающие в данный список на протяжении ряда последних лет.

Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2021 г.

На финансовое обеспечение работ по сохранению ОКН двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга – в 2021 г. пришлось 47,5% от совокупного объема бюджетного финансирования. Причем аналогичная ситуация наблюдалась в предыдущие годы: 2019 г. – 51,96%; 2016 г. – 56,4%.

Следует отметить, что высокие объемы финансирования работ по сохранению ОКН отмечаются в экономически развитых регионах. Практика показывает, что в экономически богатых регионах памятники чаще гибнут от рук девелоперов, чье внимание сфокусировано исключительно на экономической эффективности, в то время как во всех других регионах – от отсутствия должного финансирования.

Основные меры и механизмы сохранения ОКН

На законодательном уровне отдельные инициативы, связанные с различными налоговыми преференциями, были закреплены с 2004 г. но, увы, не получили широкого распространения на прак-

тике. В ст. 14 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – № 73-ФЗ) содержатся отдельные нормы, связанные с льготной арендой или компенсацией затрат при проведении ремонтно-восстановительных работ на объектах культурного наследия:

- норма льготной арендной платы за объекты культурного наследия федерального, регионального или местного значения для владельцев, вкладывающих свои средства в ремонтно-реставрационные работы арендованных помещений (п. 1 ст. 14 № 73-ФЗ);
- норма о праве уменьшения установленной арендной платы на сумму понесенных расходов или части затрат в связи с проведением ремонтно-реставрационных работ (п. 2 ст. 14 № 73-ФЗ) для арендаторов объектов культурного наследия федерального значения;
- норма о сдаче в долгосрочную аренду на 49 лет с установлением льготной арендной платы объекта культурного значения, находящегося в неудовлетворительном состоянии (ст. 14.1 № 73-ФЗ), при условии осуществления ремонтно-реставрационных работ в 7-летний срок, включая период подготовки и согласования проектной документации;
- компенсация затрат собственникам объектов культурного наследия федерального значения, включенных в единый государственный реестр, или физическим и юридическим лицам, пользующимся такими объектами по договору безвозмездного пользования, за осуществляемые ими ремонтно-реставрационные работы на этих памятниках за собственный счет (п. 3 ст. 14 № 73-ФЗ).

В отношении *нормы льготной арендной ставки* на практике, к сожалению, известны случаи волюнтаризма чиновников, которые одномоментно устанавливали арендные платежи по полной ставке задним числом за ряд прошедших лет, тем самым выставляя добросовестного арендатора, восстановившего памятник за счет собственных средств, как неблагонадежного партнера, не выполняющего свои обязательства по долгосрочной аренде помещения. Эти факты подрывают доверие к государству, которое в любой момент может изменить «правила игры» в свою пользу, и не способствуют активизации частной инициативы по сохранению объектов культурного наследия.

Норма о праве уменьшения установленной арендной платы на сумму понесенных расходов или части затрат для арендаторов объектов культурного наследия федерального значения в настоящее время активно применяется, но каких-то общих принципов и соотношений не существует, так как условия уменьшения арендной платы оговариваются в каждом конкретном случае.

Действующая *норма о сдаче в долгосрочную аренду на 49 лет с установлением льготной арендной платы* объекта культурного значения, находящегося в неудовлетворительном состоянии, при условии осуществления ремонтно-реставрационных работ в 7-летний срок, включая период подготовки и согласования проектной документации, также является важной составляющей привлечения частных лиц к сохранению культурного наследия. Однако заинтересованные лица больше доверяют институту частной собственности, чем долгосрочной аренде. Известны случаи, когда договор о долгосрочной аренде памятника прерывался государственными органами в одностороннем порядке под эгидой смены статуса объекта культурного значения (с регионального на федеральный и наоборот), невзирая ни на какие вложенные частным арендатором средства. Кроме того, превалирование института долгосрочной аренды не способствует формированию в России рынка исторической недвижимости, крайне необходимого для запуска механизмов сохранения культурного наследия за счет средств частных инвесторов.

В качестве наглядного доказательства того факта, что неуверенность частных инвесторов в отношениях с государством по поводу долгосрочной аренды объектов культурного наследия вполне обоснована, приведем Определение Верховного суда в отношении досрочного расторжения охранно-арендного договора о пользовании ОКН от 25 октября 2022 г.[5] Вкратце суть дела такова: в июле 2003 г. ООО «Регда» и ГУ «Главное Управление охраны памятников г. Москвы» заключили охранно-арендный договор о пользовании недвижимым нежилым зданием – объектом культурного наследия, расположенным в г. Москве; в феврале 2006 г. права и обязанности арендатора перешли к ООО «Юридическая фирма Городисский и Партнеры» на основании соглашения, согласно которому арендатор был обязан выполнить за свой счет проектные, ремонтно-реставрационные, консервационные и противоаварийные работы; с 2006 по 2009 г. юрфирма выполнила свои обязательства в отношении реставрации арендуемого ОКН, после чего в июне 2012 г. здание было включено в перечень объектов культурного наследия федерального значения; в декабре 2012 г. Управление Росимущества как арендодатель и юрфирма заключили допсоглашение о том, что документально подтвержденные расходы арендатора по осуществлению ремонтно-восстановительных работ на общую сумму 233,5 млн руб. засчитываются в счет арендной платы; в 2013 г. юрфирма обратилась в Минкультуры РФ с заявлением о предоставлении права на льготную арендную плату, которое было одобрено, вследствие чего было заклю-

[5] https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-zashchitil-pravo-arendatora-istoricheskogo-zdaniya-na-kompensatsiyu-raskhodov-na-ego-restavratsiyu (дата обращения: 30.11.2022).

чено допсоглашение об установлении льготной арендной платы в размере 107 тыс. руб. месяц на срок до 1 июля 2028 г.; в 2019 г. Росимущество передало вышеуказанный объект единому институту развития – акционерному обществу «ДОМ.РФ», которое после государственной регистрации уведомил юрфирму о досрочном расторжении охранно-арендного договора; юрфирма не согласилась с досрочным расторжением договора, после чего «ДОМ.РФ» обратился в арбитражный суд с иском о расторжении договора и освобождении здания; юрфирма, в свою очередь, обратилась со встречным иском о взыскании 233,5 млн руб. необоснованного обогащения в виде стоимости ремонтно-восстановительных работ и 8,4 млн руб. в виде процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленными на сумму долга; суд удовлетворил иск «ДОМ.РФ» и отказал во встречном иске, а суды апелляционной и кассационной инстанций оставили такое решение в силе; юрфирма обратилась в Верховный суд с кассационной жалобой, что суды трех инстанций нарушили нормы права.

Верховный суд принял во внимание доводы юрфирмы о том, что «недопустимо создавать систему, порождающую недоверие к институту ГЧП», отменил решения трех инстанций и отправил в арбитражный суд на новое рассмотрение. Вместе с тем Верховный суд подтвердил, что государство вправе расторгать договоры в одностороннем порядке, но при досрочном расторжении договора аренды арендатор имеет право компенсации причиненных убытков. Не вызывает сомнений, что подобная судебная практика не способствует росту доверия к государству со стороны частных инвесторов.

Норма о компенсации затрат собственникам или пользователям за осуществляемые ими ремонтно-реставрационные работы на этих памятниках за собственный счет находится в латентном состоянии с момента своего введения, поскольку Минфин России который год подряд приостанавливает ее действие. За десять лет существования данной нормы так и не разработана методика расчета этих затрат и собственно сама процедура выплаты компенсации понесенных расходов.

Если говорить об экономической составляющей участия государства в проектах ГЧП, за исключением предоставления аренды сроком на 49 лет, то следует выделить несколько основных сюжетов, применяемых в отечественной практике:

- выделение субсидий на возмещение части затрат инвестора, связанных с оплатой процентов по кредитам;
- строительство транспортной и коммунальной инфраструктуры (электроснабжение, газоснабжение, водоснабжение и водоотведение) за счет бюджетных средств;
- снижение ставки налога на прибыль и освобождение от уплаты налога на имущество в течение срока окупаемости проекта.

Анализ существующих практик в России

Существующая практика свидетельствует о том, что основная часть проектов ГЧП в сфере сохранения культурного наследия в России приходится на арендные соглашения. Однако как на федеральном уровне, так и в отдельных субъектах Федерации предпринимаются различные инициативы по сохранению культурного наследия. Рассмотрим подробнее некоторые из таких инициатив, получивших широкое освещение в средствах массовой информации.

На федеральном уровне действуют два проекта: концепция «Зеленый коридор» и проект «Возрождение исторических усадеб» в рамках национального приоритетного проекта «Культура».

Концепция «Зеленый коридор» была инициирована Минкультуры России совместно с Росимуществом в 2014 г. и реализуется через акционерное общество «Распорядительная дирекция Минкультуры России» со 100% государственным участием. Учредителем Распорядительной дирекции является Росимущество. Распорядительная дирекция владеет объектами культурного наследия на праве собственности. Девиз Общества: «Мы восстанавливаем и сохраняем памятники истории и культуры». Примечательно, что цели деятельности Дирекции напрямую никак не связаны с сохранением культурного наследия. Согласно Уставу, общество осуществляет свою деятельность в целях: 1) получения прибыли, в том числе дивидендов по акциям дочерних обществ, находящихся в собственности Общества; 2) повышения рыночных акций Общества (в редакции Устава от 30 марта 2021 г.). А для достижения этих целей Общество вправе осуществлять такие виды деятельности, как подготовка к продаже и продажа ОКН, сдача в аренду и управление ОКН, обеспечение проведения работ по сохранению ОКН и проч.

Концепция подразумевает продажу объектов культурного наследия частным инвесторам в рассрочку на конкурсной основе при обязательном условии осуществления ремонтно-реставрационных работ на приобретенных объектах культурного наследия. Согласно условиям концепции, частный покупатель по результатам торгов оплачивает 20% итоговой стоимости объекта и получает его в пользование на условиях аренды. По завершении ремонтно-реставрационных работ и выплате оставшейся суммы равными долями на протяжении всего срока реставрации частный инвестор получает памятник в частную собственность. По условиям концепции проект должен быть реализован в течение 7-летнего периода.

По сути, концепция «Зеленый коридор» является ничем иным как приватизацией государственной собственности, имеющей культурно-историческое значение. Росимущество передает права собственно-

сти на отдельные объекты культурного наследия Распорядительной дирекции в качестве уставного капитала, а та осуществляет их продажу в рассрочку частным покупателям через процедуру открытых торгов с отлагательным условием перехода права собственности после осуществления ремонтно-реставрационных работ.

Назвать эту концепцию успешной пока не представляется возможным. Смещение акцента с сохранения культурного наследия и поиска адекватного частного собственника, готового вложиться в рискованный проект по восстановлению памятника (как известно, реставрация обходится в 5 раз дороже, чем новое строительство), на стремление продать его как можно дороже позволяет усомниться в успешности данной инициативы.

Успешная реализация объектов культурного наследия требует крупных (скорее всего, корпоративных) игроков и значительных финансовых вложений. Об эффективности деятельности Общества свидетельствует тот факт, что если усадьба Гребнево была продана в 2018 г., то усадьба Никольское-Урюпино ждет своего часа с 2014 г. Продажа одного-двух объектов за 8-летний период своего существования Общества при отсутствии какого-либо публичного отчета позволяет усомниться в жизнеспособности и нужности такого рода структуры.

Таким образом, концепция «Зеленый коридор» (примечательно, что разработчики не назвали ее программой) была реализована на отдельных объектах культурного наследия, но это скорее разовые акции, нежели широко зарекомендовавшая себя практика. И дело здесь – в расстановке приоритетов: если цель – сохранение культурного наследия, тогда не нужно пытаться заработать на руинах, а следует стремиться передать их в руки заинтересованного собственника на льготных условиях.

Проект «Возрождение исторических усадеб» был инициирован Министерством культуры РФ в 2019 г. для привлечения средств частных инвесторов в сохранение объектов культурного наследия, являющихся историческими усадебными комплексами. Он вошел в федеральный проект «Культурная среда» национального приоритетного проекта «Культура». Координатором проекта выступило АУИПИК (Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры). К 2024 г. должны быть утверждены 50 инвестиционных паспортов усадеб, включающих в себя исторические исследования, научно-изыскательную и техническую документацию, инженерное обследование и расчет инвестиций. На эти цели запланировано выделить 100 млн руб. (причем в 2020 г.). В данном случае речь идет о выделении средств на подготовку к вовлечению в хозяйственный оборот объектов культурного наследия. А после подготовки необходимой документации эти

объекты будут выставляться на торги. К сожалению, с августа 2020 г. координатором проекта не представлена конкретная информация по его реализации.

Далее рассмотрим инициативы различных субъектов РФ (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Калининградская область, Новгородская область, Нижегородская область, Самарская область).

Программа «Рубль за квадратный метр» инициирована Правительством Москвы в 2012 г. (Постановление Правительства г. Москвы от 24 января 2012 года № 12-ПП). Программа ориентирована на сохранение архитектурных памятников, которые нуждаются в реставрации, за счет предоставления в долгосрочную аренду сроком на 49 лет на конкурсной основе (открытые торги или аукцион) частным инвесторам. Победитель торгов заключает договор аренды и берет на себя все обязательства по осуществлению ремонтно-реставрационных работ. По завершении реставрации ставка арендной платы становится равной 1 руб. за 1 кв. м в год. Пока идут ремонтно-реставрационные работы, инвестор оплачивает аренду по ставке, определенной в ходе аукциона. В московской программе частный инвестор должен выполнить ремонтно-реставрационные работы в течение 5 лет, после чего у него появляется право льготной арендной ставки.

За прошедшие 10 лет существования Программы она была реализована на 34 объектах культурного наследия, из которых 20 памятников были отреставрированы и переданы в аренду по льготной ставке[6].

Акцент программы на долгосрочной аренде вместо частной собственности не способствует широкому распространению данной инициативы. Кроме того, льготная арендная плата появляется только с момента завершения ремонтно-реставрационных работ. До этого момента частный инвестор несет на себе все бремя расходов по приведению зачастую руинированного объекта культурного наследия в надлежащий вид. При этом программа не гарантирует, что по завершении срока аренды арендодатель или его потомки смогут претендовать на преимущественное право выкупа объекта культурного наследия на льготных основаниях. В этой связи частный инвестор находится в достаточно уязвимом положении и вкладывает собственные средства в восстановление объекта культурного наследия на свой страх и риск.

Программа «Усадьбы Подмосковья» была инициирована Правительством Московской области в 2013 г. (Постановление Правительства Московской области от 13 мая 2013 года № 297/17). Программа подразумевает предоставление частным инвесторам объектов культурного наследия нежилого назначения, находящихся в неудовлетворительном состоянии, на конкурсной основе (посредством открытых торгов

[6] https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/140054.

или аукциона) на условиях долгосрочной аренды сроком на 49 лет при обязательном условии их ремонта и восстановления за счет собственных средств. По завершении ремонтно-реставрационных работ арендная плата становится равной 1 руб. за 1 кв. м в год вплоть до истечения срока аренды. Причем по условиям договора объект должен быть отреставрирован в течение 7-летнего периода. До завершения срока реставрации действует рыночная ставка арендной платы.

За все время действия Программы в долгосрочную аренду переданы 16 объектов культурного наследия регионального значения и 17 объектов культурного наследия муниципального значения. Из 320 объектов культурного наследия, расположенных в Московской области, 30% находятся в неудовлетворительном состоянии[7].

Комплексный подход Московской области к восстановлению объектов культурного наследия включает в себя установление льготной ставки арендной платы на землю, на которой находится памятник. При расчете размера арендной платы Кд (коэффициент, учитывающий условия использования арендатором земельного участка или вид деятельности арендатора на земельном участке), Пкд (повышающий коэффициент) и Км (коэффициент, учитывающий местоположение земельного участка на территории муниципального образования) устанавливаются равными 1. Таким образом, размер арендной платы за землю рассчитывается исходя из базового размера арендной платы и площади земельного участка.

По аналогии с программой «Рубль за квадратный метр» программа Московской области ориентирована на долгосрочную аренду, что существенно сужает круг потенциальных частных инвесторов, готовых вкладывать серьезные финансовые ресурсы исключительно на правах частной собственности.

Программа аренды ОКН «Рубль за метр» в Санкт-Петербурге была инициирована в 2018 г. Комитетом имущественных отношений и Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников Санкт-Петербурга. С 2021 г. готовить документацию для объектов по программе стало СПб ГБУ «Агентство по развитию имущественного комплекса» (АРИК), подведомственное Комитету имущественных отношений. В программе участвуют ОКН, которые находятся в неудовлетворительном состоянии и не используются. Суть программы аналогична программам других регионов по сдаче на конкурсной основе в долгосрочную аренду объектов культурного наследия. Другими словами, право льготной арендной ставки появляется только после проведения ремонтно-реставрационных работ,

[7] https://riamo.ru/article/562287/programmu-gosudarstvenno-chastnogo-vosstanovleniya-usadeb-podmoskovya-prodolzhayut-vorobev-xl.

которые должны быть осуществлены в течение 7 лет. По состоянию на июнь 2022 г. только шесть объектов культурного наследия были переданы в долгосрочную аренду[8]. Инициаторы проекта преимущество долгосрочной аренды в качестве инструмента сохранения культурного наследия связывают с тем, что памятник остается в государственной собственности.

Программа «Культурное наследие в хорошие руки» в Новгородской области была инициирована Министерством инвестиционной политики в 2019 г., а стартовала – в 2020 г. Справедливости ради следует отметить, что уже в 2018 г. в области действовал проект «Новгородская усадьба» с возможностью выкупа объекта культурного наследия за 1 руб., но он не пользовался большой популярностью среди инвесторов. Позднее эта инициатива была трансформирована в приоритетный региональный проект «Культурное наследие в хорошие руки». В рамках проекта частный инвестор может приобрести в собственность объект культурного наследия, находящийся в неудовлетворительном состоянии, за 1 руб. при условии его восстановления и приспособления к современному использованию в срок до семи лет. Следует отметить, что по символической стоимости в 1 руб. продается только историческое здание, в то время земельный участок под ним – по рыночной стоимости, определяемой независимым оценщиком.

Ввиду низкой привлекательности Программы для частных инвесторов (11 объектов, выставленных на продажу, в течение 2-х лет не были востребованы) позднее в нее были внесены дополнения, связанные с возможностью предоставления покупателю исторической недвижимости субсидий из областного бюджета на частичную компенсацию затрат на уплату процентов по кредитным договорам (договорам займа), взятым для проведения ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия. Размер предоставляемой субсидии рассчитывается на основании фактически понесенных затрат на уплату процентов по кредиту или займу в размере 80% от процентной ставки по кредиту (займу).

Очевидно, что низкая привлекательность Программы для частного инвестора во многом обусловлена условием приобретения земельного участка под объектом культурного наследия по рыночной стоимости. К стоимости ремонтно-восстановительных работ в рамках заданного промежутка времени (не более 7 лет) добавляется рыночная стоимость земельного участка.

Программа Калининградской области «Финансирование проектов по вовлечению объектов культурного наследия в хозяйственный оборот» была

[8] https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2022/06/14/Справка_по_программе_Рубль_за_метр_30.05.2022.pdf.

инициирована правительством области в ноябре 2020 г. Старт Программы состоялся в апреле 2021 г. Следует отметить, что целью Программы изначально была заявлена не реставрация культурно-исторической недвижимости как таковой, а реализация инвестиционных проектов, связанных с запуском коммерческой активности на восстановленных ОКН. Оператором Программы является Центр поддержки предпринимательства «Мой бизнес»[9].

Суть Программы заключается в предоставлении целевой финансовой поддержки субъектам малого и среднего бизнеса для восстановления и вовлечения в хозяйственный оборот объектов культурно-исторической недвижимости. Финансовые средства предоставляются в двух формах: 1) в виде беспроцентного займа; 2) в виде безвозмездной финансовой поддержки.

Целевой заем предоставляется на срок до 15 лет по нулевой процентной ставке с отсрочкой погашения основной суммы займа до 10 лет (выплаты осуществляются только в течение последних пяти лет). Максимальная сумма займа – до 500 млн руб. Заем предоставляется несколькими траншами в зависимости от масштаба работ на ОКН, причем последующий транш выплачивается при условии целевого использования финансовых средств в текущем периоде на основе утвержденного бизнес-плана.

Если собственник или арендатор ОКН проведет ремонтно-реставрационные работы и сможет использовать его в коммерческих целях в течение первых пяти лет, то у него появится опция списания до 50% от суммы займа. Таким образом, к беспроцентному займу подключается опция безвозмездной финансовой поддержки, позволяющая сократить сумму погашения займа в двукратном размере.

Важно, что средства займа могут использоваться не только на покрытие прямых расходов, непосредственно связанных с ремонтно-восстановительными работами, но и на оплату проектных работ, а также многочисленных процедур согласования.

По условиям Программы максимальный объем средств, полученный одним заявителем, не может превышать 1 млрд руб. Однако на реализацию программы в 2021–2023 гг. запланировано ежегодно выделять по 50 млн руб. из бюджета области. Поэтому оперировать объемами финансовой поддержки из областного бюджета в размере от 0,5 до 1 млрд руб. пока не представляется возможным.

По сообщениям в СМИ, для участия в Программе в апреле 2021 г. было заявлено 7 инвестпроектов на общую сумму в 1,4 млрд руб. На состоявшемся в октябре 2022 г. круглом столе «Новая жизнь объектов культурного наследия: от идеи до реализации», организованном пра-

[9] https://mbkaliningrad.ru/okn (дата обращения: 01.12.2022 г.).

вительством Калининградской области при информационной поддержке РБК на площадке Агентства стратегических инициатив «Точка кипения – Арбат», было заявлено, что благодаря Программе «уже удалось часть объектов восстановить по чертежам, картинам, другим источникам, а часть — законсервировать и использовать для культурных целей»[10].

Проект «Участок под застройку взамен на восстановление ОКН» в Нижнем Новгороде был реализован в ноябре 2022 г. Речь идет о конкретном проекте, связанном с реставрацией усадьбы Гусевых в квартале Церкви трех святителей. Компания – застройщик жилья «ННДК-Мещера» вложила 87 млн руб. в реставрацию памятника регионального значения, находившегося в неудовлетворительном состоянии и не использовавшегося. Взамен застройщик получил без торгов земельный участок площадью 0,7 га под строительство нового жилого комплекса с символической арендной платой в размере одного рубля в год. Примечательно, что реставрация была осуществлена в 1,5-годичный срок[11]. В Нижнем Новгороде предполагают реализовать эту схему еще на двух подходящих для реновации участках с обязательной реставрацией ОКН.

О Народном облигационном займе Самарской области известила газета «Волжская коммуна» от 21 сентября 2016 г. материалом под названием «Средства Народного займа пойдут на обновление исторического центра Самары». Программа была инициирована экс-губернатором Самарской области Н. Меркушкиным. Известно, что было выпущено 8500 облигаций номиналом в 60000 руб. за каждую на общую сумму эмиссии 510 млн руб. Срок погашения – конец 2019 г. Доходность облигаций анонсировалась как 13% годовых. Собранные средства должны были быть направлены в Самарский областной фонд жилья и ипотеки для реконструкции исторического центра Самары.

С момента анонсирования проекта целый ряд обстоятельств позволял усомниться в успехе данного проекта:

1. Эмитентом облигаций выступала некая ООО «Технологии строительства СОФЖИ». В отличие от банковских депозитов, средства, вложенные в облигации, не защищены государственной системой страхования вкладов физических лиц. Данный облигационный заем, по сути, ничем не обеспечен. Риски невозврата данных средств достаточно высоки.

2. Доходы по облигациям, как впрочем и по любым другим ценным бумагам, облагаются НДФЛ, что снижает доходность облигаций.

[10] АСИ подключится к разработке регионального стандарта по сохранению и приумножению объектов культурного наследия. https://asi.ru/news/190746.

[11] https://www.kommersant.ru/doc/5695087.

3. Не нужно забывать об инфляции, высокий уровень которой существенно снижает реальную доходность облигаций.

4. Социально-экономическое положение населения в Самарской области едва ли может позволить простым гражданам приобрести облигацию номиналом в 60000 руб. в массовом порядке, чтобы подтвердить «народность» данной инициативы.

5. Введение подобных финансовых механизмов требует доверия к государственной системе со стороны населения. Практика показывает, что государство склонно менять правила игры по ходу самой игры, причем зачастую не в интересах простых граждан. Этот факт явно не способствует укреплению доверия населения к таким новациям, как анонсированный Народный облигационный заем.

6. Наконец, заявленный «жесткий контроль расходования средств» также может быть поставлен под сомнение, потому что заемные средства будут направляться не в специально созданный фонд по сохранению культурного наследия, а размываться в общей сумме средств Самарского областного фонда жилья и ипотеки. Также не исключена вероятность, что «обновление исторического центра Самары» окажется всего лишь рекламным ходом, далеким от реальных действий по сохранению культурного наследия.

Позднее оказалось, что озвученные выше опасения оправдались. Работы по реконструкции исторического центра Самары так и не начались, так как проект не прошел стадию согласований, в том числе по причине несогласия общественности с концепцией многоэтажной застройки центра города. Весной 2017 г. была объявлена процедура отзыва облигаций, а к 6 февраля 2018 г. планировалось погасить все облигации Народного займа. Во многом Народный заем потерпел фиаско, так как основные инициаторы проекта лишились своих должностей.

Таким образом, резюмируя отдельные кейсы федеральных и региональных органов власти по привлечению частных инвесторов к сохранению объектов культурного наследия, можно отметить их относительно низкую популярность в целом. Подавляющая часть проектов представлена долгосрочной арендой с льготной ставкой. В гораздо меньшей степени встречаются случаи приватизации объектов культурного наследия. С одной стороны, неуспех данных инициатив связан с недоверием со стороны потенциальных инвесторов к государству и к установленным им «правилам игры». С другой стороны, в массе своей попытки привлечения частных средств в сферу сохранения культурного наследия тесно связаны с латентным желанием чиновников заработать на потенциальных инвесторах. Это выражается как в сдаче в долгосрочную аренду за 1 рубль руинированного объекта культурного наследия при условии арендной платы за использование земельного участка под

ним по рыночной стоимости, так и собственно в приватизации памятника, находящегося в неудовлетворительном состоянии, в рассрочку или предоставлении льготной арендной ставки только после завершения ремонтно-реставрационных работ. В этой связи гораздо привлекательней для инвестора выглядят инициативы Калининградской и Нижегородской областей. Другой вопрос, насколько конкретные успешные кейсы можно масштабировать и распространять в других регионах. Совершенно очевидно, что общая экономическая конъюнктура в стране, а также социально-экономическое положение регионов вносят свою лепту в реализацию подобного рода проектов.

Откровенно говоря, успешная реализация немногочисленных в массе своей проектов по сохранению культурного наследия за счет частных средств является не столько благодаря, сколько вопреки сложившейся в России институциональной среде. Поэтому те немногочисленные частные инвесторы, которые по зову сердца («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам…») рискнули вложить свои средства в восстановление объектов культурного наследия, достойны искреннего уважения и восхищения.

Нельзя не согласиться с Донованом Рипкемой, что «исторические здания не подойдут застройщикам, которые хотят быстро разбогатеть. Сохранение исторического наследия – выгодная стратегия для тех, кто инвестирует в будущее» [8, с. 99]. Поэтому применение проектов ГЧП в сфере культуры получит широкое распространение в России только тогда, когда частные предприниматели и общественные организации будут заинтересованы в реализации долгосрочных социально значимых проектов, а не только в извлечении прибыли, что, в свою очередь, потребует кардинальных изменений в мировоззрении потенциальных инвесторов, представителей власти и местного самоуправления, а также общественных активистов.

* * *

Для создания благоприятной институциональной среды требуется сотрудничество государства, общества и бизнеса в сфере сохранения культурного наследия, для чего необходимо:

– изменение существующей парадигмы финансирования культуры. В богатых регионах наследие гибнет от гнета больших денег, а в бедных регионах – от их недостатка или отсутствия;
– создание специального федерального органа (Росохранкультура), т.к. функционал Минкультуры России не справляется с этой задачей. Недопустимость передачи функций по реставрации в ведение Минстроя;
– укрепление местного самоуправления. Без реформы местного самоуправления проблемы сохранения культурного наследия не

сдвинутся с мертвой точки. Развитие краеведческого движения. Восстановление культурного наследия на основе сплоченности местного сообщества. Чувство сопричастности территории;
– создание банка данных по реализованным и реализуемым проектам сохранения культурного наследия в регионах России. Распространение и широкое общественное освещение лучших практик.
– разработка методики оценки инвестиционной привлекательности объектов культурного наследия;
– поддержка общественных и волонтерских организаций, институтов гражданского общества, работающих в сфере сохранения культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волков О.В.* Погружение во тьму. Из пережитого. Paris: Atheneum, 1987.
2. *Rizzo I., Mignosa A.* Preface. In: Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013. Pp. XXIV–XXXII.
3. *Rypkema D.* Heritage Conservation and the Local Economy // Global Urban Development Magazine. 2008. Vol. 4 (1). https://www.globalurban.org/GUDMag08Vol4Iss1/Rypkema%20PDF.pdf.
4. *Benhamou F.* Public intervention for cultural heritage: normative issues and tools. In: Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013. Pp. 3–16.
5. *Rypkema D.* Economics and the built cultural heritage. In: Heritage and Beyond. Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe Publishing. December 2009. Pp. 113–123.
6. *Rypkema D., Cheong C.* Measuring Economic Impacts of Historic Preservation. A Report to the Advisory Council on Historic Preservation. November 2011. Washington, DC and Randall Mason, PhD. University of Pennsylvania, School of Design, Historic Preservation Program. https://www.achp.gov/sites/default/files/guidance/2018-06/Economic%20Impacts%20v5-FINAL.pdf.
7. *Дударенко В.Н., Герасимов Н.М., Генин Л.В., Выдрин И.В.* Органы местного самоуправления и сохранение объектов культурного наследия // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 11–19.
8. *Рипкема Д.* Экономика исторического наследия: практическое пособие для руководителей / Пер. с англ. М.: ЗАО «Билдинг Медиа Груп», 2006.

REFERENCES

1. *Volkov O.* Diving into Darkness. From the Experience. Paris: Atheneum, 1987. (In Russ.).
2. *Rizzo I., Mignosa A.* Preface. In: Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013. Pp. XXIV–XXXII.
3. *Rypkema D.* Heritage Conservation and the Local Economy // Global Urban Development Magazine. 2008. Vol. 4 (1). https://www.globalurban.org/GUDMag08Vol4Iss1/Rypkema%20PDF.pdf.

4. *Benhamou F.* Public intervention for cultural heritage: normative issues and tools. In: Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013. Pp. 3–16.
5. *Rypkema D.* Economics and the built cultural heritage. In: Heritage and Beyond. Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe Publishing. December 2009. Pp. 113–123.
6. *Rypkema D., Cheong C.* Measuring Economic Impacts of Historic Preservation. A Report to the Advisory Council on Historic Preservation. November 2011. Washington, DC and Randall Mason, PhD. University of Pennsylvania, School of Design, Historic Preservation Program. https://www.achp.gov/sites/default/files/guidance/2018-06/Economic%20Impacts%20v5-FINAL.pdf.
7. *Dudarenko V.N., Gerasimov N.M., Genin L.V., Vydrin I.V.* Bodies of local government and conservation of objects of cultural heritage // Municipality: Economics and Management. 2018. № 3 (24). Pp. 11–19. (In Russ.).
8. *Rypkema D.* The economics of historic preservation: A community leader's guide. Moscow: ZAO Building Media Group, 2006. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *20.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Muzychuk Valentina Yurievna – Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director for Science of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
vm-instecon@yandex.ru

ECONOMICS OF CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA: FEATURES AND CONTRADICTIONS

The article focuses on the financial aspects of cultural heritage preservation in Russia. The amount of public funding is investigated, detailing the levels of the budgetary system, the regional context, and the expenditures by type of work. The main measures and mechanisms for attracting private funds into the sphere of cultural heritage preservation in current legislation are analyzed, the features and contradictions of their application in practice are revealed. Particular attention is paid to analysis of federal and regional initiatives for privatization or leasing of cultural heritage objects under condition of their restoration and revitalization (under the programs "Green corridor", "Revival of historical estates", "One ruble per square meter", "Moscow region estates", "Cultural heritage in good hands", etc.). The analysis shows that the existing initiatives cannot be regarded as generally successful, and some accomplished projects indicate no systematic state support. This is largely due to the lack of a coherent system of cultural heritage management in Russia, which often results in unfriendly management decisions in the field of historical and cultural heritage preservation.

Keywords: *cultural heritage, economics of cultural heritage, cultural and historical real estate, PPP in the sphere of cultural heritage preservation, cultural monuments, preferential rental rate, ruble per meter, historical estates.*
JEL: Z1.

Д.И. УШКАЛОВА
кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей ФГБУН Институт экономики РАН

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ И ЭКСПОРТ РОССИИ В 2022 г.: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена анализу влияния антироссийских санкций на мировые товарные рынки и экспорт России в 2022 г. На основе анализа специфики воздействия санкционного режима на уровень цен на мировых товарных рынках с учетом роли на них России как ведущего экспортера сырьевых товаров обосновывается существование эффекта, названного автором «ловушкой большой страны» для санкций. Рассмотрено влияние данного эффекта на экспорт России. Сделан вывод о резистентности отечественного экспорта к действующему санкционному режиму в 2022 г. Проанализированы риски для развития отечественного экспорта в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Сформулированы предложения в отношении реализации комплекса мер, направленных на противодействие негативному влиянию санкционного режима на экспорт России.

Ключевые слова: *антироссийские санкции, экспорт России, мировые цены, мировые товарные рынки.*

JEL: F51, F13, F10, F14, F42, F01, F52, E31.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_34_51.

В 2022 г. отечественная внешняя торговля развивалась в условиях беспрецедентного санкционного режима, инициированного недружественными странами: Россия стала безоговорочным мировым лидером по числу наложенных на нее санкций, которое уже весной превысило 10 тыс. и в дальнейшем продолжало расти. Антироссийские санкции и аналогичные по воздействию меры, принятые на корпоративном уровне, обширны и диверсифицированы по характеристикам, степени и срокам влияния на внешнюю торговлю, однако в целом направлены на всестороннее осложнение ведения внешнеэкономической деятельности, сокращение объемов как экспорта, так и импорта.

Этой цели подчинены и прямые запреты экспорта/импорта из/в Россию со стороны недружественных стран, и повышение таможенных пошлин на отечественную продукцию, и логистические санкции, препятствующие доставке товаров, и финансовые санкции, затрудняющие осуществление внешнеторговых платежей, и меры, инициированные бизнес-структурами иностранных государств на корпоративном уровне и предусматривающие прекращение ведения бизнеса с российскими контрагентами, которые формально не являются санкциями, однако имеют с ними общую природу[1].

Масштабное расширение санкционного режима против России со стороны недружественных стран в 2022 г. ознаменовало новый этап в использовании санкций: фактически произошло радикальное изменение их характеристик как инструмента политико-экономического давления. В связи с этим адекватная оценка санкционных эффектов для мировой экономики и торговли требует опоры не на данные о предшествовавшем опыте использования санкций, а на анализе влияния новых сущностных характеристик применяемого санкционного режима.

Специфика современного санкционного давления на Россию, делающая его беспрецедентным, определяется комплексом факторов, включающих и беспрецедентную скорость эскалации санкционных мер, и их масштаб, ставший результатом одновременного применения и модели «традиционных» санкций с широким охватом, и доктрины «умных», таргетированных санкций [2]. Главное же качественное отличие антироссийских санкций от прочих состоит в специфике адресата – России – и его влиянии на конъюнктуру мировых товарных рынков: никогда прежде санкции не применялись в отношении относительно крупной и диверсифицированной экономики, на долю которой приходится столь весомая часть мирового предложения важнейших товаров.

По итогам 2021 г., по данным Всемирного Банка, на Россию приходилось 1,85% мирового ВВП по текущему курсу (11 место в мире между Республикой Кореей и Бразилией) и 3,1% мирового ВВП по паритету покупательной способности (6 место в мире между Германией (3,3%) и Индонезией (2,4%)) (см. табл. 1). При этом Россия по итогам 2021 г. занимала второе место в мире по производству природного газа с долей 17,4% от мирового производства (1 место – США, 23,2%) и 1 место в мире по объемам экспорта природного газа (17,4% мирового экспорта), 2 место в мире после США по производству сырой нефти (13,8% мирового производства), 2 место в мире после Саудовской Аравии по экспорту сырой нефти (10,9% мирового экспорта)

[1] Подробнее о характеристиках санкционного режима против России см. [1].

и 2 место в мире после США по экспорту нефтепродуктов (8,1% соответственно) [3].

Не менее значимыми были позиции России на глобальном продовольственном рынке, рынках удобрений и металлов. Так, доля отечественной пшеницы на мировом рынке в последние годы составляла 17–20% (в целом на рынке зерновых – 8–10%). На Россию приходилось около 20% мирового экспорта калийных удобрений, больше 15% – азотных, почти 37% мировых поставок аммиака; до 30% мирового экспорта чугуна, более 10% поставок алюминия и пр. (см. табл. 1).

Таким образом, с точки зрения ключевых сырьевых рынков, Россия в терминах теории внешнеторгового регулирования все последние годы выступала в качестве так называемой «большой страны», т. е. страны, предложение товара со стороны которой влияет на уровень мировых цен. Вне зависимости от своих причин, ограничение предложения товара со стороны «большой страны», или даже ожидание такого ограничения, в краткосрочном периоде неизбежно приводит к росту цен, что и наблюдалось на протяжении 2022 г. на большинстве ключевых сырьевых рынков.

Так, начиная с марта 2022 г. наблюдался резкий рост цен на нефть, сопровождающийся повышением их волатильности (см. рис. 1). Во второй половине года цены начали снижаться, в основном на фоне прогнозов о замедлении мировой экономики и повышении вероятности рецессии, однако они продолжают находиться в диапазоне 80–100 долл. за баррель, что выше среднего значения для 2021 г.

Источник: построено автором по: данные Энергетического агентства США. http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRTE&f=D.

Рис. 1. Динамика цен на нефть марки «Brent» в 2020–2022 гг., долл. за баррель

Таблица 1

Значение России для мировой экономики и мировых товарных рынков

Показатель	Доля в общемировом показателе, %	Источник данных
ВВП (в текущих ценах) в 2021 г.	1,85	Всемирный Банк (worldbank.org)
ВВП (по ППС, в ценах 2017 г.) в 2021 г.	3,1	Всемирный Банк (worldbank.org)
Производство природного газа в 2021 г.	17,4	OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
Экспорт природного газа в 2021 г. (физические объемы)	17,4	OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
Экспорт природного газа в 2020 г.	25,3	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Производство сырой нефти в 2021 г.	13,8	OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
Экспорт сырой нефти в 2021 г.	10,9	OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
Экспорт сырой нефти в 2020 г. (физические объемы)	11,4	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт нефтепродуктов в 2021 г.	8,1	OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm

Продолжение табл. 1

Показатель	Доля в общемировом показателе, %	Источник данных
Экспорт угля в 2020 г. (физические объемы)	17,8	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт чугуна в 2020 г. (стоимостные объемы)	29,6	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Производство палладия в 2021 г.	39,6	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.
Экспорт палладия в 2020 г. (стоимостные объемы)	27,3	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт платины в 2020 г. (стоимостные объемы)	13,8	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт алюминия в 2020 г. (стоимостные объемы)	10,3	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт никеля	6,0	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf

Продолжение табл. 1

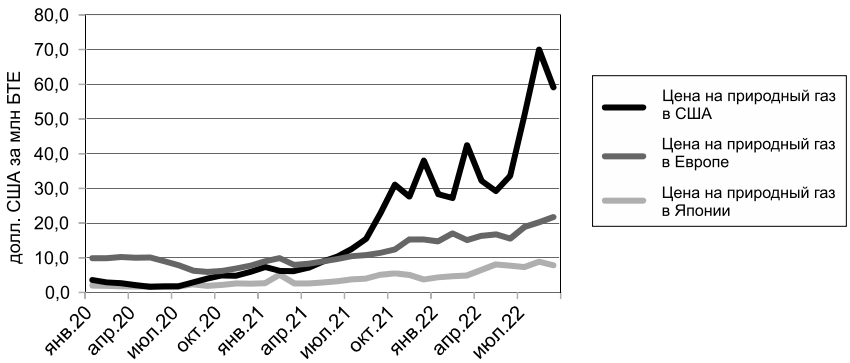
Показатель	Доля в общемировом показателе, %	Источник данных
Экспорт высококачественного никеля, используемого для производства аккумуляторных батарей	20,0	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт удобрений (фосфатных, калийных, азотных) в 2020 г. (стоимостные объемы)	14,4	Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf
Экспорт азотных удобрений в 2020 г.	15,1	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.
Экспорт диаммония фосфата (фосфорные удобрения) в 2020 г.	8,5	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.
Экспорт хлористого калия (калийные удобрения) в 2020 г.	19,0	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.
Экспорт аммиака в 2020 г.	31,7	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.

Окончание табл. 1

Показатель	Доля в общемировом показателе, %	Источник данных
Экспорт серы в 2020 г.	17,5	Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf.
Экспорт зерновых в 2021/2022 сельскохозяйственном году	8,3	Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.
Экспорт зерновых в 2020/2021 сельскохозяйственном году	10,2	Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.
Экспорт пшеницы в 2021/2022 сельскохозяйственном году	17,2	Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.
Экспорт пшеницы в 2020/2021 сельскохозяйственном году	19,9	Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.
Экспорт по статье «масла и жиры» в 2020/2021 сельскохозяйственном году	4,90	Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.

Источник: составлено автором по: данные Всемирного Банка (worldbank.org, [4], [5]), ОПЕК [3], Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (ФАО) [6].

Цены на природный газ в 2022 г. также резко возросли (см. рис. 2), особенно на европейском рынке. Беспрецедентный рост газовых цен в Европе в преддверии зимнего периода был, безусловно, спровоцирован необходимостью заполнения хранилищ в условиях дефицита российского газа после прекращения прокачки по газопроводу «Северный поток» в результате диверсии. Однако в среднем в течение последних 4 кварталов цены на природный газ на европейском рынке превышали средние уровни цен за последние 5 лет на 420% [5]. Несмотря на то, что после достижения целевых показателей по уровню заполнения хранилищ и в условиях снижения потребления европейские цены на газ начали снижаться, они продолжают находиться на чрезвычайно высоких уровнях, на порядок превышающих уровни предыдущих лет и в разы – цены на американском и азиатском рынках.

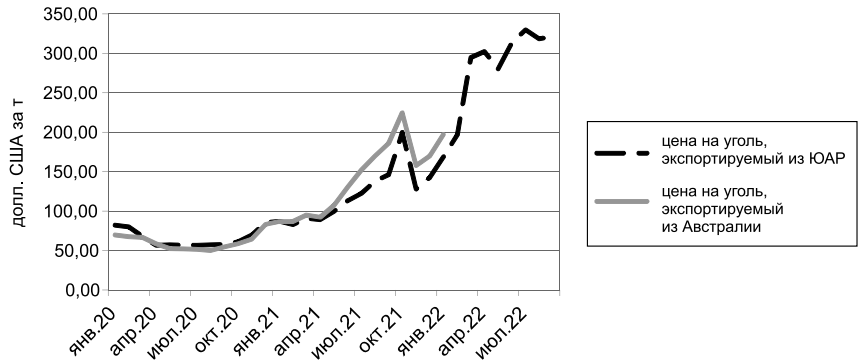


Источник: построено автором по: данные Всемирного Банка [5].
Рис. 2. Динамика цен на природный газ в различных регионах мира в 2020–2022 гг., долл. за млн БТЕ.

Подорожание природного газа обусловило переориентацию потребителей из многих стран на уголь, что во многом обусловило рост цен и на данный вид топлива (см. рис. 3). При этом важным фактором повышения цен, безусловно, явилось сокращение поставок из России в результате введения недружественными странами запрета на импорт российского угля в рамках меры санкционного воздействия[2]. Так, по данным Всемирного Банка, начиная с марта 2022 г. наблюдалось снижение объема поставок угля из России в ЕС, в результате чего к августу ввоз российского угля в сравнении с аналогичным месяцем 2021 г. сократился на 171 млн т, причем выпадающий импорт не был

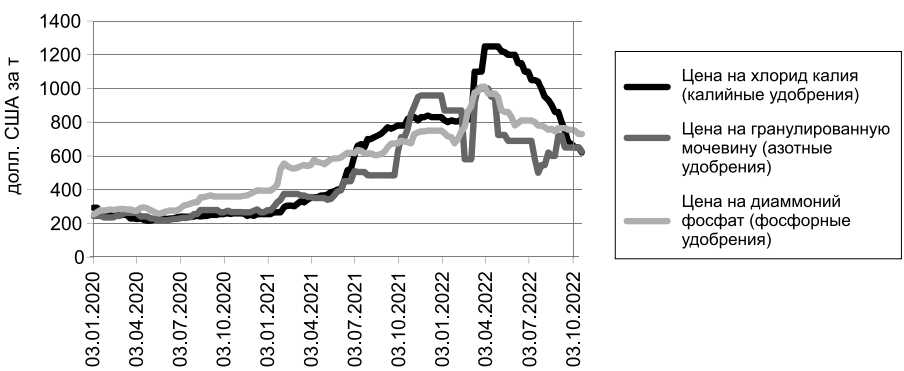
[2] С 10 августа 2022 г. вступил в силу полный запрет на поставки в ЕС российского угля (Решение Совета ЕС (CFSP) 2022/578 от 8 апреля 2022 г. о внесении поправок в Решение 2014/512/CFSP). Эмбарго на российский уголь также действует в США, Японии и Швейцарии. https://www.rbc.ru/politics/10/08/2022/62e229b39a794791f3187fe3?ysclid=lbb0mspafu220424253.

компенсирован другими крупнейшими поставщиками: США нарастили свои поставки только на 50 млн т, Австралия – на 15 млн т, Колумбия – на 5 млн т [5].



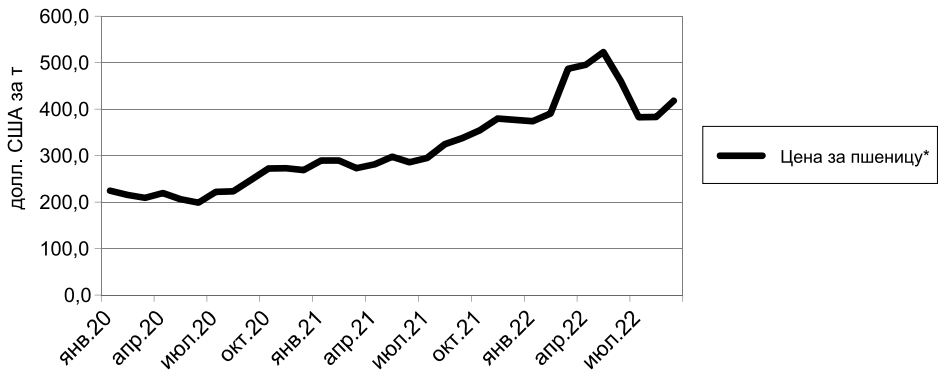
Источник: построено автором по: данные Всемирного Банка [5].
Рис. 3. Динамика эталонных цен на уголь в 2020–2022 гг., долл. за т

Повлияли антироссийские санкции и на конъюнктуру глобального рынка удобрений. Опасения в отношении приостановки поставок из России в совокупности с повышением стоимости углеводородов привели к резкому росту цен на все виды удобрений в марте–апреле 2022 г., причем наиболее резкий рост демонстрировали цены на калийные удобрения, почти 40% поставок которых традиционно обеспечивали Россия и Беларусь. В дальнейшем, по мере ослабевания панических настроений на рынке, адаптации экспортеров к условиям работы в санкционном режиме и снижении цен на природный газ, цены на рынках удобрений начали падать (см. рис. 4). Тем не менее, прогнозируемая Всемирным Банком средняя цена на хлорид калия в 2022 г. будет превышать аналогичный показатель для 2021 г. в 2,5 раза, на диаммоний фосфат – на 31,5%, на мочевину – в 1,5 раза [5].



Источник: построено автором по: данные Всемирного Банка [5].
Рис. 4. Динамика цен на удобрения на спотовых рынках в 2020–2022 гг., долл. за т

Весьма сходная картина наблюдалась в 2022 г. и на рынке зерновых, в частности, пшеницы. Ожидания прекращения поставок российского зерна под воздействием санкций[3] и прекращение вывоза украинского зерна в результате блокировки портов привели к возникновению панических настроений на рынке и резкому росту котировок (см. рис. 5). На практике, однако, пессимистические прогнозы в отношении нехватки зерна не оправдались. С одной стороны, экспорт украинского зерна был разблокирован в результате заключения так называемой «Зерновой сделки»[4]. С другой стороны, российские экспортеры в значительной степени адаптировались к работе в условиях действующих ограничений. Так, по оценкам аналитического центра «Русагротранс», российский экспорт пшеницы в июле–ноябре 2022 г. составил около 20,2 млн т, что меньше потенциала (с учетом рекордного урожая этого года), однако превышает аналогичные показатели прошлого года на 9,2%[5]. В условиях отсутствия реального дефицита на рынке цены на пшеницу начали снижаться еще летом 2022 г., однако они все равно существенно превышают прошлогодние уровни. По оценкам Всемирного Банка, средняя цена на зерновые в 2022 г. превысит показатель прошлого года на 20,6%.



* – эталонный показатель для рынка США.
Источник: построено автором по: данные Всемирного Банка [5].
Рис. 5. Динамика цен на пшеницу в 2020–2022 гг., долл. за т

[3] На экспорт российского зерна оказывают влияние как логистические санкции (отказ от перевозок российских грузов со стороны крупнейших морских транспортных компаний, запретительные тарифы на страхование и пр.), так и финансовые санкции (в частности, санкции против Россельхозбанка).

[4] 22 июля Россия, Украина, Турция и представители ООН подписали в Стамбуле соглашение об экспорте зерна, предусматривающее создание безопасного коридора для вывоза украинского зерна. https://www.rbc.ru/business/22/07/2022/62da8cfd9a794769c00b18e4?ysclid=lbc0sdxdl6894688461.

[5] Агентство экономической информации «Прайм». https://1prime.ru/Agriculture/20221111/838795638.html?ysclid=lbc15ooffo759502424.

Своего рода исключением из правила в 2022 г. стали рынки металлов, на которых после некоторого повышения цен в марте–апреле наметилась тенденция к ухудшению ценовой конъюнктуры под воздействием замедления темпов роста экономики Китая и ожидания глобальной рецессии.

Рассмотренные сырьевые рынки не только являются ключевыми товарными рынками с точки зрения международного обмена, но и обеспечивают большую часть российской экспортной выручки. Так, по данным ФТС России, в 2021 г. поставки сырой нефти обеспечивали 22,3% экспорта России, нефтепродуктов – 14,2%, природного газа – 11,3%, удобрений азотных, калийных и смешанных – 2,6%, пшеницы и меслина – 1,8%[6]. Таким образом, введенные против России недружественными странами санкции во многом обусловили рост цен на ключевые товары отечественного экспорта, что позволило в определенной степени компенсировать выпадающие физические объемы поставок за счет благоприятной ценовой конъюнктуры.

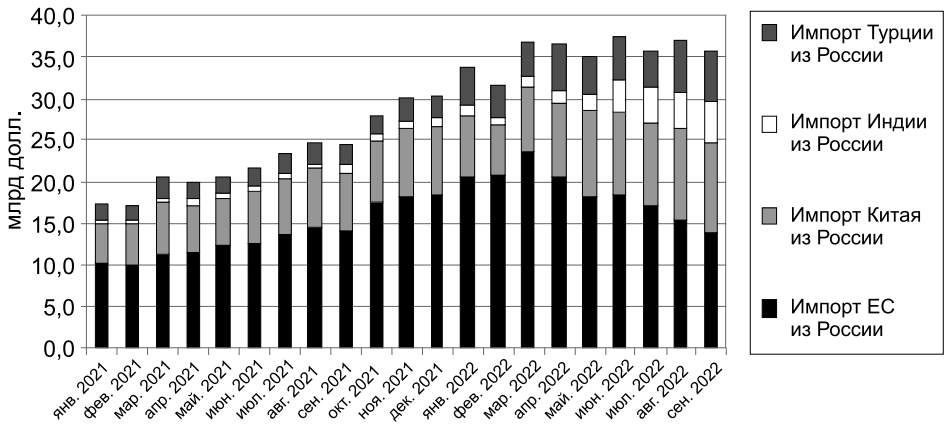
Фактически возник эффект, названный автором «*ловушкой большой страны*» для санкций [1]: санкции против экспорта могут быть эффективны только в том случае, если они затрагивают крупнейшие его статьи, однако если на рынках этих товаров страна является «большой страной», то ограничение ее поставок (или даже ожидание подобного ограничения) неминуемо приводит к росту мировых цен. Улучшение ценовой конъюнктуры в свою очередь позволяет компенсировать снижение физических объемов поставок, а также облегчает диверсификацию их географии. Важнейшим эффектом «ловушки большой страны» выступает то, что *формальная эффективность санкций (т.е. их способность ограничивать физические объемы экспорта) противоречит ее стратегической эффективности, т.е. способности ограничивать доходы от экспорта* [1].

Возникновение «ловушки большой страны» невозможно в случае высокой диверсификации экспорта и небольшого веса поставок каждого из экспортируемых товаров в общих объемах мирового предложения. Таким образом, «ловушка большой страны» для антироссийских санкций стала возможна благодаря низкой диверсификации российского экспорта и его специализации преимущественно на сырьевых товарах, т.е. тем его структурным характеристикам, которые на протяжении всех последних лет назывались «проклятием» России, и борьба с которыми считалась важнейшей целью внешнеторговой политики.

Основным эффектом «ловушки большой страны» является снижение эффективности санкций в результате возникающих возмож-

[6] Официальный сайт ФТС. https://customs.gov.ru/statistic/eksport-rossii-vazhnejshix-tovarov.

ностей географической переориентации экспорта подсанкционной страны, так как рост мировых цен позволяет ей предоставлять существенные скидки покупателям. Иллюстрацией этого эффекта может служить динамика импорта из России в ЕС, Китай, Индию и Турцию в 2021–2022 г.[7] (см. рис. 6), демонстрирующая, что снижение объемов отечественных поставок в ЕС, начавшееся в апреле, вплоть до сентября[8] компенсировалось увеличением экспорта в Китай, Индию и Турцию (см. табл. 2). По итогам девяти месяцев 2022 г. объем импорта из России в Китай в сравнении с аналогичным периодом прошлого года возрос на 52,1%[9], в Индию – в 5 раз (с 4,2 до 21,35 млрд долл.)[10], в Турцию – в 2,2 раза. Это позволило России стать крупнейшим поставщиком товаров на турецкий рынок с долей 19,3%, опередив Китай, Швейцарию, Германию и США[11].



Источник: построено автором по: данные Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_4064677/default/table?lang=en, Главного таможенного управления КНР. http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.html, Министерства торговли и промышленности Индии. https://tradestat.commerce.gov.in/meidb/cntq.asp?ie=i, Турецкого статистического института (TÜİK Kurumsal (tuik.gov.tr)).

Рис. 6. Динамика импорта из России в ЕС, Китай и Индию в 2021–2022 гг., млрд долл. (по данным национальных статистических служб)

[7] Официальные статистические данные об объемах экспортных поставок России в помесячном разрезе в настоящее время не публикуются.

[8] Последние доступные данные на момент написания статьи.

[9] Расчеты на основе данных Главного таможенного управления КНР http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.html.

[10] SYSTEM ON INDIA's MONTHLY TRADE
(Harmonised Classification of Commodities) (commerce.gov.in)

[11] Данные Турецкого статистического института (TÜİK Kurumsal (tuik.gov.tr)) и расчеты на их основе.

При этом общие стоимостные объемы экспорта России за 9 месяцев 2022 г. (январь–сентябрь)[12], по заявлению первого заместителя руководителя Федеральной таможенной службы Р. Давыдова, составили 431 млрд долл.[13], т. е. в сравнении с показателем за аналогичный период 2021 г. (341 млрд долл.)[14], возросли на 26,4%.

Таблица 2

Изменение стоимостных объемов поставок из России в ЕС, Китай, Индию и Турцию в апреле – сентябре 2022 г. по сравнению с февралем 2022 г., млрд долл.

	Апрель 2022 г.	Май 2022 г.	Июнь 2022 г.	Июль 2022 г.	Август 2022 г.	Сентябрь 2022 г.
Импорт ЕС из России	–0,2	–2,5	–2,3	–3,6	–5,5	–6,8
Импорт Китая из России	2,7	4,0	3,6	3,8	5,0	4,5
Импорт Индии из России	0,8	1,3	3,3	3,4	3,5	4,1
Импорт Турции из России	1,6	0,6	1,2	0,5	2,4	2,4

Источник: рассчитано автором по: данные Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_4064677/default/table?lang=en; Главного таможенного управления КНР. http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.html (дата обращения: 07.12.2022); Министерства торговли и промышленности Индии. https://tradestat.commerce.gov.in/meidb/cntq.asp?ie=i; Турецкого статистического института (TÜİK Kurumsal (tuik.gov.tr)).

Таким образом, стоимостные объемы экспорта России в 2022 г. демонстрировали резистентность к санкционному давлению. Вместе с тем, рост стоимостных объемов российских поставок за рубеж в 2022 г. не должен вызывать неоправданного оптимизма.

Во-первых, *«ловушка большой страны» действует в отношении далеко не всех статей отечественного экспорта.* На многих товарных рынках Россия не является «большой страной» или влияние сокращения поставок с ее стороны нивелируется действием более значимых конъюнктурообразующих факторов. Так, например, в условиях замедления экономики Китая и ожиданий глобальной рецессии на рынках металлургической продукции в последние месяцы наблюдается снижение уровня цен. Это вызывает существенные трудности у российских экспортеров, вынужденных переориентировать поставки с европейского

[12] Официальные данные за 2022 г. ФТС в настоящее время не публикует.

[13] https://www.interfax.ru/business/869204.

[14] Итоги внешней торговли России в 2021 г. Данные ФТС России (Федеральная таможенная служба (customs.gov.ru)).

на азиатский рынок и столкнувшихся с радикальным ростом транспортных расходов.

Еще большие проблемы возникают в отраслях, производивших специфическую продукцию, ориентированную на рынки недружественных стран, например, древесных пеллет[15], возможности переориентации поставок которой на альтернативные рынки отсутствуют или существенно ограничены. В наибольшей степени от санкций страдает экспорт продукции, переориентация которого на другие рынки ограничена инфраструктурными/транспортными возможностями, что даже при наличии «ловушки большой страны» не позволяет воспользоваться преимуществами роста цен на мировом рынке. К этой категории товаров относится, например, поставляемый по трубопроводу природный газ. Имеющаяся инфраструктура не позволяет перенаправить на азиатские рынки колоссальные объемы топлива, высвободившиеся в результате прекращения поставок в Европу, ни трубопроводным транспортом, ни в виде сжиженного газа.

Во-вторых, *«ловушка большой страны» не является вечной.* Быстро устранить внезапно возникший дефицит на рынке, вызванный сбоем поставок со стороны крупного поставщика, невозможно, однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе наращивание производства другими поставщиками, использование товаров-субститутов и/или внедрение новых технологий способны компенсировать выпадение определенного объема предложения на конкретном товарном рынке.

В-третьих, *«ловушке большой страны» можно противодействовать совершенствованием санкционного режима.* Фактически это уже происходит. Как представляется, страны-инициаторы санкций сделали выводы из анализа «ловушки большой страны» и во второй половине 2022 г. внесли коррективы в механизмы санкционного воздействия. Исходя из невозможности удаления с рынка значимого объема российских поставок нефти без сопутствующего роста цены, была сделана ставка на эмбарго на поставки в страны ЕС и одновременное ограничение уровня цен при экспорте в другие регионы посредством введения «ценового потолка».

Так, в рамках восьмого пакета санкций ЕС ввел запрет на импорт российской нефти морским транспортом с 5 декабря 2022 г. и нефтепродуктов с 5 февраля 2022 г., а также правило, в соответствии с которым импортеры российской нефти из третьих стран могут получить доступ к услугам европейских компаний, занимающихся транспор-

[15] Прекращение поставок древесных пеллет в Европу вызовет трудности с утилизацией отходов на российских лесопильных заводах (lesprom.com).

тировкой и страхованием грузов[16], только при покупке нефти ниже «ценового потолка»[17]. Предельный уровень цен был установлен на уровне 60 долл. за баррель, однако в дальнейшем он будет корректироваться раз в 2 месяца с тем, чтобы быть не менее чем на 5% ниже среднерыночной цены на российскую нефть и нефтепродукты, рассчитанной на основе данных, предоставленных Международным энергетическим агентством (МЭА). К решению ЕС присоединились страны Большой Семерки (США, Великобритания, Германия, Франция, Канада, Италия, Япония) и Австралия[18].

Эффективность данной санкционной меры с точки зрения ограничения экспортных поступлений в Россию будет зависеть от сочетания множества факторов, среди которых – контрмеры со стороны российского Правительства; готовность стран-импортеров российской нефти к нарушению санкционного режима, введенного недружественными странами; готовность или неготовность других производителей нефти нарастить объемы добычи; динамика спроса на энергоносители; возможности России по организации транспортировки отечественной нефти без привлечения компаний из западных стран и пр. Так, при сохранении текущих уровней спроса на нефть и предложения со стороны других поставщиков введение тотального запрета на российские поставки в страны, поддержавшие «потолок цен», приведет к росту мировых цен и будет способствовать готовности покупателей из третьих стран наращивать импорт отечественной продукции. Однако при увеличении предложения или сокращении спроса действие такой меры будет значительно менее эффективным. При этом одним из ключевых рисков для российского экспорта является ухудшение экономической динамики и снижение спроса на сырье в странах, выступающих альтернативными рынками сбыта отечественной продукции, в частности, в Китае.

В данном контексте следует отметить, что снижение возможностей России по географической переориентации своих поставок, на которое сделали ставку недружественные страны, является наиболее эффективным способом борьбы с «ловушкой большой страны». Помимо экономических санкций, этой цели может служить разрушение необходимой транспортной инфраструктуры: при падении объемов экс-

[16] Западные компании фактически являются монополистами на рынке морских перевозок и страхования: почти 90% судов в мире страхуется с помощью британской ассоциации International Group of P&I Clubs. https://lenta.ru/news/2022/12/02/oil_price_cap_eu/?ysclid=lbdm5gkxgu618542941.

[17] Решение ЕС о введении потолка цен на российскую нефть официально вступило в силу (neftegaz.ru).

[18] https://quote.rbc.ru/news/article/638dcbb79a7947cf9ee0a7f0?ysclid=lbdmiwq71g477837584; Потолок цен и эмбарго на нефть из России вступают в силу: кто в выигрыше | Forbes.ru.

порта до нуля даже рекордный рост мировых цен не поможет компенсировать потери. Показательным в этом смысле является сокращение выручки Газпрома после диверсии на «Северных потоках».

Наконец, в-четвертых, *«ловушка большой страны» является важным, но далеко не единственным фактором ценообразования на большинстве товарных рынков.* Решающее влияние на уровень цен оказывает объем спроса, обусловленный динамикой мировой экономики и, в частности, ее ведущих игроков. Повышение сырьевых цен и темпов инфляции привело к сокращению реальных доходов и ужесточению денежно-кредитной политики в развитых странах, следствием чего является замедление темпов роста. Весьма негативное влияние на конъюнктуру мировых товарных рынков оказывает ухудшение экономической динамики в Китае, связанное как с продолжающимися карантинными мероприятиями в рамках политики «нулевой терпимости» к Covid-19, так и проблемами в секторе недвижимости.

Фактически замедление глобального экономического роста и опасения по поводу надвигающейся глобальной рецессии уже несколько месяцев оказывают давление на сырьевые цены. В этих условиях ведущие аналитические структуры прогнозируют дальнейшее ухудшение ценовой динамики на большинстве товарных рынков, создающее серьезные риски для российского экспорта. Так, по прогнозу Всемирного Банка, средняя цена на нефть марки Брент в 2023 г. снизится на 6%, на природный газ в Европе – на 20%, на сжиженный газ в Японии – на 7,6%, на зерновые – на 5,6%, на базовые металлы – на 15%, на мочевину – на 9,7%, на хлорид калия – на 3,8% [5]. Исходя из этого, следует ожидать ухудшения условий торговли для России в 2023 г. и вероятного сокращения доходов от экспорта.

В этих условиях ключевое значение для обеспечения стабильности экспортных поступлений имеет реализация комплексной стратегии противодействия санкционному давлению и, в частности, активная государственная поддержка переориентации российских поставок на альтернативные рынки сбыта, включающая:

– принятие ответных мер на введенный недружественными странами «потолок» цен на нефть, способных не допустить его соблюдение российскими экспортерами, и разработка превентивных мер, делающих неэффективным дальнейшее ужесточение санкционного режима;
– форсированное развитие транспортно-логистической инфраструктуры, позволяющей осуществлять доставку товаров, включая как строительство объектов материальной инфраструктуры (в т. ч. расширение железнодорожной и портовой инфраструктуры и инфраструктуры для сжижения и транспортировки газа, создание собственного торгового флота и пр.), так и дальнейшее

совершенствование механизмов страхования отечественных грузов, позволяющих снизить остроту санкций в сфере страхования;
– развитие финансовой инфраструктуры, обеспечивающей безопасность и бесперебойность внешнеторговых платежей;
– всестороннюю дипломатическую, правовую и маркетинговую поддержку продвижения российских товаров на перспективных внешних рынках;
– финансовую поддержку экспортеров за счет льготного кредитования и страхования грузов и пр.

Помимо этого, необходима государственная поддержка отраслей отечественной экономики, наиболее пострадавших в результате утраты части внешних рынков, в том числе за счет стимулирования спроса на их продукцию на внутреннем рынке и предоставления помощи в развитии производства новых видов экспортной продукции, имеющей потенциал на рынках дружественных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ушкалова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
2. *Афонцев С.А.* Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10.
3. OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm (дата обращения: 07.12.2022).
4. Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
5. Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
6. Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf (дата обращения: 07.12.2022).

REFERENCES

1. *Ushkalova D. I.* Russia's foreign trade under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association, 2022, 3 (55), 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In. Russ.).
2. *Afontsev S. A.* Political paradoxes of economic sanctions // Journal of the New Economic Association, 2022, 3 (55), 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10. (In. Russ.).

3. OPEC Annual Statistical Bulletin 2022. 57th edition. Vienna, OPEC, 2022. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm (accessed: 07.12.2022).
4. Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets, April 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf (accessed: 07.12.2022).
5. Commodity Markets Outlook: Pandemic, war, recession: Drivers of aluminum and copper prices, October 2022. World Bank, Washington, DC. 2022. https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/38160/CMO-October-2022.pdf (accessed: 07.12.2022).
6. Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. Rome, FAO, 2022. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf (accessed: 07.12.2022).

Дата поступления рукописи: *23.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Ushkalova Daria Igorevna – Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for International Macroeconomics Research and Foreign Relations of the Institute of Economy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ushkalova@mail.ru

ANTI-RUSSIA SANCTIONS AND RUSSIA'S EXPORTS IN 2022: RISKS AND PROSPECTS

The article is devoted to the analysis of the impact of anti-Russia sanctions on the global commodity markets and Russia's exports in 2022. Based on the analysis of the specifics of the impact of the sanctions regime on the price level on global commodity markets, taking into account the role of Russia as a leading exporter of raw materials, the author substantiates the existence of an effect called the "big country trap" for sanctions. The influence of this effect on Russian exports is considered. The conclusion about the resistance of domestic exports to the current sanctions regime in 2022 is made. The risks for the development of domestic exports in the short and medium term are analyzed. Proposals regarding the implementation of a set of measures aimed at countering the negative impact of the sanctions regime on Russia's exports are formulated.

Keywords*: anti-Russia sanctions, Russian exports, world prices, global commodity markets.*
JEL: F51, F13, F10, F14, F42, F01, F52, E31.

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ
научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ПРЕДЕЛЫ АДАПТАЦИИ[1]

В статье анализируется специфика санкционного режима в отношении России, его системные эффекты и макроэкономические последствия. Рассмотрено дестабилизирующее влияние на экономику санкционных шоков и меры сопротивления им по трем направлениям: политика контрсанкций, политика обхода санкций и политика их компенсации. Изложены три сценария политики адаптации к санкционному стрессу: «больше рынка», мобилизационный сценарий и «госкапитализм с опорой на самодостаточность». Показаны объективные ограничения адаптационного маневра и сделан вывод, что ни одно из направлений адаптационной политики не позволяет быстро восстановить экономику до предсанкционных размеров.

Ключевые слова: *экономические санкции, адаптационная политика, российская экономика, упущенный экономический рост, регрессивная индустриализация.*

JEL: F1, F13, F5, F51.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.

Экономические санкции вошли в современную историю межгосударственных отношений после Первой мировой войны, когда президент США Вудро Вильсон предложил обсудить способ прекращения военных конфликтов мирными средствами, дополняющими дипломатические [15]. Однако заметным глобальным феноменом и предметом самостоятельного научного анализа санкции стали лишь десятилетия спустя – в ходе значительного расширения целей их применения. С 1990-х гг. в мире существенно возросло количество ежегодно вводимых санкций и разнообразие их видов, появились индивидуальные

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

санкции против конкретных юридических или физических лиц, произошел переход от одностороннего наложения ограничений отдельной влиятельной страной (как США или Великобритания) к их преимущественно коллективному формату, когда инициаторами санкций выступают межгосударственные коалиции [20].

Теоретически идея санкций восходит к неоклассической концепции рационального агента, позднее дополненной достижениями поведенческой экономики [14]. Она предполагает, что нанесение стране экономических потерь должно побудить ее руководство отменить те или иные принятые решения. В современном определении экономические санкции – это официальное, на уровне правительств, прекращение или угроза прекращения торговых и финансовых операций со страной-адресатом (частично или полностью) в целях достижения позитивных изменений в ее политическом поведении [13]. В отличие от торговых войн санкции являются инструментом экономического давления, преследующим политические цели и коллективный интерес.

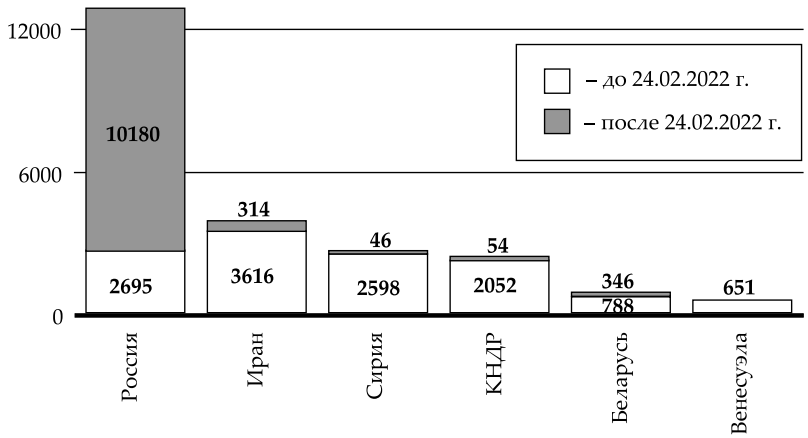
В мировой науке отсутствует консенсус в отношении эффективности применения санкций. У экономистов пока не сложилось единых методологических подходов, позволяющих надежно связать особенности санкционных режимов с их макроэкономическими последствиями, рассчитать обратное волновое воздействие санкций на экономику стран-инициаторов и на глобальную экономику в целом [12]. Сложность проблемы порождает острую потребность в междисциплинарной теории экономических санкций, способной примирить их сторонников и скептиков, объединяя как разные течения внутри самой экономической мысли, так и эту мысль с достижениями других наук (политологии, социологии, экономгеографии, юриспруденции) [20].

Весной 2022 г., когда Россия оказалась под мощными коллективными санкциями, введенными коалицией 43-х стран, в литературе появилось понятие «санкциономика» (sanctionomics) [17], отражающее возможность становления нового самостоятельного направления теоретико-прикладных исследований. В качестве вклада в эту сферу знаний мы попытаемся на примере России рассмотреть системный характер воздействия санкций на страну-адресат и ее возможности сопротивления этому воздействию.

Специфика санкционного режима в отношении России

Действующий в отношении России санкционный режим беспрецедентен. Впервые за последние полвека экстраординарные по масштабам ограничения введены против крупной экономики мира (с ВВП в 1,7 трлн долл. в 2021 г.), широко встроенной в глобальные сети связей и выступающей важнейшим поставщиком энергоресурсов на мировые

рынки[2]. На Россию наложено в совокупности почти 13 тыс. секторальных и индивидуальных ограничений, что в 3,3 раза превосходит самый крупный санкционный пакет, наложенный ранее на Иран (см. рис.).



Источник: составлено авторами по: данные Castellum.AI. Russia sanctions dashboard. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard.

Рис. Совокупное число ограничений в основных подсанкционных странах мира (по данным на ноябрь 2022 г.)

Россия сильно отличается от большинства других крупных экономик. Во-первых, российская экономика имеет упрощенную структуру, опирающуюся на два промышленных сегмента – добывающий сектор, работающий в основном на экспорт, и сектор промышленной обработки, работающий преимущественно на внутренний рынок. Первый является источником формирования значительных международных резервов, мощной финансовой подушки (в виде средств ФНБ) и более половины доходной части бюджета (включая налоги связанных с ТЭК предприятий). Второй практически не имеет валютных доходов, но критически зависит от западных технологий, машин и оборудования (в этой ситуации находятся почти две трети предприятий) [4] и от импортных материалов и комплектующих[3]. Во-вторых, Россию отличает сильная зависимость динамики ВВП от колебаний и самих нефтяных цен, и мирового спроса на нефть. В случае подъема обоих параме-

[2] Прежние санкционные режимы применительно к странам-нефтеэкспортерам касались либо широких санкций против относительно небольших экономик (Иран, Венесуэла), либо, наоборот, точечных санкций в отношении больших (Россия в 2014–2015 гг.) [15].

[3] Совокупная доля импорта в российских средне- и высокотехнологичных секторах (автопром, авиапром, фармацевтика, машиностроение и др.) составляет 26–35%, а доходя в производстве компьютеров и электроники – до 50–80% [18].

тров экономика сохраняет устойчивость при любых внешних шоках, а при падении даже одного из них она попадает в серьезный кризис. И, в-третьих, Россия является крупнейшим энергопоставщиком не только для Европы, но и для мира в целом. По расчетам, основанным на данных Международного энергетического агентства, в конце 2021 г. на долю России приходилось 25% мирового экспорта газа (и, в частности, 45% газовых закупок Европы) и 17,5% совокупного мирового экспорта нефти и нефтепродуктов, причем по последнему показателю Россия держала мировое лидерство, оставаясь второй после Саудовской Аравии по доле экспорта сырой нефти[4].

Эти особенности, по-видимому, нашли отражение в логике санкционного режима. В отличие от санкций 2014 г., которые в основном закрывали России доступ на рынки капиталов (до середины 2016 г., когда этот доступ был восстановлен) и слабо затрагивали реальный сектор, нынешний режим охватывает все сферы экономики, причем секторальные санкции усилены мощным пакетом индивидуальных.

Секторальные санкции выстроены системно. Они содержат три вида ограничений – экспортные, импортные и валютно-финансовые, которые призваны подорвать военно-промышленный потенциал России одновременно с трех сторон: по линии зависимости бюджета и экономики от экспорта энергоресурсов, обрабатывающей промышленности – от импорта технологий и компонентов, а государства и бизнеса – от доступа к операциям в долларах и евро как средству платежей и расчетов.

Все три группы санкций взаимно усиливают друг друга, а их негативное воздействие на российскую экономику имеет свой тайминг, мультипликативный эффект и свои накопительные последствия. При этом изолирование России от глобальных рынков (торговых, финансовых, технологических) не сводится к действию лишь официально введенных запретов, а охватывает еще более широкую совокупность неформальных санкций как производную реакции рынков на санкционный режим и мотивы его введения. Речь идет о полном или частичном, но добровольном отказе бизнеса из разных стран, включая нейтральные, от дальнейших взаимодействий с Россией как в сфере ее внешних связей (торговый бойкот с вовлечением в него транспортных, логистических и страховых компаний), так и на ее внутреннем рынке (свертывание производства и инвестиций). Важнейшую роль в этих решениях играют репутационные риски, возможность подпадания под штрафы и вторичные санкции, а также вызванный санкциями рост неопределенности, удорожающий бизнес-затраты.

[4] IEA. https://www.iea.org/reports/russian-supplies-to-global-energy-markets; IEA. https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas.

Санкционные шоки и их эффекты

Под воздействием санкционного давления в российской экономике возникли шоковые эффекты, имеющие долгосрочные и усиливающие друг друга негативные последствия как для факторов спроса, так и для факторов предложения.

Шок валютно-финансовых ограничений Россия сумела частично ослабить – за счет накопленной «подушки безопасности» и оперативных действий Банка России по удержанию макрофинансовой стабильности[5]. Шок экспортного эмбарго был также смягчен – за счет возросших нефтегазовых цен, растянутого во времени поэтапного ведения странами ЕС нефтяного эмбарго (его полноценная реализация по сырой нефти была отложена на декабрь 2022 г., по нефтепродуктам – на февраль 2023 г.) и успешного перенаправления Россией своих нефтяных потоков на Восток, прежде всего в Китай и Индию, чьи дисконтные закупочные цены были с лихвой перекрыты для России общим подъемом нефтяных цен. Однако импортное эмбарго, под которое подпала половина номенклатурного списка ввозимых Россией товаров[6], нанесло экономике мощный удар: за I кв. 2022 г. российский импорт сжался на рекордные 40%[7].

По данным Института мировой экономики Петерсона, за три весенних месяца (с конца февраля) поставки в Россию резко сократили большинство из 54 стран, покрывавших в 2021 г. до 90% ее импортных потребностей. При этом 60% обвала в стоимостном объеме российского импорта пришлось на недружественные страны (в чем главную роль сыграли страны ЕС), а остальные 40% – на нейтральные страны и, прежде всего, на Китай. Китайский экспорт в Россию упал на рекордные 38%, включая поставки полупроводников, составлявшие в 2020 г. 57% стоимости этого экспорта [10].

Масштабность сжатия поставок из нейтральных стран объясняется фактором глобализации. Нынешний уровень взаимозависимости стран как партнеров по глобальным цепочкам [6] делает торговлю с подсанкционной Россией рискованной или невыгодной для компаний любой из этих стран. Так, в Китае половину экспорта обеспечивает промежуточная продукция западных фирм, входящих в различные

[5] Введение Банком России запрета на вывоз из страны валюты и капиталов позволило сохранить доверие рынков к рублю даже при заморозке половины международных резервов, а резкий подъем ключевой ставки предотвратил раскручивание инфляционной спирали после взрывного мартовского взлета цен.

[6] Кнобель А.Ю. Перспективы и значимость российского импорта в современных условиях. Ежегодная конференция АНЦЭА. Москва, 14 октября 2022 г.

[7] Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. М.: Банк России, 2022.

цепочки создания стоимости [10], к тому же китайский экспорт в Россию на треть состоит из компонентов, запрещенных к ввозу в страну[8] [6]. Это ставит под удар не только крупных китайских экспортеров в Россию, но также их зарубежных поставщиков и субпоставщиков, которые непосредственно не торгуют с Россией, но имеют в своих промежуточных поставках санкционную для России продукцию (товары или услуги). То же самое относится и к компаниям других стран: дело не только в рисках их подпадания под вторичные санкции, а в их технологической связке с западными партнерами по цепочкам, когда выпадение из цепочки даже одного небольшого санкционного компонента может остановить работу целых сборочных линий.

Сильный удар по экономике нанес одновременный исход из России более тысячи крупных иностранных компаний, банков и международных финансовых институтов, растянувшийся на несколько месяцев [19]. Наибольшая доля исхода закономерно пришлась на компании Европы и Северной Америки [11]. Но вместе с ними из России стали «тихо уходить» крупнейшие технологические фирмы и банки Китая, Индии и других стран, причем как частные, так и государственные[9]. Этот исход сразу обесценил три десятилетия усилий России по встраиванию в мировую экономику, привлечению иностранных капиталов и технологий. Поэтому его негативные последствия могут превысить по масштабу разрушительный эффект от прямых санкций[10], порождая утрату доходов и инвестиций, крупных налогоплательщиков и рабочих мест (в международных компаниях и их российских подрядчиках трудились до 5 млн человек). [19]. При этом существенно важным является то, что Россия понесет невосполнимые потери в области технологического потенциала. Отъезд тысяч иностранных специалистов лишает многие отрасли тех технологических знаний, которые связаны с организацией современных производственных линий и бизнес-процессов (от сборки автомобилей и шельфовой добычи нефти до производства напитков). Причем эти потери не могут быть компенсированы, как в случае частичной замены западных комплектующих.

Добавим к этому рекордные масштабы утечки мозгов. С момента введения санкций страну покинули сотни тысяч соотечественников с уникальными профессиональными навыками. Страна столкнулись с беспрецедентным оттоком человеческого капитала, знаний

[8] Кнобель А.Ю. Перспективы и значимость российского импорта в современных условиях. Ежегодная конференция АНЦЭА. Москва, 14 октября 2022 г.

[9] Chinese tech giants quietly retreat from doing business with Russia. https://www.wsj.com/articles/chinese-tech-giants-quietly-stop-doing-business-with-russia-11651845795.

[10] Банк России. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». № 2. 2022.

и частных сбережений. Наиболее массовый отток произошел в среде IT-специалистов, что вызвало резкое сжатие сферы цифровых услуг, где Россия накопила за последнее десятилетие сравнительные преимущества и имела на 2020-е годы хорошие экспортные шансы [7].

Яркой иллюстрацией совокупного эффекта санкционных шоков стала мгновенная дестабилизация российской экономики, связанная с ее выпадением из глобальных цепочек поставок, особенно в связи с исчезновением важных статей инвестиционного и промежуточного импорта. Массовый разрыв внешних связей (производственных, технологических, логистических) вызвал каскадные сбои во внутренних российских цепочках, что прервало реализацию важных инвестиционных проектов, привело к остановке ряда ключевых промышленных предприятий, к простоям и потерям выпуска у клиентов этих предприятий в других секторах.

Адаптационный маневр: узкие возможности

Усилия российских властей по ослаблению последствий санкционного режима охватывают три направления взаимодействия с внешними партнерами: политику контрсанкций, политику обхода санкций и политику их компенсации.

Политика контрсанкций исходит из того, что ответное ужесточение Россией условий контрактов с контрагентами из недружественных стран может усилить их побочные потери от введения антироссийских санкций, позволяя тем самым начать двусторонний межправительственный торг о взаимном обнулении запретов [1]. Однако введенные Россией контрсанкции скорее повысили ее экономическую уязвимость, чем достигли задуманной цели «симметричного ответа» Европе. В частности, требование перейти на рубли при расчетах за энергоносители лишь ускорило совместные усилия стран ЕС по снижению зависимости от российских углеводородов. Европа уже нарастила поставки газа из США и Норвегии, а также застраховала себя от топливного кризиса, заполнив газовые хранилища с опережением графика[11].

Политика обхода санкций связана с выстраиванием Россией теневых схем экспорта энергоносителей и легализацией в марте 2022 г. параллельного импорта. Хотя параллельный импорт призван помочь российским производителям в пострадавших отраслях, он в состоянии покрыть, по оценкам, лишь около 5% их импортных потребностей в 2022 г. [2]. Этот механизм оказался полезным для малого и среднего бизнеса, работающего на потребительских рынках, но для крупных промышленных предприятий он имеет пока ограниченное значение,

[11] Council of the EU. https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/gas-storage-capacity.

выступая ненадежным каналом поставок, малопригодным для закупки крупных партий комплектующих или сложного дорогостоящего оборудования (например, обеспечить IT-рынок серьезным «железом» с помощью параллельного импорта практически нереально).

Следует также учитывать, что попытки России обойти импортное и нефтяное эмбарго с помощью третьих стран, выступающих в роли посредников, или отдельных компаний, выступающих в роли подставных фирм, имеют в цифровую эпоху гораздо меньше перспектив, чем 30–40 лет назад, когда, например, Иран выстраивал серые схемы с той же целью. Сегодня санкционные коалиции используют все преимущества цифровизации для контроля над торговыми потоками любых стран и компаний, что чревато для них наложением штрафов и вторичных санкций (особенно для малых стран, где резкое изменение объема или структуры торговли становится сразу заметно международным финансовым организациям). То же самое относится и к цифровому коммерческому контролю глобальных производителей над перемещением собственных товаров по всему миру.

Политика компенсации санкций направлена на минимизацию эффектов экспортного и импортного эмбарго путем замещения Россией своих традиционных западных партнеров во внешней торговле совокупностью стран из состава БРИКС, ЕАЭС, экономик глобального Юга и др. В настоящее время здесь Россия достигла заметных успехов, но на более длительном горизонте проведение этой политики упрется в свои объективные ограничения.

Действительно, российская экономика не только избежала коллапса под мощными торговыми шоками, но и перенесла их легче, чем ожидалось весной, что позволило смягчить спад и улучшить текущую макроэкономическую динамику[12]. Это во многом объясняется ее сохраняющейся рыночной гибкостью. Оказавшись под санкциями, российский бизнес проявил инициативу снизу в поиске новых партнеров и в экстренной переналадке цепочек поставок, а правительство не стало при этом усиливать административное вмешательство в процессы ценообразования. Переключение нефтяных потоков на восточных потребителей (в Индию, Китай, Турцию и на Ближний Восток) позволило России осенью 2022 г. приблизить объемы нефтяного экспорта к досанкционному уровню[13]. Одновременно России

[12] Если в июльском базовом прогнозе Банка России спад ВВП по итогам 2022 г. составлял минус 4–6%, а инфляция поднималась до 14,7%, то в октябрьском прогнозе эти показатели улучшились до минус 3,0–3,5% и 13,9% соответственно (см.: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. М.: Банк России, 2022).

[13] Oil Market Report. November 2022. https://www.iea.org/reports/oil-market-report-november-2022.

удалось частично восстановить упавшие импортные объемы. За три квартала 2022 г. ее импортные потоки из нейтральных стран резко возросли, тогда как закупки из недружественных стран остались на обвалившемся уровне (более чем наполовину ниже досанкционного). В то же время эти и более сложные расчеты, сделанные по России экономистами Банка Италии, показывают, что компенсации последствий импортного шока не произошло. К осени совокупный объем российского импорта оказался на 22% ниже потенциально возможного (в случае отсутствия санкций) и на 15% ниже фактического досанкционного значения [9].

Другим успехом России в сопротивлении санкциям стал рекордный профицит текущего счета платежного баланса: к концу III кв. 2022 г. он, по данным Банка России, достиг почти 200 млрд долл. Однако при более детальном анализе выясняется, что половина профицита была обеспечена двукратным сжатием импорта из Европы, а вторая половина – взлетом нефтегазовых цен, т. е. данное достижение является преходящим с точки зрения российского адаптационного маневра. Иными словами, попытки совершить этот маневр за счет связей с альтернативными партнерами частично нивелируют потери России на кратко- и среднесрочном горизонте, но порождают при этом еще большие вызовы в будущем.

Во-первых, торговые партнеры из развивающихся и транзитных экономик не смогут заместить России утраченный выход на развитые рынки, особенно по линии импорта. По своим экономическим возможностям они принципиально уступают той мощной международной коалиции, которая поддержала санкционный режим. Даже частично компенсировав разрыв связей с Европой за счет поставок энергоресурсов в восточные страны (куда эти ресурсы поставляются в меньших объемах и по дисконтным ценам) или за счет закупок у этих стран импортных компонентов (которые неизбежно подорожают из-за усложнения логистики, несмотря на более низкое качество), Россия едва ли сможет найти замену развитым странам в вопросах привлечения стратегических инвестиций, современной техники и новейших технологий. Ставка же на Китай как на главного партнера быстро усилит одностороннюю зависимость России. При этом для самого Китая ключевыми партнерами останутся США и ЕС [18].

Во-вторых, при всем успешном развитии экспортных связей со странами, не являющимися недружественными, Россия сумела нарастить стоимостные объемы экспорта главным образом за счет высоких нефтяных цен. Однако в среднесрочной перспективе системное действие санкций подрывает ее добывающий сектор и источники бюджетных доходов. Серьезную проблему составляют предстоящая полномасштабная реализация европейского нефтяного эмбарго, а также

введение санкционной коалицией потолка цен на российские нефтяные поставки при их страховании и транспортировке в любую точку мира. Кроме того, экспортные возможности России будут подавляться действием целого ряда других ограничений: отсутствием оборудования для дальнейшей эксплуатации месторождений из-за импортного эмбарго, новых контрактов с нефтетрейдерами и страховщиками из-за рисков их подпадания под вторичные санкции, доступа на рынок теневых поставок из-за укорененности здесь Ирана и Венесуэлы, наличием потолка потребностей нейтральных стран в закупке российских энергоносителей. Не исключено, что России придется сокращать нефтедобычу и производство нефтепродуктов, теряя не только экспортные доходы, но и налоговые поступления от широкого круга агентов, прямо или косвенно связанных со сферой ТЭК.

Политика адаптации к санкционному стрессу

В отличие от традиционного кризиса, имеющего рыночный цикл преодоления, санкции – это искусственные внешние ограничения, которые ложатся на экономику не снимаемым грузом. Главной проблемой здесь являются даже не сами мгновенные шоки, а то, что дальнейшее действие санкций делает эти шоки устойчивыми, способствуя их перерастанию в длительный макроэкономический стресс. При этом в экономике запускается механизм структурного упрощения (в отраслевом, технологическом, продуктовом и иных отношениях), а затем она переходит к более примитивному равновесию, теряя эффективность и начиная расти ниже своего потенциала. Классические антикризисные меры бессильны перед таким стрессом, что вынуждает страны менять внутренний экономический курс. В России направление и конкретное содержание этих изменений будут во многом зависеть от текущих сдвигов в геополитической обстановке и в санкционном режиме, а также и в сложившейся системе управления. Судя по уже принятым решениям, российские власти намерены в той или иной пропорции использовать смешанный набор инструментальных подходов, вытекающих из трех возможных адаптационных сценариев.

Первый сценарий, именуемый «больше рынка», представляется самым предпочтительным. Он предполагает максимальную поддержку частной предпринимательской активности путем масштабной экономической либерализации, радикального сокращения бюрократического контроля и снижения налогового бремени. Такой курс однозначно помогает стране ослабить внешнеэкономическую закрытость, нащупать новые каналы международной кооперации и ускорить переналадку производственных цепочек [3]. Вместе с тем следует учитывать, что в подсанкционной экономике механизмы здоровой рыночной

саморегуляции во многом искажены, так что ее либерализация может сопровождаться разрастанием теневых и коррупционных схем.

Второй сценарий, называемый мобилизационным, наоборот, связан с «уменьшением рынка» – с частичной национализацией промышленных предприятий, введением разнарядки номенклатуры выпуска, квотами, вмешательством в цены и т. п. Очевидно, что он наименее предпочтителен, т. к. ведет к явлениям товарного дефицита, централизованному распределению определенных видов продукции и к обострению социальной напряженности. К подобному сценарию Россия рискует инерционно свернуть в ходе подстройки экономического курса под потребности СВО.

Третий сценарий — это курс на госкапитализм с опорой на самодостаточность, являющийся естественной реакцией на внешние ограничения. Изолированная от глобальных рынков страна стремится сохранить свои рыночные начала, но добиться большей финансовой, импортной и технологической независимости. При этом санкционное подавление таких классических драйверов роста, как экспортный спрос, личное потребление и частная инвестиционная активность, с неизбежностью ведут к замещающему возрастанию доли государства в структуре совокупного спроса и инвестиций. Такой сценарий заложен, в частности, в иранскую «экономику сопротивления».

В июле 2022 г. правительство РФ наметило поворот от «абсолютно рыночной» промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета, нацеленной на стимулирование создания и повсеместного использования предприятиями отечественных технологий, материалов и промышленной продукции. По словам вице-премьера Д. Мантурова, такое стимулирование мыслится в логике расширения бюджетного финансирования бизнеса (через госзаказ, субсидии, льготные кредиты и др.), а не в логике полного возврата экономики к квазиплановой модели[14]. В ноябре началась работа по закреплению в законе РФ «О промышленной политике» принципа технологического суверенитета, т. е. поддержки государством только тех производств и инвестиционных проектов, которые приоритетно опираются на российские ресурсы[15]. В течение 2022 г. само понятие «технологический суверенитет» эволюционировало, спустившись с уровня преимущественно стратегических российских документов на операционный уровень ведомственных. Но суть курса, взятого Россией еще в 2014 г.,

[14] Власти разработают новую модель импортозамещения в «квазиплановом» режиме. https://www.rbc.ru/economics/19/08/2022/62fcf6509a794753bb776af8.

[15] Минпромторг предложил способ достичь технологического суверенитета. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhil-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta.

остается прежней – расширение импортозамещения и выстраивание собственных производственных цепочек полного цикла.

Заметим, однако, что Россия, структурно включившаяся за последние 30 лет в кооперацию с Западом, не сможет вернуться к состоянию экономической самодостаточности советских времен. Современная экономика, характеризующаяся наличием сложных продуктов и их распределенным производством, мало совместима с курсом на импортозамещение и технологический суверенитет. Показательно, что в Иране, попавшем в фактическую изоляцию с возобновлением санкций в 2018 г., «экономика сопротивления» успехом не увенчалась[16]. Судя по опыту самой России прошлого десятилетия, импортозамещение может служить фактором развития лишь в тех секторах, где присутствуют передовые иностранные технологии и компоненты (например, в АПК) [8]. Условия системных санкций и торговой блокады делают такое присутствие нереальным. Более того, они ставят Россию перед искусственным вызовом вынужденного импортозамещения – повсеместно и сразу в большинстве отраслей.

Находясь под санкциями, трудно наладить производство современной высокотехнологичной продукции, требующее нового передового оборудования, импортных компонентов, наличия высококвалифицированных специалистов, а также жесткого соблюдения технических стандартов. Кроме того, создание сложных промышленных продуктов конечного спроса происходит сегодня исключительно на уровне глобальных цепочек с участием тысяч фирм – поставщиков из разных стран [5]. На уровне подсанкционной экономики оно сопряжено с крупными инвестиционными затратами, которые невозможно окупить, когда отсутствует эффект экономии на масштабах. Многочисленные льготы и гарантированные госзаказы не могут компенсировать бизнесу фактор сжатия экспортного спроса и узости соответствующих сегментов спроса на внутреннем рынке. Поэтому при локализации цепочек поставок России придется снижать стандарты производства и требования к квалификации труда, упрощая высокотехнологичные промышленные товары до их примитивных базовых свойств, как это уже происходит в автомобильной и других отраслях. По сути, это означает регрессивную индустриализацию – перестройку технологических линий и бизнес-процессов под производство товаров среднего уровня сложности, характерных для поздней индустриальной эпохи.

[16] К 2020 г. добыча нефти в Иране упала до минимума почти за 40 лет, а физические объемы ее экспорта снизились в 4,5 раза; несмотря на успешные теневые схемы, страна не справилась ни с растущим уровнем бедности, ни с коррупцией, ни с тяжелой инфляцией в диапазоне 20–40% в год (Иран: жизнь под санкциями. https://econs.online/articles/ekonomika/iran-zhizn-pod-sanktsiyami).

В итоге замещение импорта сведется к созданию на сохранившемся импортном оборудовании (или его аналогах) заведомо неконкурентоспособной продукции местного назначения, связанной с относительно небольшими затратами, минимальным участием западных комплектующих и копированием устаревших технологий.

Как видим, ни одно из направлений адаптационной политики не внушает надежд на успешное сопротивление санкциям, способное помочь России быстро восстановить экономику до предсанкционных размеров. И это не удивительно. Опыт стран, находившихся или остающихся под куда менее жесткими запретами (ЮАР, Иран, Куба, Венесуэла и др.), чем сегодняшняя Россия, однозначно свидетельствует о том, что адаптировать экономику к санкциям можно только пассивно, «удерживая ее на плаву» при низких оборотах и отсутствии новых источников развития. Иными словами, независимо от исходных размеров экономики, санкции ведут к упущенному росту в течение следующих десятилетий (сжатие потенциального ВВП наряду с реальным). Как показывают стилизованные факты [16], чем дольше длятся санкции, тем больше страна отстает от стран ОЭСР и мира в целом по уровню технологичности и благосостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоусов Д.Р.* О возможностях развития в условиях санкций: некоторые предварительные замечания. ЦМАКП, 2022. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/2022-03sanks.pdf.
2. *Голубчик А.М., Пак Е.В.* Некоторые моменты логистики параллельного импорта в Россию // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 27–37.
3. *Кнобель А.Ю.* [и др.]. Санкции: всерьез и надолго. М.: Изд. дом «Дело», 2019.
4. *Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Зудин Н.Н.* Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10. № 4. С. 25–45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
5. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 27–33.
6. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 12–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47.
7. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Шансы выхода России на рынки Индустрии 4.0 через улучшение своих позиций в распределенном производстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1. С. 223–231. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-12.
8. *Цухло С.В.* Проблемы импортозависимости российской промышленности и импортозамещения в 2014–2018 гг. // Деловой журнал «Neftegaz.RU». 2019. № 4(88). С. 98–103.

9. *Borin A. [et al.].* Quantitative assessment of the economic impact of the trade disruptions following the Russian invasion of Ukraine. Questioni di Economia e Finanza. N. 700. 2022. DOI: 10.32057/0.QEF.2022.0700.
10. *Chorzempa M.* Export controls against Russia are working — with the help of China // The Peterson Institute for International Economics. 2022. https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china.
11. *Demertzis M.* [et al.]. How have sanctions impacted Russia? Bruegel Policy Contributions. 18/2022. 2022.
12. *Felbermayr G.* [et al.]. Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence // European Economic Review. 2021. Vol. 135. No. 1. P. 103720. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.103720.
13. *Hufbauer G.C.* [et al.]. Economic sanctions reconsidered. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
14. *Korgun I.A., Zakharova L.V.* Rational vs. behavioral approach to DPRK's sanctions problem. M.: Dashkov & Co., 2022. DOI: 10.29030/978-5-394-05078-7-2022.
15. *Mulder N.* The economic weapon: The rise of sanctions as a tool of modern war. New Haven: Yale University Press*, 2022. DOI: 10.2307/j.ctv240df1m.
16. *Neuenkirch M., Neumeier F.* The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // European Journal of Political Economy. 2015. Vol. 40. No. 2. Pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001.
17. *Papava V.* On sanctionomics and the externalities of economic sanctions // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2022. Vol. 16. No. 2. Pp. 142–149. DOI: 10.2139/ssrn.4153882.
18. *Simola H.* Trade sanctions and Russian production. BOFIT Policy Briefs. 2022. No. 4. http://urn.fi/URN:NBN:fi:bof-202205101191.
19. *Sonnenfeld J.A.* [et al.]. Business retreats and sanctions are crippling the Russian economy. Yale University*. 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4167193.
20. *van Bergeijk P. A.* Introduction to the Research handbook on economic sanctions // Research handbook on economic sanctions / P. A. van Bergeijk (ed.). Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Pp. 1–24.

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

REFERENCES

1. *Belousov, D.R.* On opportunities for development under sanctions: some preliminary remarks. CMASF. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/2022-03sanks.pdf. 2022. (In Russ.).
2. *Golubchik A.M., Pak E.V.* Parallel imports to Russia: certain aspects of logistics // Russian Foreign Economic Journal. 2022. No. 10. Pp. 27–37. (In Russ.).
3. *Knobel A.Y.* [et al.]. Sanctions are here for a good long while. Moscow: Delo Publishing House, 2019. (In Russ.).
4. *Simachev Y.V., Kuzyk M.G., Zudin N.N.* Import dependence and import substitution in Russian manufacturing: a business viewpoint // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 25–45. (In Russ.). DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
5. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* The impact of global value chains on national economic systems and emerging challenges for Russian economic policy // Social Sciences and Modernity. 2017. No. 4. Pp. 27–33. (In Russ.).

6. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Distributed production under the pandemic shock: vulnerability, resilience and the new stage of globalization // Voprosy ekonomiki. 2021. No. 12. Pp. 21–47. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47.
7. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia's opportunities for entering Industry 4.0 markets by improving its position in distributed production // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 1. Pp. 223–231. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-12.
8. *Tsukhlo S.V.* Challenges of import dependence of Russian manufacturing and import substitution in 2014-2018 // Business magazine "Neftegaz.RU". 2019. No. 4(88). Pp. 98–103. (In Russ.).
9. *Borin A. [et al.].* Quantitative assessment of the economic impact of the trade disruptions following the Russian invasion of Ukraine. Questioni di Economia e Finanza. 2022. No. 700. DOI: 10.32057/0.QEF.2022.0700.
10. *Chorzempa M.* Export controls against Russia are working — with the help of China // The Peterson Institute for International Economics. 2022. https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china.
11. *Demertzis M. [et al.].* How have sanctions impacted Russia? Bruegel Policy Contributions. 18/2022. 2022.
12. *Felbermayr G. [et al.].* Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence // European Economic Review. 2021. Vol. 135. No. 1. Pp. 103720. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.103720.
13. *Hufbauer G.C. [et al.].* Economic sanctions reconsidered. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
14. *Korgun I.A., Zakharova L.V.* Rational vs. behavioral approach to DPRK's sanctions problem. Moscow: Dashkov & Co., 2022. DOI: 10.29030/978-5-394-05078-7-2022.
15. *Mulder N.* The economic weapon: The rise of sanctions as a tool of modern war. New Haven: Yale University Press*, 2022. DOI: 10.2307/j.ctv240df1m.
16. *Neuenkirch M., Neumeier F.* The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // European Journal of Political Economy. 2015. Vol. 40. No. 2. Pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001.
17. *Papava V.* On sanctionomics and the externalities of economic sanctions // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2022. Vol. 16. No. 2. Pp. 142–149. DOI: 10.2139/ssrn.4153882.
18. *Simola H.* Trade sanctions and Russian production. BOFIT Policy Briefs. 2022. No. 4. http://urn.fi/URN:NBN:fi:bof-202205101191.
19. *Sonnenfeld J.A. [et al.].* Business retreats and sanctions are crippling the Russian economy. Yale University*, 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4167193.
20. *van Bergeijk P.A.* Introduction to the Research handbook on economic sanctions // Research handbook on economic sanctions / P.A. van Bergeijk (ed.). Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Pp. 1–24.

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

Дата поступления рукописи: *10.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHORS
Smorodinskaya Nataliya Vadimovna – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

Katukov Daniil Dmitrievich – Researcher at Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
dkatukov@gmail.com

RUSSIA UNDER SANCTIONS: LIMITS OF ADAPTATION

The article analyzes the sanctions regime against Russia, its system effects and macroeconomic results. Destabilizing impact of sanctions shocks on the Russian economy and three resistance policies (counter-sanctions, circumventing sanctions and compensating sanctions) are considered. Three scenarios of adaptation policy to the sanctions stress: ("more market" scenario, mobilization scenario, and scenario of "self-sufficiency state capitalism") are outlined. Objective limitations of the adaptation maneuver are demonstrated, it is concluded that none of the adaptation policy directions helps the economy to quickly recover to the pre-sanction level.

Keywords: *economic sanctions, adaptation strategies, Russian economy, lost economic growth, regressive industrialization*
JEL: F1, F13, F5, F51.

В.В. ДОРЖИЕВА
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ: ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ И ШАГИ К УСПЕХУ

Развитие фармацевтической промышленности является одним из приоритетных направлений государственной политики импортозамещения. В условиях усиления санкционного давления на Россию основной целью импортозамещения становится формирование независимости от импорта как по сырьевым компонентам и субстанциям (активным фармацевтическим ингредиентам) для производства лекарственных препаратов, так и по используемым в производстве технологиям и оборудованию. В этой связи автором проанализированы стратегические приоритеты, инструменты и результаты реализуемой государственной политики импортозамещения. Акцентируется внимание на вызовах, обусловленных вводимыми против России экономическими и технологическими ограничениями в рамках международной санкционной политики, ее влиянии на развитие фармацевтической промышленности.

Ключевые слова: *фармацевтическая промышленность, импортозависимость, государственная политика импортозамещения, международная санкционная политика.*

JEL: L52, L16, O14.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_68_78.

Отечественная фармацевтическая промышленность (далее по тексту – фармпром) в настоящее время претерпевает существенные структурные изменения. Они проявляются как смена ранее сложившихся производственно-сбытовых и логистических сетей, которая началась в условиях пандемии COVID-19. Проводимая в отношении России международная санкционная политика, даже несмотря на то, что формально санкции на поставки лекарственных средств и медицинского оборудования, относящихся к гуманитарным товарам, не введены, явилась фактором, данные изменения активизировавшим. При этом российский фармпром показал свою способность в кратчайшие сроки создавать и производить новую инновационную лекарственную продукцию и вакцины, в том числе направленные на борьбу

с пандемией COVID-19[1]. Так, в 2020–2021 гг. «фармацевтическая промышленность России в целом справилась с кризисной ситуацией, вызванной пандемией: производство не сократилось, внешнеторговая активность возросла, государственная поддержка наиболее проблемных зон была оказана вовремя» [1, с. 251]. При поддержке государства была оперативно разработана и запущена в производство линейка вакцин («Гам-Ковид-Вак» (Спутник V) и «Спутник Лайт», «ЭпиВакКорона» и «ЭпиВакКорона-Н», «КовиВак») и дженериков («Коронавир», «Авифавир», «Арепливир», «Фавипиравир» и др.).

Анализ реализуемой государством модели импортозамещения в фармпроме является актуальной исследовательской задачей, особенно в условиях усиления санкционного давления на Россию. Для ее решения в статье рассматриваются приоритеты государственной политики импортозамещения и инструменты ее реализации, которые способствуют созданию конкурентоспособной национальной фармацевтической промышленности и сокращению зависимости от импорта. Исследование проведено на основе анализа нормативных документов, регламентирующих государственную политику развития и стимулирования импортозамещения в фармпроме, официальных статистических материалов Росстата, аналитических материалов DSM Group, RNC Pharma, PHARMPROM, экспертных оценок и информации из открытых источников, в том числе размещенных на портале ГАРАНТ.РУ (Garant.ru) и сайтах информационных агентств «Коммерсантъ», РБК, Фармацевтический вестник.

Влияние международной санкционной политики на развитие фармацевтической промышленности России

Одним из самых значимых элементов в новой системе санкций выступили внешнеторговые и технологические ограничения. Это видно по оценке степени прямого или косвенного их воздействия на российский фарпром. Такая оценка проведена на основе группировки международных санкций, влияющих на внешнюю торговлю, используемой экспертами Института экономики РАН [4, с. 218] и Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) [3, с. 2].

[1] *Камзолова А.* Почему для России важна разработка инновационных лекарственных препаратов. https://rg.ru/2022/03/11/pochemu-dlia-rossii-vazhna-razrabotka-innovacionnyh-lekarstvennyh-preparatov.html (дата обращения: 19.11.2022); https://www.kommersant.ru/doc/5306838 (дата обращения: 19.11.2022).

В данной статье автором сделана попытка дать аналогичную группировку санкций, касающихся логистики, импорта и экспорта, а также финансово-инвестиционной сферы и оценку их влияния на фармацевтическую промышленность (см. табл. 1)[2].

Наиболее сильное влияние на российский фармпром оказало ограничение импорта, причем не только из стран ЕС, но также из Китая и Индии. Возникли затруднения с доступом к важным промежуточным товарам (субстанциям, компонентам, оборудованию, технологиям)[3], возросла неопределенность относительно цепочек поставок фармацевтической продукции и компонентов для ее производства, а также оборудования и материалов для его обслуживания, приостановлена деятельность зарубежных компаний по развитию и инвестированию уже реализуемых в России проектов. Прочие ограничения международной санкционной политики оцениваются как оказывающие умеренное или слабое влияние на российский фармпром.

Санкционные ограничения, которые уже начинают негативно сказываться на технологическом развитии отечественного фарпрома, будут иметь и отложенные эффекты, которые быстро преодолеть не удастся. В то же время нужно учитывать, что, несмотря на свертывание взаимодействия иностранных компаний с российскими партнерами, поставки в страну лекарств, а также различных препаратов и медицинских средств, необходимых для нормального функционирования российской системы здравоохранения, продолжились. При этом, как можно видеть по данным рис. 1, на объемах их ввоза (импорта) введенные ограничения не отразились, даже несмотря на возникшие проблемы в сфере логистики. За 9 месяцев 2022 г. удалось сохранить объемы импорта фармацевтической продукции на уровне аналогичного периода прошлого года.

Крупнейшими импортерами фармацевтической продукции в Россию продолжают оставаться Германия, США, Франция и Италия (см. рис. 2). Их доля в структуре импорта лекарственных препаратов за период с января 2015 г. по январь 2022 г. составила 42%[4].

---

[2] Выборка санкций осуществлена по представленному на портале ГАРАНТ.РУ Путеводителю по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (https://base.garant.ru/57750632/#friends (дата обращения: 19.11.2022) по состоянию на 14 ноября 2022 г. Последствия ограничений и их влияние на фармацевтическую отрасль определены на основе обработки информации, размещенной после 24 февраля 2022 г. на сайтах ИД «Коммерсантъ» (https://www.kommersant.ru), РБК (https://www.rbc.ru), Фармацевтический вестник (https://pharmvestnik.ru) и ряда других информационных источников, а степень влияния ограничений на российскую фармацевтическую промышленность (сильное, умеренное или слабое) приведена как условная экспертная оценка.

[3] Логистика пошла по субстанциям. https://www.kommersant.ru/doc/5249892 (дата обращения: 19.11.2022).

[4] Импорт фармацевтики в Россию // Отчет StatImEx.Ru за период с 2015 г. по январь 2022 г. https://statimex.ru/statistic/30/import/2015-2022/world/RU.

Таблица 1

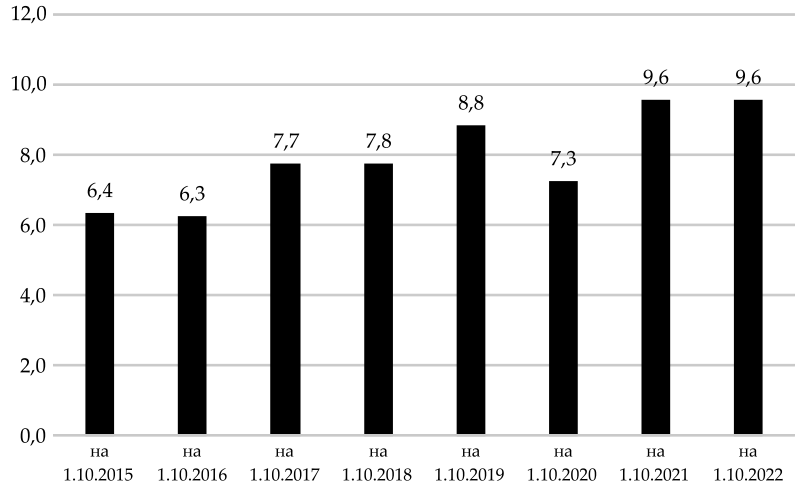
Группировка международных санкций 2022 г., влияющих на развитие фармацевтической промышленности

Группировка санкций	Санкции, влияющие на отрасль	Последствия ограничений для отрасли	Влияние (эффект) ограничений	Степень влияния ограничений
1. Логистические ограничения	Закрытие неба для российских воздушных судов	Отказ крупнейших мировых контейнерных линий и европейских портов от работы с российскими грузами	Необходимость перестройки логистических цепочек	сильное
	Закрытие портов для российских судов	Уход DHL и FedEx из России	Затруднен либо нет возможности ввоза (импорта) фармацевтических субстанций не только из ЕС, но также из Китая и Индии	
2. Ограничения российского экспорта	Существенное повышение импортных пошлин на российские товары	Ухудшение/отмена режима наибольшего благоприятствования в торговле	Приостановка экспорта из-за проблем с логистикой (невозможность отправки)	умеренное
			Необходимость получения разрешения национальных компетентных органов на покупку, импорт или транспортировку фармацевтических, медицинских продуктов из России	
3. Ограничения импорта	Запрет на экспорт в Россию высокотехнологичной продукции, оборудования	Затруднение доступа к важным промежуточным товарам (субстанциям, компонентам, оборудованию, технологиям)	Приостановка/перебои с поставками субстанций, компонентов и иной промежуточной продукции из-за проблем с логистикой (невозможность отправки). заметно сократилось общее количество стран — поставщиков субстанций	сильное
			Прекращение сотрудничества с Россией ряда производителей оборудования	сильное
			Отказ крупных фарм. производителей (Takeda, AstraZeneca, Pfizer, Sanofi,) от проведения новых международных клинических испытаний	умеренное

Окончание табл. 1

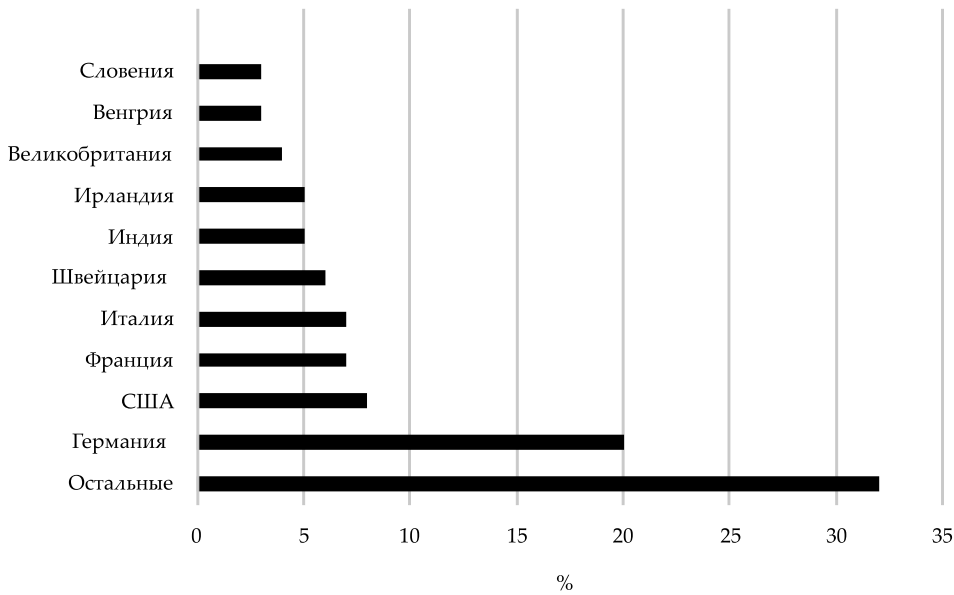
Группировка санкций	Санкции, влияющие на отрасль	Последствия ограничений для отрасли	Влияние (эффект) ограничений	Степень влияния ограничений
4. Финансово-инвестиционные ограничения	Отключение от SWIFT российских банков	Сложности с оплатой и ведением финансово-хозяйственной деятельности	Возникновение требований предоплаты до отгрузки	умеренное
	Запрет на ввоз в Россию евро и долларов	Дефицит валюты	Повышение цен	слабое
	Приостановка инвестиций	Пересмотр деятельности иностранных компаний на российском рынке, в т. ч. из-за финансовых и логистических сложностей	Сокращение присутствия иностранных компаний на российском рынке	умеренное
			Приостановка инвестиций иностранными компаниями в уже реализуемые проекты в отрасли	умеренное
			Приостановка запуска новых производств из-за ограничения поставок оборудования («Р-Фарм»)	сильное
	Ввод блокирующих санкций против институтов развития России	Выход из числа учредителей	ГК Ростех вышла из учредителей компании «Фарм Эйд ЛТД», созданной совместно с Ishvan Pharmaceutical из ОАЭ, которое намерено к 2025 г. построить в Калужской области завод стоимостью 9 млрд руб. по производству вакцин, разработанных индийской фарминдустрией	слабое
		Приостановка производства из-за отсутствия спроса и продаж	Ограничение экспорта вакцины от коронавируса «Спутник V» через РФПИ	

Источник: составлено автором по данным из открытых источников: Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (https://base.garant.ru/57750632/#friends; сайты ИД «Коммерсантъ» https://www.kommersant.ru/, РБК. https://www.rbc.ru/, Фармацевтический вестник. https://pharmprom.ru/iz-za-importozavisimosti-pod-ugrozoj-mozhet-okazatsya-95-farmacevticheskogo-rynka-rossii/., газеты «Экономика и жизнь». https://www.eg-online.ru/article/452947/, газеты «Ведомости». https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/20/946442-rossiyu-mozhet-pokinut-pervii-zapadnii-farmproizvoditel.



Источник: рассчитано и составлено автором по: отчет StatImEx.Ru «Импорт фармацевтики в Россию. https://statimex.ru/statistic/30/import/2015-2022/world/RU; материалы аналитической компании RNC Pharma (в пересчете в доллары по среднему курсу ЦБ РФ); https://rncph.ru/news/26_10_2022.

Рис. 1. Динамика импорта фармацевтической продукции за 9 месяцев 2022 г. и соответствующие периоды 2015–2021 гг., млрд долл.

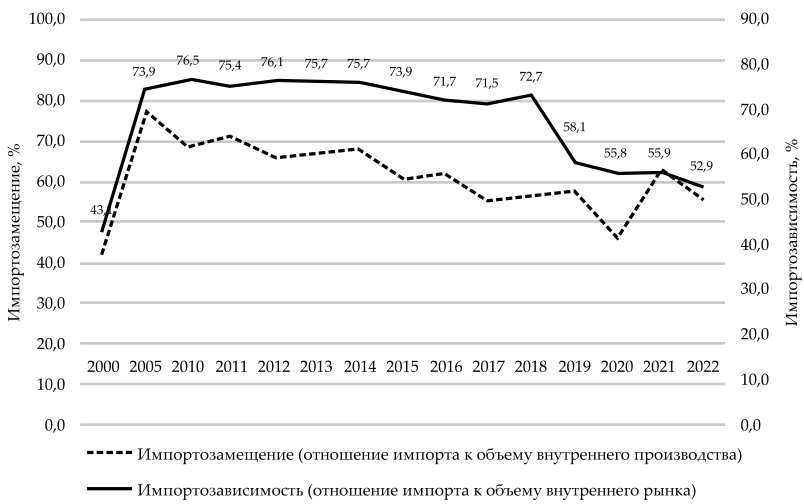


Источник: рассчитано и составлено автором по: данные отчета StatImEx.Ru «Импорт фармацевтики в Россию. https://statimex.ru/statistic/30/import/2015-2022/world/RU.

Рис. 2. Структура стран импортеров – поставщиков фармацевтической продукции в Россию за период с января 2015 г. по январь 2022 г., %.

Источник: рассчитано и составлено автором по: данные статистических сборников Росстата «Российский статистический ежегодник» за 2003–2021 гг. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994; данные статистических сборников Росстата «Промышленное производство в России» за 2016 г., 2019 г., 2021 г. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225; материалы аналитической компании RNC Pharma. https://rncph.ru/news/26_10_2022; Отчеты «Фармацевтический рынок России» за 2004–2021 гг. и 9 мес. 2022 г. DSM Group. https://dsm.ru/news-reports/?category=11.

Рис. 3. Динамика объемов отечественного производства фармацевтической продукции в 2000–2021 гг. и за 9 месяцев 2022 г.



Источник: рассчитано и составлено автором по: Российский статистический ежегодник. 2021. Стат.сб. / Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994; Статистика внешней торговли России (по данным ФТС России). https://statimex.ru/statistic/30/import/2015-2022/world/RU; материалы компании DSM Group. https://dsm.ru; материалы аналитической компании RNC Pharma. https://rncph.ru.

Рис. 4. Показатели зависимости фармацевтической промышленности России от импорта, %.

На российском фармацевтическом рынке после 2018 г. фиксируется постепенное увеличение доли отечественной продукции. По итогам 9 месяцев 2022 г. она составила 47,1%. По сравнению, например, с 2014 г. – рост почти на 23 процентных пункта (см. рис. 3). Но при этом нужно констатировать, что, несмотря на снижение, высокий уровень зависимости от импорта сохраняется, составляя 52,9% (см. рис. 4).

Стратегия импортозамещения, как правило, предполагает постепенное замещение зарубежной продукции отечественной и во многом определяется характером зависимости от импорта. Здесь важно отметить, что замена иностранных препаратов отечественными не всегда целесообразна в силу различного уровня технологического развития (нет возможности/целесообразности для производства в стране) либо экономической составляющей их производства, когда дешевле привезти, чем производить в стране.

Инструменты импортозамещения в фармацевтической промышленности и его результаты

В ответ на введение международных санкций Правительством России используются различные меры, основными из которых являются специальные государственные программы субсидиарной и финансовой поддержки приоритетных проектов, направленных на стимулирование процессов импортозамещения, развитие и локализацию отечественных фармацевтических производств. Стартовые условия такой государственной политики импортозамещения в отрасли начали формироваться с 2014 г.[5] в виде отраслевого плана импортозамещения, предусматривающего организацию выпуска фармацевтической продукции, включенной в перечень приоритетных и критически важных видов лекарственных средств и активных фармацевтических ингредиентов (субстанций)[6].

---

[5] План содействия импортозамещению в промышленности, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 года № 1936-р; План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 27.01.2015 г. № 98-р. http://government.ru/docs/all/94676 (дата обращения: 19.11.2022).

[6] Отраслевой план мероприятий по импортозамещению в отрасли фармацевтической промышленности Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 31 марта 2015 г. № 656. https://www.consultant.ru; План мероприятий по импортозамещению в фармацевтической промышленности Российской Федерации до 2024 года, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 20 июля 2021 г. № 2681. https://docs.cntd.ru/document/350212518 (дата обращения: 19.11.2022).

При проведении государственной политики импортозамещения, или импортозамещающей промышленной политики[7] в отрасли в рамках государственных программ поддержки разрабатываются «дорожные карты» – планы мероприятий. Их реализация осуществляется в том числе через специализированные институты развития (РФПИ, Фонд развития промышленности и др.). В качестве основных инструментов импортозамещающей политики в фармацевтической отрасли активно используются программы субсидирования, специальные инвестиционные контракты, закупки лекарственных препаратов по госконтрактам. Одной из наиболее значимых государственных инициатив стало введение ускоренной регистрации лекарств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций[8].

В целом переход фармпрома на импортозамещающую модель функционирования и развития обеспечил значительный прирост объема произведенных отечественных лекарственных средств и соответствующее увеличение их потребления населением России. По оценкам экспертов, благодаря реализации стратегии и государственных программ развития в отрасли увеличились расходы на НИОКР, позволившие компаниям представить на рынок целый ряд новых инновационных лекарств, доля которых составляет 40,8% [5, с. 343]. Предполагается, что к 2030 г. удельный вес отрасли в формировании общего объема валового внутреннего продукта Российской Федерации увеличится почти в два раза – до 4%[9].

Особенности импортозамещающей промышленной политики в фармацевтической отрасли построены, прежде всего, на основе:

– активного развития отечественного производства аналогов импортных препаратов (патенты защищены и принадлежат иностранным компаниям), дженериков (не защищенных патентами лекарственных средств) вместо оригинальных лекарственных препаратов, биологически активных добавок (БАД), субстанций и компонентов для производства лекарственных средств;
– разработки новых отечественных фармацевтических продуктов, схожих по фармакотерапевтическому действию и/либо улучшенных зарубежных аналогов;

[7] Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и в обозримой перспективе – со значимым экспортным потенциалом.

[8] Пандемия изменила подходы к регулированию в сфере обращения лекарств. https://rg.ru/2020/08/03/pandemiia-izmenila-podhody-k-regulirovaniiu-v-sfere-obrashcheniia-lekarstv.html (дата обращения: 19.11.2022).

[9] Стратегия развития российской фармотрасли «Фарма 2030» – основные направления / PHARMPROM. 5 октября 2021. https://pharmprom.ru/strategiya-razvitiya-rossijskoj-farmotrasli-farma-2030-osnovnye-napravleniya (дата обращения: 19.11.2022).

– замены импортной продукции стран, участвующих в международной санкционной политике против России, на продукцию конкурентов – фармацевтических компаний из нейтральных стран, равноценными по качеству и стоимости.

С момента принятия в 2015 г. первого антисанкционного плана импортозамещения ландшафт отечественной фармацевтической индустрии кардинально изменился – появилась критическая масса высокотехнологичных российских фармацевтических производителей. В настоящее время в России функционирует около 570[10] фармацевтических производств, в том числе 60 новых. Из них 16 производств запущено международными компаниями[11], например, такими как Novartis в г. Санкт-Петербург, AstraZeneca и Berlin-Chemie/Menarini в Калужской области, Takeda в Ярославской области. На их локальных площадках осуществляется производство новых и/или иностранных лекарств с использованием современных международных технологий (по GMP стандарту).

Подводя итоги, можно констатировать, что переход российской фармацевтической промышленности на импортозамещающую модель развития в целом удался, в том числе за счет активного развития собственного производства на основе технологической модернизации и создания новой высокотехнологичной производственной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова Н.И., Мамедьяров З.А.* Специфика развития российской фармацевтической отрасли // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1 (53). С. 248–255. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-15.
2. *Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г.* Новые контуры промышленной политики. М.: НИУ ВШЭ, 2022. https://publications.hse.ru/chapters/588959997.
3. Сюжеты внешней торговли // Некоммерческое партнерство «Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования» (ЦМАКП). 2022. Вып. № 16 от 16.03.2022. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/WW_MONS/2021/16_2021.pdf.
4. *Ушкалова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
5. *Чернышева А.М., Зобов А.М., Федоренко Е.А.* Анализ стратегии развития фармацевтической промышленности РФ на период до 2030 г. и метрик устойчивого развития стратегических альянсов фармацевтической отрасли // Вестник Академии знаний. 2021. № 46 (5). С. 338–347. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-5-338-347.

[10] Россиянам рассказали об импортозамещении лекарств. https://360tv.ru/news/obschestvo/importozamescheniem-lekarstv (дата обращения: 19.11.2022).

[11] Отечественные производители лекарств получат преимущество в госзакупках. https://rg.ru/2021/11/16/otechestvennye-proizvoditeli-lekarstv-poluchat-preimushchestvo-v-goszakupkah.html (дата обращения: 19.11.2022).

REFERENCES

1. *Ivanova N.I., Mamedyarov Z.A.* Specifics of the development of the Russian pharmaceutical industry // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 1 (53). Pp. 248-255. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-15. (In Russ.).
2. *Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G.* New Contours of Industrial policy. Moscow: HSE, 2022. https://publications.hse.ru/chapters/588959997. (In Russ.).
3. Plots of foreign trade // Non-profit Partnership "Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting" (CMACP). 2022. Iss. No. 16 dated 03/16/2022. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/WW_MONS/2021/16_2021.pdf . (In Russ.).
4. *Ushkalova D.I.* Russia's foreign trade under sanctions pressure // Zhournal Novoi Ekonomicheskoi Associacii. 2022. No. 3 (55). Pp. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In Russ.).
5. *Chernysheva A.M., Zobov A.M., Fedorenko E.A.* Analysis of the development strategy of the pharmaceutical industry of the Russian Federation for the period up to 2030 and metrics of sustainable development of strategic alliances of the pharmaceutical industry // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 46 (5). Pp. 338–347. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-5-338-347. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *21.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR

Dorzhieva Valentina Vasilievna – Cand. Sci. (Econ.), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vvdorzhieva@inecon.ru

STATE POLICY OF IMPORT SUBSTITUTION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY IN RUSSIA: IMPACT OF SANCTIONS AND STEPS TO SUCCESS

The development of the pharmaceutical industry is one of the priorities of the state policy of import substitution. In the context of increasing sanctions pressure on Russia, the main goal of import substitution is gaining independence from imports. It includes both import of raw materials and substances (active pharmaceutical ingredients) used in production of medicines, and production technologies and equipment. The author analyzes the strategic priorities, tools and results of the current state policy of import substitution. An attention is focused on the challenges caused by international sanctions policy including the economic and technological restrictions imposed against Russia, and its impact on the development of the Russian pharmaceutical industry.

Keywords: *pharmaceutical industry, import dependence, state policy of import substitution, international sanctions policy*

JEL: L52, L16, O14.

Н.Ю. АХАПКИН
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСОВ ТРУДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье проанализирована динамика формирования ресурсов труда в Российской Федерации за постсоветский период. Рассмотрены факторы, определяющие потенциальные объемы ресурсов труда. Раскрыты особенности ситуации на российском рынке труда в условиях усиления санкционного давления на Россию. Показаны зависимости между изменениями в численности рабочей силы, количественно отражающей предложение труда, и темпов развития экономики. Определены возможности и ограничения ускорения экономического роста, которые формируются за счет изменений предложения труда.

Ключевые слова: *занятое население, рабочая сила, рынок труда, санкции, экономическая динамика, экономический рост.*

JEL: J10, J11, J21, O11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_79_95.

Введение

На российском рынке труда немало дисбалансов. Значительная часть из них отражает несоответствие многих характеристик спроса на труд и его предложения. Одним из проявлений такого несоответствия является нехватка рабочей силы. Эта нехватка касается прежде всего отдельных профессий (профессиональных групп), являясь, таким образом, по своему характеру структурной, и наблюдалась она весь постсоветский период. Хотя ее острота на разных этапах развития экономики то усиливалась, то спадала. На сегодняшний день дефицит труда, судя по доступной статистике и оценкам работодателей, находится на своих максимальных по сравнению с ранее фиксируемыми значениях. И вопрос о том, достаточно *ли* в России ресурсов труда, чтобы обеспечить устойчивость и развитие экономики, становится как никогда ранее актуальным.

На формирование ресурсов труда оказывают влияние много факторов. Среди них, конечно, факторы экономические. Их воздействие касается в первую очередь уровня экономической активности насе-

ления и является, как правило, кратко- или среднесрочным. Другая группа факторов относится к фундаментальным. Они определяют формирование ресурсов труда на длительный период. Это факторы демографические. Под их влиянием складываются общие объемы, потенциал ресурсов труда.

Анализируя процесс формирования ресурсов труда, причины изменений в его динамике и взаимосвязь с динамикой роста экономики, очень важно определиться с содержанием используемых при этом терминов. Прежде всего скажем о предложении труда. Классический подход предполагает, что оно, как и спрос, определяется на конкретных профессиональных рынках труда ставками заработной платы. Такой подход позволяет продуктивно исследовать взаимоотношения потенциального работника и работодателя, определяющие распределение занятых по профессиям и конкретным рабочим местам. Он описан в огромном количестве научных работ и на его основе проведено множество прикладных исследований (см., например [7, 14, 15, 16]). Но количественная оценка предложения может иметь много толкований, зависящих от целей исследования. То же касается такого понятия, как «трудовые ресурсы», имеющего строгое статистическое определение, но в настоящее время его, как правило, трактуют очень широко.

В нашем случае, когда речь идет о количественной оценке ресурсов труда на национальном уровне, его предложение будет рассматриваться как сумма занятых в экономике и тех, кто активно ищет работу, т.е. как рабочая сила. Она и составляет фактические ресурсы труда. Что касается потенциальных ресурсов труда, методологию определения которых еще в советское время начинал разрабатывать В.Г. Костаков [9], то их объемы будут рассматриваться в соответствии с определениями Росстата как потенциальная рабочая сила[1].

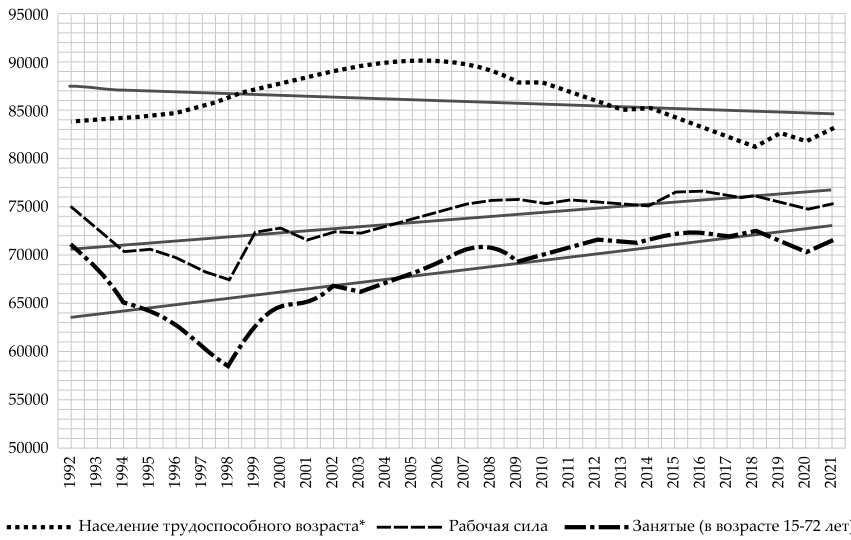
Ресурсы труда в постсоветский период и факторы их формирования

Численность рабочей силы (экономически активного населения) за тридцать постсоветских лет в отличие от многих других макроэкономических показателей, например, индексов роста ВВП или безработицы, была относительно стабильна[2]. В 2021 г. она составила 75,2 млн

[1] Официальный сайт Росстата. Методологические пояснения. https://rosstat.gov.ru/labour_force.

[2] За точку отсчета взят 1992 г., когда Росстат стал проводить обследования занятости населения. При этом здесь и далее анализ ресурсов труда базируется на данных обследований Росстата по проблемам занятости населения и обследований рабочей силы. Данные о среднегодовой численности занятых (по балансу трудовых ресурсов) не использовались.

человек, что лишь на 0,1 млн человек больше, чем в 1992 г. (рис. 1). Существенное снижение наблюдалось только в 1990-е гг. Своего пика оно достигло в 1998 г. По отношению к 1992 г. рабочая сила тогда сократилась почти на 11%. Но затем, когда экономика после трансформационного спада стала постепенно восстанавливаться [1, 11], стало расти и общее предложение труда.



* Данные за 2020–2021 гг. приведены с учетом изменения границ трудоспособного возраста.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13pr/Main.htm; Обследования населения по проблемам занятости (обследования рабочей силы). https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

Рис. 1. Численность населения трудоспособного возраста, рабочей силы и занятых в экономике в 1992–2021 гг., тыс. человек

В 2017 г. началось новое снижение. В 2020 г. рабочая сила сократилась по отношению к 2016 г. на 1,8 млн человек. Прежде всего это было обусловлено уменьшением пополнения ресурсов труда за счет молодежи. На показателях 2020 г. сказался и рост смертности, особенно среди людей старших возрастов. Но отметим, что снижение могло быть существенно большим, если бы не изменение границ трудоспособного возраста.

В 2021 г. численность рабочей силы после пяти лет снижения возросла, превысив уровень 2020 г. на 0,6%. В основном это продолжающийся эффект пенсионной реформы, который сыграл главную роль в увеличении численности населения в трудоспособном возрасте – за год сразу на 1,3 млн человек. Этот эффект обеспечит относительную стабильность предложения труда и 2022 г. В среднем за

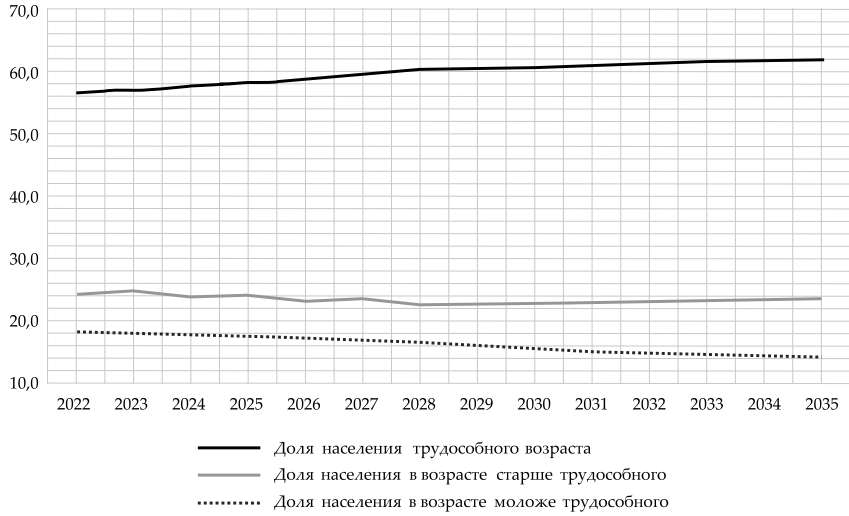
январь–октябрь 2022 г. оно составило 74,9 млн человек (в возрасте 15 лет и старше), что лишь на 0,3% меньше, чем за те же месяцы предыдущего года.

Среди демографических показателей определяющее влияние на предложение труда оказывает показатель численности населения трудоспособного возраста. Как правило, зависимость между ними является устойчивой. Рост населения трудоспособного возраста ведет к росту рабочей силы. Но надо сказать, что период 1992–1998 гг. стал исключением из этого правила. Прежние советские практики поддержания занятости были сломаны, а новые рыночные только формировались, и на первый план вышли факторы, определяющие уровень и характер экономической активности. Но после 1998 г. эта зависимость стала восстанавливаться. Хотя надо учитывать, что полной она никогда не будет, в частности, из-за постоянных изменений в возрастной структуре российского населения [2, 3, 12].

В 2021 г. численность населения трудоспособного возраста составила 83,2 млн человек. Ее снижение, которое шло с 2008 г., после 2018 г. сменилось ростом. Он был вызван изменением границ трудоспособного возраста. Но рост продолжится и после 2028 г., когда переходный период по повышению пенсионного возраста завершится. Это показывают средний и высокий варианты расчетов Росстата о предположительной численности населения до 2035 г. Низкий вариант показывает, что после 2028 г. снижение все же начнется, но будет незначительным – в границах 0,1–0,3%[3]. Такая долгосрочная динамика вызвана одной из ключевых особенностей российской демографической системы – мощными демографическими волнами [2, 12]. Они делают изменения численности разных возрастных групп в одном и том же периоде разнонаправленными. В 2023–2035 гг. мы скорее всего будем наблюдать, что при росте населения трудоспособного возраста станет меньше тех, кто этого возраста еще не достиг (рис. 2).

Уровень участия населения в составе рабочей силы после резких колебаний в 1990-х с начала 2000-х гг. стал медленно, но устойчиво повышаться. На свой естественный максимум или близкий к нему уровень этот показатель вышел в 2015–2016 гг. Он отразил соотношение эффекта дохода и эффекта замещения, которое скорее всего приобрело устойчивость. В среднем за январь–сентябрь 2022 г. экономическая активность населения старше 15 лет составила 62,3% — это ровно столько, что за те же месяцы 2021 г.

[3] Официальный сайт Росстата. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический бюллетень. 2020. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285.

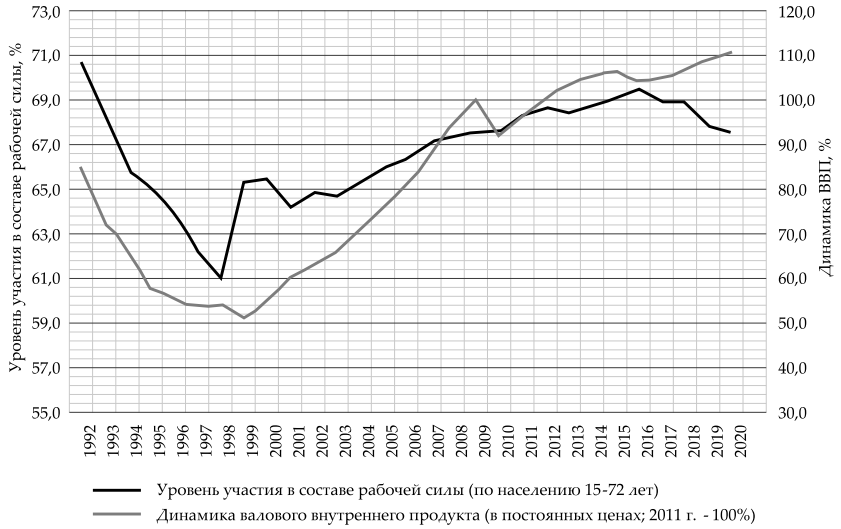


Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический бюллетень. 2020. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285.

Рис. 2. Ожидаемая доля населения трудоспособного возраста, моложе и старше трудоспособного возраста в общей численности населения в 2022–2035 гг., % (по показателям среднего варианта прогноза)

Сопоставляя динамику уровня экономической активности населения и экономического роста за все постсоветские годы, мы видим, что они взаимозависимы (рис. 3). Особо обратим внимание на период с 1992 г. по 1998 г. Темпы экономической активности тогда почти совпадали с темпами падения ВВП. И сокращение численности рабочей силы, как и занятых, которое шло одновременно с ростом населения трудоспособного возраста – это следствие нежелания людей выходить на рынок труда. Но, конечно, нельзя не сказать, что в те годы были широко распространены трудовые практики, которые статистикой не фиксировались. Поэтому, не исключено, – немалая часть рабочей силы и занятых, пускай и неформально занятых, в официальных данных Росстата не отражалась. Что касается снижения уровня участия населения в составе рабочей силы, которое началось после 2016 г., то пока оно не является существенным (изменения по годам находились в диапазоне от 0,1 до 1,9 процентных пункта) и нет оснований считать его устойчивым. Причиной же снижения скорее всего стали и отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам, и невысокие темпы роста заработных плат, и – в 2020–2021 гг. – ограничения, связанные с пандемией.

Удельный вес рабочей силы в составе населения трудоспособного возраста в 2022 г. составил 90,4%. Это лишь на процентный пункт ниже, чем в 1992 г. Нынешнее значение этого показателя, который в 1990-х гг. снизился до 78,1% (1998 г.), а потом стал восстанавливаться, можно счи-



Источник: составлено по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13pr/Main.htm.

Рис. 3. Уровень участия населения в составе рабочей силы по населению 15–72 лет и валовой внутренний продукт в постоянных ценах (2011 г. – 100%) в 1992–2020 гг., %

тать естественным. Также естественны и его изменения в сторону роста или уменьшения, если они не превышают 2–2,5 процентных пунктов. Определяют эти изменения состояние экономики, ставки заработной платы и многие другие как экономические, так и социальные факторы. Таким образом, зная перспективную численность возрастных групп – ее дает Росстат, и исходя из того, что доля рабочей силы среди людей трудоспособного возраста, существенно меняться не будет, можно, проведя несложные расчеты, оценить и ресурсы труда по меньшей мере до 2035 г.

Полученные данные, если ориентироваться на средний, как наиболее вероятный, вариант демографического прогноза Росстата, показывают, что предложение труда до 2027–2028 гг. будет расти довольно высокими темпами. Численность рабочей силы в эти годы составит 77,8 и 77,9 млн человек соответственно. Затем – до 2033 г. – рост продолжится, но темпы его уже будут невысоки. И в 2034–2035 гг. можно ожидать незначительного снижения. Что касается потенциальной рабочей силы, то, судя по данным Росстата, ее численность существенно не меняется. Она может расти или снижаться, но потом возвращается к своему среднему значению, которое за 2010–2021 гг. составило 1,1 млн человек[4]. Ее сложившийся уровень – примерно 1,5% реальных ресур-

[4] Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 147.

сов труда – скорее всего является устойчивой количественной характеристикой российской модели трудового рынка.

Такие расчеты, конечно, небезупречны «…со статистической точки зрения» [7, с. 50]. Но проводились они неоднократно и имеют подтвержденную достоверность результатов, по крайнем мере, отражая направления ожидаемой динамики [6]. Но нельзя не сказать, что события, связанные сначала с пандемией, а затем с российско-украинским конфликтом, заставляют и к этим расчетам относиться с большой осторожностью. Когда движение мировой экономики и российской как ее части не просто нестабильно, а идет от одного непредсказуемого кризиса к другому, число прогнозных сценариев дальнейшего развития резкого увеличивается.

Пандемия сломала тенденцию роста ожидаемой продолжительности жизни населения России. С 73,34 лет в 2019 г. она снизилась до 71,54 – в 2020 г. и, по предварительной оценке Росстата, – 70,06 лет в 2021 г[5]. Что касается событий 2022 г., то они, конечно, в истории демографического развития займут особое место. Дело, во-первых, в масштабах убыли населения. Скорее всего по итогам года она превысит уровни максимальных годовых значений (1999 г. – 649,3 тыс. человек и 2001–2002 гг. – соответственно 654,3 и 685,7 тыс. человек), наблюдавшихся в стране за весь постсоветский период[6]. Во-вторых, высока вероятность того, что в 2022 г. численность выехавших из России окажется больше, чем прибывших в нее. Это случится впервые за несколько десятилетий. За январь–июль 2022 г. миграционный отток из страны оказался в 2,2 раза больше, чем за тот же период 2021 г. Сальдо миграции за январь–сентябрь составило минус 36,2 тыс. человек[7]. Таким образом, сокращение численности населения происходит сейчас не только за счет естественной убыли, но и миграционного оттока. Заметим, что в 2021 г. миграционный прирост на 41,2% компенсировал естественную убыль населения, и даже в «ковидном» 2020 г. такая компенсация составила 15,5%.

Структура ресурсов труда и проблема их дефицита

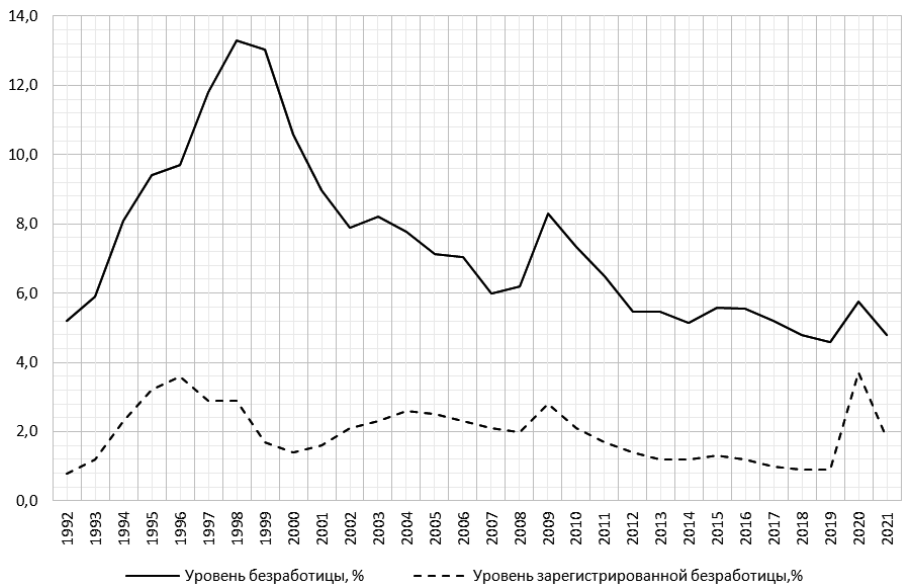
Компоненты ресурсов труда – это занятые в экономике и безработные, численность которых определяется по критериям МОТ. Динамика показателей занятости в постсоветский период формировали те

[5] Официальный сайт Росстата. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении за 2021 год. https://rosstat.gov.ru/folder/12781.

[6] *Щербакова Е.* Демографические итоги I полугодия 2022 года в России. Часть 1 / Демоскоп Weekly. № 957–958. 20 сентября – 3 октября 2022. http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom02.php.

[7] Официальный сайт Росстата. Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022 г. https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm.

же факторы, что и динамику рабочей силы. Их траектории, как видим на рис. 1, очень похожи, отличаясь прежде всего абсолютными значениями. Расхождения увеличиваются во время экономических спадов. Так произошло, например, в 2020 г., когда занятость снизилась по отношению к предыдущему году сразу на 1,3 млн человек. Уровень безработицы и численность безработных, будучи зависимы от экономической динамики, все постсоветские годы шли вслед за ней. Только надо учитывать, что еще в 1990-е гг. проявилась такая особенность российского рынка труда, как его высокие адаптационные возможности [5, 10], а периодически появляющиеся утверждения о грядущем масштабном кризисе на этом рынке ни разу не подтвердились. Максимальных значений безработица достигла на пике трансформационного спада – в 1998 г., составив 13,3% (рис. 4).



Источник: составлено по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13pr/Main.htm; Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022 г. https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm.

Рис. 4. Уровни безработицы и зарегистрированной безработицы в 1992–2021 гг., %

Существенные изменения в распределении занятых по видам экономической деятельности произошли в 1990-е гг. Наибольшие потери тогда понесла российская промышленность. С 1990 по 1998 г. численность работников здесь сократилась более чем на 11 млн человек [11]. С начала 2000-х годов структура занятости меняется медленно, «…отражая постепенную структурную трансформацию экономики в первую очередь за счет технологических изменений и смены

Таблица 1

Распределение занятых по отдельным видам экономической деятельности, %

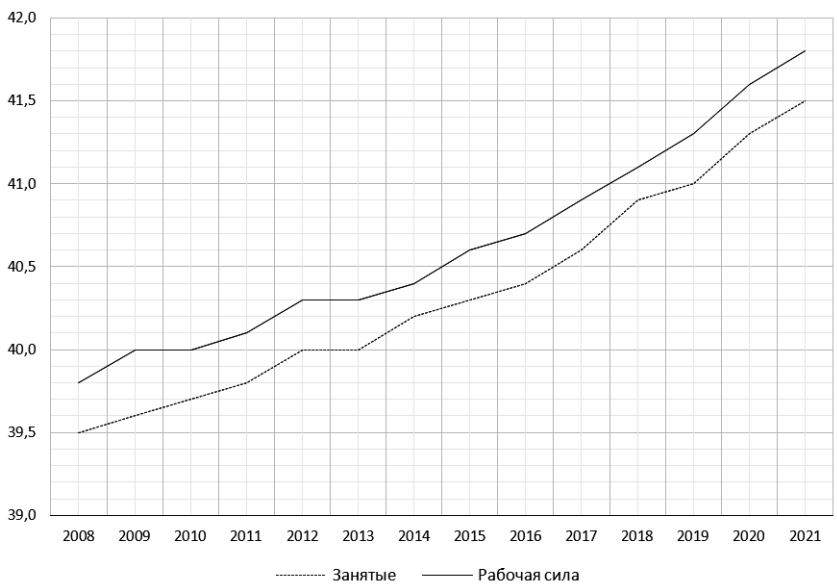
Виды экономической деятельности	II кв. 2019 г.	II кв. 2020 г.	II кв. 2021 г.	II кв. 2022 г.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6,0	6,2	6,3	5,9
Добыча полезных ископаемых	2,3	2,3	2,3	2,2
Обрабатывающие производства	14,0	13,9	14,1	14,4
Строительство	7,2	6,4	6,9	6,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	18,4	17,6	17,9	17,9
Транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи	10,3	10,6	10,5	10,7
Деятельность финансовая и страховая, деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4,0	4,2	4,0	3,9
Деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная	5,5	6,2	6,0	6,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7,1	7,3	6,9	6,7
Образование	9,5	9,3	9,4	9,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	8,0	7,9	7,7	7,7

Источник: составлено по данным Росстата. Обследования рабочей силы за 2019 г. и II кв. 2020–2022 гг. https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

приоритетов потребления. Продолжается объективно обусловленное устойчивое перемещение занятых из первичного и вторичного секторов экономики в третичный» [13, с. 52]. Но надо отметить, что некоторые изменения произошли в условиях пандемии. Во время наиболее жестких ограничений снижение занятости фиксировалось прежде всего в рыночном сегменте сферы услуг и строительстве. И это отставание от уровня, на котором показатели находились до начала пандемии, немного сократившись, все же сохраняется (табл. 1). Также можно обратить внимание на увеличение в первом полугодии 2022 г. по отношению к соответствующим месяцам 2019–2021 гг. доли занятых в отраслях обрабатывающей промышленности, что скорее всего стало отражением тенденции чуть более высоких их темпов роста, чем промышленности в целом. Но в целом эти изменения не являются

масштабными и не исключено, что после восстановления экономического роста, они будут компенсированы. Поэтому говорить о появлении новых долговременных тенденций трансформации структуры занятости пока оснований нет.

При сохранении относительной стабильности общей численности и распределения по видам экономической деятельности не ослабевает интенсивность изменения возрастной структуры рабочей силы. Тенденция увеличения доли старших возрастных групп сохраняется уже многие годы (рис. 5). В 2021 г. средний возраст рабочей силы составил 41,5 лет. Это на 0,2 года больше, чем в 2020 г., и на 2 года больше, чем, например, в 2008 г. Показательно, что в 2021 г. по отношению к 2020 г. резко вырос уровень участия в рабочей силе в возрастных группах 55–59 лет – на 3,5 процентных пункта и 59–64 года – на 2,4 процентных пункта.



Источник: составлено по данным Росстата: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022.

Рис. 5. Средний возраст рабочей силы и занятых в 2008–2021 гг., лет

Очевидно, что с возрастом возможности продуктивной работы человека начинают снижаться. По расчетам Э. Волковича, уже после 50 лет заметно сокращается объем продукции в годовом исчислении, в производстве которой «средний человек» участвует. Одновременно начинает сокращаться и его потребление[8]. Поэтому, набирая силу,

[8] *Волкович Э.* Экономические возрастные пирамиды / Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/nauka02.php.

отмеченные изменения в возрастной структуре российских ресурсов труда постепенно станут фактором снижения производительности. Влияние этого фактора на экономический рост, хотя и относительно невелико, но является устойчивым. Проведенные А.В. Кашеповым оценки показывают, что производительность труда работника в возрасте 60–64 года составляет 0,9 от средней производительности, если принять ее за 1,0, а в возрасте 65–69 лет – 0,87 [6, с. 72].

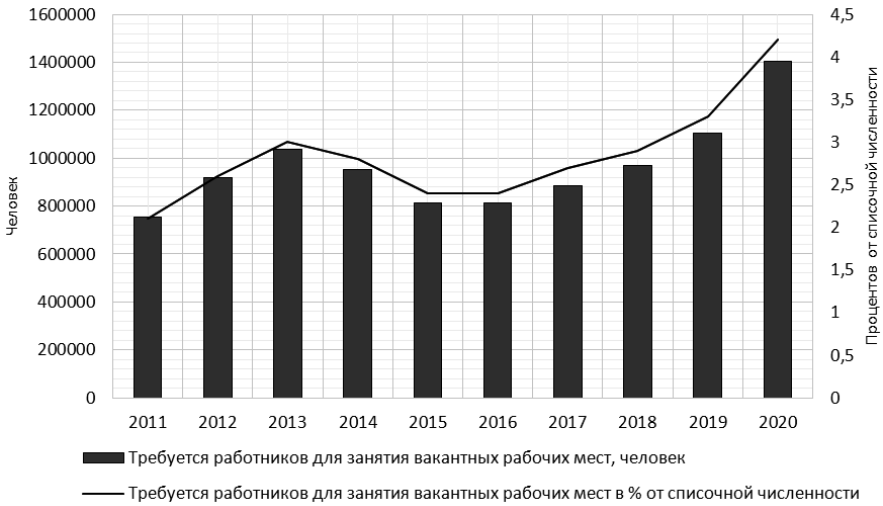
В динамике численности безработных за постсоветский период выделяются три пика (рис. 4). Естественно, что все они пришлись на годы, когда ВВП существенно снижался. Но каждый раз с началом восстановительного роста быстро снижалась и безработица. Так произошло и после 2020 г. Причем снижение безработицы оказалось рекордным. В октябре 2022 г. численность российских безработных составила 2,9 млн человек, а уровень безработицы – 3,9%, что является историческим минимумом. Российский рынок труда в очередной раз опроверг ожидания алармистов, некоторые из которых полагали, что концу 2022 г. он «…может вернуться к безработице времен коронакризиса»[9]. Но в условиях, когда безработица падала, обострилась другая проблема, которую многие исследователи и эксперты определяют как дефицит рабочей силы.

Проблема эта не нова. Работодатели традиционно относят к числу факторов, ограничивающих развитие бизнеса, нехватку квалифицированных кадров. При этом нужно учитывать, что нехватка является структурной и по-разному проявляется в разрезе видов экономической деятельности и профессиональных групп. Росстатом она фиксируется как численность работников, которых требуется принять на вакантные рабочие места.

Устойчивый рост этого показателя наблюдается с 2017 г. В конце 2020 г. для занятия вакантных рабочих мест нужно было принять 1,4 млн человек. Только за год рост составил более 300 тыс. человек (рис. 6). Если судить по квартальным данным из докладов Росстата «Социально-экономическое положение России», то рост продолжился и в 2021–2022 гг. Во втором квартале 2022 г. он достиг 5,8% от списочной численности работников (табл. 2). Это на 0,8 процентных пункта выше, чем на ту же дату 2021 г. Рост неудовлетворенного спроса на труд можно видеть и по числу вакансий, заявляемых работодателями в компании по поиску работы и сотрудников. По данным компании «HeadHunter», это число увеличивается с мая 2022 г. При этом работодатели после объявления

[9] Рынок труда в новых экономических условиях. Март 2022. ЦСР. https://www.csr.ru/ru/publications/rynok-truda-v-novykh-ekonomicheskikh-usloviyakh.

частичной мобилизации стали активнее приглашать на работу женщин, в том числе на традиционно мужские профессии[10].



Источник: составлено по данным статистических сборников Росстата «Труд и занятость в России». https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210.

Рис. 6. Численность требуемых работников на вакантные рабочие места (на конец года, без субъектов малого предпринимательства), человек и в % от среднесписочной численности работников

Усилила неудовлетворенный спрос на труд динамика численности рабочей силы, относящейся к категории трудящихся-мигрантов. Полностью достоверных данных по ним нет. Но если опираться на материалы обследований Росстата, то, по расчетам, во II квартале 2022 г. по отношению ко II кварталу 2021 г. численность занятых в российской экономике мигрантов сократилась на 450 тыс. человек, или на почти на треть.

По видам экономической деятельности неудовлетворенный спрос во II квартале 2022 г. колебался от 1,1% в организациях, занимающихся производством табачных изделий, до 18,9% – в организациях, осуществляющих деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков. По профессиональным группам больше всего незамещенных рабочих мест специалистов высшего и среднего уровней квалификации в здравоохранении – 9,3 и 4,6% соответственно, в сфере обслуживания не замещены 6,9% рабочих мест продавцов, в сельском хозяйстве – 9,9% рабочих мест товарных про-

[10] Сайт компании «HeadHunter». Обзоры рынка труда: коротко о самом важном. https://hh.ru/article/26641.

изводителей огородных, плодовых и полевых культур (по состоянию на 31 октября 2020 г.)[11].

Таблица 2

Отдельные показатели потребности в рабочей силе (без учета субъектов малого предпринимательства)

Квартал, год	Требуется принять на вакантные рабочие места (% от списочной численности работников)	Превышение численности выбывших работников над численностью принятых работников (тыс. человек)	Максимальное значение потребности в приеме на вакантные рабочие места по видам экономической деятельности (% от списочной численности работников)
II кв. 2019 г.	3,3	181,5	8,1 (организации, осуществляющие деятельность по операциям с недвижимым имуществом)
II кв. 2020 г.	3,9	493,0	7,8 (организации, осуществляющие деятельность по операциям с недвижимым имуществом)
II кв. 2021 г.	5,0	311,7	11,2 (организации, осуществляющие деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков)
II кв. 2022 г.	5,8	483,8	18,9 (организации, осуществляющие деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков)

Источник: составлено по данным докладов Росстата «Социально-экономическое положение России». https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801.

Заключение

Как повлияют сложившиеся тенденции формирования ресурсов труда, структурные характеристики рабочей силы и увеличивающийся, судя по данным Росстата, неудовлетворенный спрос на труд на экономический рост? Прежде всего нужно отметить, что, сопоставляя динамику роста экономики и ресурсов труда за постсоветский период, устойчивых зависимостей мы не найдем. Трансформацион-

[11] Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам по состоянию на 31 октября 2020 г. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2020.

ный экономический спад шел параллельно со снижением численности рабочей силы – по крайнем мере это фиксировала статистика. Но в 1999–2008 гг., когда экономика быстро росла, средние темпы роста рабочей силы были невысоки и существенно уступали темпам роста ВВП. Спады 2009 г. и 2015 г. повлияли только на безработицу.

Рост экономики, конечно, может быть сопряжен с увеличением численности работников при условии, что сохраняется или наращивается производительность. Невозможно, например, запустить новые производства, если они не обеспечены ресурсами труда. Но есть ли возможность увеличить сами эти ресурсы на уровне национальной экономики? Ответ очевиден – труд является ресурсом ограниченным, его размеры определяются прежде всего демографическими факторами, которые в силу инерционности демографической системы, меняются очень медленно. Поэтому размеры ресурсов труда, как и те их характеристики, которые определены демографическими процессами, нужно рассматривать как данность. Конечно, реализация мер по повышению экономической активности населения может дать определенные результаты. Но в лучшем случае за счет этого ресурсы труда будут увеличены на 1–2%.

Что касается кадрового дефицита, то он по-прежнему носит структурный характер. Обратим здесь внимание на то, что устойчивого и существенного снижения численности рабочей силы не происходило и не происходит сейчас. Оценивая данные Росстата о неудовлетворенном спросе на труд и росте числа вакансий, нужно учитывать, что речь идет не о всех российских организациях, а о тех, где ведется статический учет для получения информации о среднесписочной численности, и без субъектов малого предпринимательства. Численность работников таких организаций устойчиво снижается. Ежегодно выбытие работников здесь превышает их прием (табл. 2). Причем в большинстве случаев оно связано с увольнением по собственному желанию. Таким образом, оказывается, что рост потребности в приеме на вакантные рабочие места, говорит не столько о дефиците ресурсов труда, сколько о высоком уровне оборота российской рабочей силы и предпочтениях работников в выборе мест приложения труда. И также отметим, что прогнозные расчеты спроса на труд и ожидаемой степени его удовлетворения, которые методологически российскими экономистами хорошо разработаны (см. например [6, 8]), важны в первую очередь для обоснования и выбора мер экономической политики, а не для определения сценариев развития трудового рынка.

С высокой вероятностью сегодня можно говорить, что в ближайшее десятилетие количественно ресурсы труда в России будут увеличиваться. Такая структурная характеристика, как повышенный удель-

ный вес старших возрастных групп, при проведении продуманной политики занятости, включающей программы продления трудовой жизни, заметного отрицательного воздействия на темпы экономического роста оказывать не будет. Ресурсы труда становятся таким образом не фактором ограничивающий развитие экономики, а фактором, ему способствующим. Но важно, завершая, заметить, что фактор это потенциальный. Главное для роста экономики не само количество рабочей силы, а то, как она используется. Ключевой задачей является поэтому рост производительности труда. Сохранение его невысоких темпов и тем более их снижение, что скорее всего произойдет в 2023 г., – один из ключевых рисков экономического развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганбегян А.Г.* Новой России – 30 лет. Достижения и упущения. М.: ИНЭС, 2021.
2. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е, Харькова Т.Л.* Демографическая история России 1927–1959. М.: Информатика, 1998.
3. *Ахапкин Н.Ю.* Демографические аспекты формирования предложения рабочей силы на российском рынке труда // Научные труды МИМ ЛИНК. 2012. Вып. 28. С. 163–170.
4. *Былков В.Г.* Предложение на рынке труда: методология, природа формирования // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. №4. http://brj-bguep.ru/reader/archive.aspx?id=730.
5. *Капелюшников Р.И., Гимпельсон В.Е.* Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26), С. 249–254.
6. *Кашепов А.В.* Взаимосвязи экономики и демографии: монография. М.: МАКС Пресс, 2019.
7. *Кашепов А.В.* Россия в 2010 году: дефицит или избыток рабочей силы? // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8. С. 49–53.
8. *Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б.* Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. 2006. № 4. С. 34–52.
9. *Костаков В.Г.* Прогноз занятости населения (Методологические основы). М.: Экономика, 1979.
10. *Мухина И.И., Синдяшкина Е.Н.* Занятость и безработица: кризис или новые возможности // Социально-трудовые исследования. 2020. № 40(3). С. 56–67.
11. Национальная экономика: учебник / Под ред. П.В. Савченко. 4-е изд. Гл. 42. М.: ИНФРА-М, 2016.
12. *Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.* Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. 2017. № 4. С. 56–66.
13. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы / Под ред. Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкина, В.И. Филатова. СПб.: Алетейя, 2022.
14. *Эренберг Р.Дж., Смит Р.*С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М.: Изд-во МГУ, 1996.

15. Keeley Michael C. Labor Supply and Public Policy: A Critical Review (Studies in labor economics). Published November 28th 2014 by Academic Press (first published August 1981).
16. Killingsworth Mark R. Labor Supply. April 4th 2011 by Cambridge University Press.

REFERENCES

1. *Aganbegyan A.G.* New Russia – 30 years old. Achievements and omissions. M.: INES, 2021. (In Russ.).
2. *Akhapkin N.Yu.* Demographic aspects of the formation of labor supply in the Russian labor market // Scientific works of MIM LINK. 2012. Issue 28. Pp. 163–170. (In Russ.).
3. *Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkov T.L.* Demographic history of Russia 1927–1959. M.: Informatika, 1998. (In Russ.).
4. *Bylkov V.G.* Supply on the labor market: methodology, nature of formations // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. № 4. http://brj-bguep.ru/reader/archive.aspx?id=730. (In Russ.).
5. *Kapelyushnikov R.I., Gimpelson V.Ye.* The Russian Labour Market Model: Trial by Recession // Journal of the New Economic Association. 2015. № 2(26). Pp. 249–254. (In Russ.).
6. *Kashepov A.V.* Interrelations of economics and demography: monograph. M.: MAKS Press, 2019. (In Russ.).
7. *Kashepov A.V.* Russia in 2010: shortage or surplus of labor? // The standard of living of the population of the regions of Russia. 2011. №. 8. Pp. 49–53. (In Russ.).
8. *Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B.* Labor shortage in the Russian economy: macroeconomic assessment // Problems of forecasting. 2006. No. 4. Pp. 34–52. (In Russ.).
9. *Kostakov V.G.* Employment forecast (Methodological foundations). M.: Economics, 1979. (In Russ.).
10. *Mukhina I.I., Sindyashkina E.N.* Employment and unemployment: crisis or new opportunities // Social and labor research. 2020. No. 40(3). Pp. 56–67. (In Russ.).
11. National Economy: textbook / edited by P.V. Savchenko. 4th edition. Chapter 42. M.: INFRA-M. 2016. (In Russ.).
12. *Rybakovsky O.L., Tayunova O.A.* The birth rate of the population of Russia and demographic waves // Population. 2017. No. 4. Pp. 56–66. (In Russ.).
13. Structural modernization of the Russian economy: conditions, directions, mechanisms / ed. by E.B. Lenchuk, N.Y. Akhapkin, V.I. Filatov. St. Petersburg: Aleteya, 2022. (In Russ.).
14. *Ehrenberg R.J., Smith R.S.* Modern Labor Economics. Theory and public policy. M.: Publishing House of Moscow State University, 1996. (In Russ.).
15. *Keely Michael K.* Labor Supply and public policy: A Critical review (Studies on Labor Economics). Published November 28 2014 by Academic Press (first published August 1981).
16. *Killingsworth Mark R.* Labor supply. Published April 4 2011 by Cambridge University Press.

Дата поступления рукописи: *15.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Akhapkin Nikolay Yurievich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nga.letter@gmail.com

FORMATION OF LABOR RESOURCES AND PROSPECTS FOR ECONOMIC GROWTH
The article analyzes the dynamics of the formation of labor resources in the Russian Federation during the post-Soviet period. The factors determining the potential volume of labor resources are considered. The peculiarities of the situation on the Russian labor market in the conditions of increasing sanctions pressure on Russia are shown. The dependences between changes in the number of labor force, which quantitatively reflects the supply of labor, and the pace of economic development are revealed. The possibilities and limitations of accelerating economic growth due to changes in the supply of labor are identified.
Keywords: *employed population, labor force, labor market, sanctions, economic dynamics, economic growth.*
JEL: J10, J11, J21, O11.

С.В. КОЗЛОВА
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассмотрены внешние и внутренние факторы, которые обусловливают функционирование как самой экономики, так и системы госуправления в сложившихся на сегодняшний день условиях. Проанализированы возможные направления их воздействия на трансформирующиеся под влиянием новых геополитических и экономических условий инструменты и механизмы государственного управления, которые в изменившейся институциональной среде дают положительный результат, а в предыдущие периоды практически «не работали». Рассмотрены новые инструменты и механизмы господдержки промышленности (в значительной степени в сравнении с инструментами поддержки промышленности Москвы, применяемыми в предыдущие периоды). В статье подчеркивается, что, несмотря на текущие хорошие результаты, нельзя отрицать и отменять необходимость долгосрочного характера целевых установок госуправления, чтобы не «загнать» новыми методами управления российскую экономику в ловушку решения сиюминутных задач и проблем без учета долгосрочных ориентиров.

Ключевые слова: *государственное управление, инструменты государственного управления, трансформация инструментов, господдержка промышленности.*

JEL: E65, L51, N14, O20, P21, P27.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_96_107.

Условия, в которых в настоящее время функционирует российская экономика, характеризуются множеством внутренних и внешних факторов, концентрированно и одновременно оказывающих влияние на всю российскую социально-экономическую систему, на ее устойчивость и динамику развития. Эта ситуация накладывает новые требования к системе государственного управления, в числе которых — необходимость учета возросшей сложности всего геополитического пространства и скорости происходящих процессов, особенно при моделировании возможных их результатов и рисков при принятии решений, а также при совершенствовании существующих механизмов и инструментов управления, и при разработке и создании новых.

XXI век – это не только цифровизация экономики и передовые информационно-коммуникационные технологии, открывающие новые возможности для управления развитием системы, для переформатирования вертикальных и горизонтальных связей, но и трансформация групповых и личных интересов в изменяющемся мировом экономическом пространстве. Следует отметить, что и в перестроечные 1990-е годы также возникали центробежные силы, но внешняя обстановка была более благоприятная для экономического развития нашей страны.

Характеристика факторов, влияющих на трансформацию инструментов госуправления

Во-первых, это быстрое и непрерывное изменение внешних факторов и, соответственно, геополитического пространства[1]. Системный кризис современного экономического миропорядка обусловлен и исчерпанием эффекта приращения новых рынков и сфер влияния для США и Запада в целом, который возник в результате распада СССР и мировой социалистической системы. Сегодня мир вступил в переходную эпоху, означающую и объективную смену модели глобализации [2, с. 15]. Кризис все более и более принимает отчетливо трансформационный характер [3, с. 21].

Во-вторых, быстрые изменения внутренних факторов — экономической и политико-административной среды, в результате чего происходит постоянная трансформация институционального дизайна современного государственного управления как вынужденная реакция государства на внешние и внутренние вызовы. При этом инструменты, механизмы, структуры и организации являются чрезвычайно подвижными, трансформирующимися, а решения – разновекторными. Как следствие, их воздействия могут быть непредсказуемыми (велика вероятность получение неожидаемого эффекта, как отрицательного, так и положительного). Поэтому в такие периоды государственное управление в существенной части переориентируется на ближайшую перспективу, на предотвращение возникающих негативных изменений, на компенсацию проблем наиболее уязвимых секторов экономики и слоев населения путем введения многочисленных административных инструментов регулирования и ручных механизмов управления. Это связано в том числе и с риском социальных последствий — уволь-

[1] Рассматриваем геополитическое пространство в качестве сложного, многоуровневого коммуникационного образования, формирующегося на основе взаимодействия социально-политической сферы и природно-географической среды, на что указывали ученые на протяжении долгого периода времени [1].

нений, сокращения доходов, роста социально значимых цен, а также и с риском утраты важнейших элементов технологического потенциала страны.

Трансформация факторов воздействия влечет за собой необходимость трансформации существующих инструментов государственного управления (в зависимости от заданных целей и от трансформации критериев эффективности), апробирования новых институтов (при постоянном мониторинге их эффективности), а также нейтрализации отрицательных эффектов.

В-третьих, при введении новых или модернизации существующих инструментов важно учитывать соотношение формальных правил и неформальных норм. В период турбулентности, каким сейчас и является наше время, важно вернуться к теоретическим основам правил формирования институциональной среды, чтобы не ошибиться с направлением трансформации инструментов и механизмов государственного воздействия как на экономику, так и на общество в целом. Д. Норт, развивая свою концепцию институтов, отмечал и подчеркивал важную роль не только формальных институтов, но и неформальных правил и норм: «Институциональные изменения могут стать результатом изменений в формальных правилах, неформальных нормах или же их выполнения» [4]. Он утверждал, *что экономические изменения зависят от способности общества создавать производительные, стабильные, честные, общепризнанные и в то же время гибкие институты, способные меняться в ответ на изменение политической и экономической обстановки*. Не отказываясь от своего более раннего определения институтов как формальных и неформальных правил, ограничивающих экономическое поведение, он рассматривает и более глубокие условия развития этих правил и изменения экономик[2]. Ученые, используя положения Д. Норта при исследовании современных проблем в конкретных экономических областях, приходят к выводам, которые важны и в рамках наших исследований. Например, исследование инновационной российской среды с этих позиций дает основание сделать следующие выводы: «Неформальные институты в экономической теории связывают с медленно эволюционирующими и плохо поддающимися изменению феноменами, например, с культурой, этикой, в том числе с хозяйственной, и с религией. Также с неформальными институтами связан целый класс феноменов, которые обычно относят к социальному капиталу, например, доверие и ассоциации…Дуализм стабильности и изменчивости, присущий неформальным и формальным институтам, не может быть

[2] Как написано в предисловии к книге Норта Д. «Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос.ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. Дом Гос.ун-та Высшая школа экономики.

разрешен с помощью простых и универсальных решений или моделей. Для повышения качества институциональной структуры инновационной деятельности важно иметь релевантную картину о состоянии как формальных, так и неформальных институтов» [5, с. 81].

Формальные институты государственного управления имеют многоуровневую структуру: федеральные законы, постановления правительства, ведомственные нормативные акты, региональные нормативные акты, которые в турбулентной среде постоянно меняются, причем с еще большей скоростью, чем в стабильной. При этом неформальные – не столь подвижны, более устойчивы и, следовательно, консервативны.

Теоретические основы институционального подхода дают нам основания предположить, что за тридцать с небольшим лет российских реформ повторное изменение курса реформирования (сначала к рыночным регуляторам, в последнее время- к резкому усилению административных инструментов управления) влечет за собой высокий риск «пробуксовывания» регуляторной работы инструментов госуправления, либо наоборот- при появлении новых, дополнительных, мотиваций, механизмов и правил, существующие много лет инструменты вдруг «выстреливают» возрастанием их эффективности.

Среди неформальных норм, одной из важнейших, на наш взгляд, является доверие *общества к государственным институтам, которое* имеет чрезвычайно важное значение не только для устойчивого функционирования всей национальной социально-экономической системы, но и для трансформации самих институтов. Специалисты в области государственного управления отмечают, что «поскольку регулирование предполагает определенную степень принуждения, то его эффективность в значительной степени зависит от доверия общества к государству» [6, с. 7].

Более того, в кризисные периоды поддержка государственных учреждений, как правило, возрастает. В политической социологии такой феномен, заключающийся в резком росте поддержки и одобрения действий национального лидера во время международных конфликтов или кризисов, получил название «эффект сплочения» («Rally 'round the flag effect»). Так, анализ обширного набора панельных данных, собранных до и во время пандемии COVID-19, демонстрирует отчетливые эффекты сплочения шведской общественности во время кризиса, а также усиление общественной поддержки действующих правительств и властей в 15 государствах – членах Европейского союза[3].

Для нашего исследования важно проанализировать институциональную среду и ее изменение в связи с тем, что в последнее время

[3] The Effect of COVID-19 Lockdowns on Political Support: Some Good News for Democracy? / D. Bol [et al.] // European Journal of Political Research. April 2020.

стали «выстреливать» те инструменты, которые до этого не давали положительных результатов. Мы полагаем, что анализ недавнего прошлого развития российской экономики поможет найти нам ответы на ряд актуальных вопросов сегодняшнего дня.

Очень полезным представляется анализ используемых в настоящее время инструментов государственного стимулирования промышленного производства в г. Москве.

Инструменты поддержки промышленного производства г. Москвы: анализ современности и уроки прошлого

2022 г. стал переломным для промышленности Москвы. По данным Департамента инвестиционной и промышленной политики (ДИиПП) столицы, объем промышленного производства в Москве за первые четыре месяца 2022 г. увеличился более чем на 10% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Индекс промышленного производства также растет; в лидерах — машиностроение, фармацевтическая промышленность и производство одежды. Индекс промышленного производства обрабатывающих отраслей по г. Москва[4] показал значительный рост: +25,1% (октябрь 2022 г. к октябрю 2021 г; +10,8% 10 месяцев 2022 г. к 10 месяцам 2021 г.). (Для сравнения: индекс промышленного производства обрабатывающих отраслей в РФ в целом: –2,4% (октябрь 2022 г. к октябрю 2021 г.); –0,7% (10 месяцев 2022 г. к 10 месяцам 2021 г.)).

Наибольший рост показали предприятия машиностроительной отрасли. В январе—апреле 2022 г. предприятия машиностроительной отрасли Москвы выпустили на 77,4% больше продукции, чем годом ранее. При этом положительная динамика в этом сегменте продолжается с прошлого года: в 2021 г. заводы увеличили выпуск товаров почти в четыре раза, - отмечают в столичном Департаменте инвестиционной политики. Объем отгрузки предприятий за четыре месяца 2022 г. вырос на 42% и составил почти 50 млрд руб. Такое увеличение власти объясняют развитием столичных производств, а также высоким спросом на московские товары на российском и зарубежном рынках. Существенный рост за четыре месяца этого года показали выпуск одежды (плюс 21,7%) и производство лекарств (плюс 18,8%). За пять месяцев текущего года предприятия обрабатывающей промышленности перечислили в бюджет Москвы 107,8 млрд руб., что на 35,8% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

[4] Индекс промышленного производства и объем энергопотребления в Москве и России. Аналитический центр Москвы (ac-mos.ru).

Доля обрабатывающей промышленности в налоговых и неналоговых доходах бюджета столицы в январе–мае 2022 г. составила 7%, как сообщает ДИиПП[5].

В настоящее время в Москве действуют более 20 мер поддержки промышленности – налоговые, таможенные, земельные льготы, льготные займы и др. Рассмотрим некоторые из них.

1) Одной из мер поддержки промышленных предприятий столицы являются *офсетные контракты*. Москва первой из регионов России стала заключать офсеты с производителями и на данный момент является лидером по применению этого механизма государственно-частного партнерства[6].

2) *Земля за 1 руб. в год для МаИП.* В марте 2022 г. столичные промышленные предприятия по решению правительства Москвы получили возможность арендовать землю у города без торгов по льготной ставке 1 руб. в год для масштабных инвестиционных проектов (МаИП). Данный статус могут получить инвестиционные проекты по освоению свободных городских земель, направленные на увеличение количества рабочих мест и рост инвестиций в экономику столицы. Москва подписала уже четыре таких договора. Реализация проектов создаст в городе новые промышленные производства, где будут выпускать элементы пожарной техники, контрольно-измерительное оборудование, электронные компоненты для автомобильной отрасли, кондитерские изделия. Ожидается, что эти проекты дадут городу свыше 10 млрд руб. частных инвестиций. Кроме того, приняты решения о выделении земли еще под семь производственных объектов в рамках МаИП. В результате в Москве должны появиться производственные комплексы по созданию высокотехнологичной электронной компонентной базы и микросистемной техники, по производству различных строительных материалов, а также промышленный технопарк. Общая площадь выделяемых участков составит более 70 га.

3) *Особая экономическая зона.* Развитие промышленного потенциала города идет и в рамках особой экономической зоны «Технополис «Москва»», которая предоставляет преференции для бизнеса, вклю-

---

[5] adv.rbc.ru (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[6] Офсетный контракт — долгосрочный договор поставки со встречными инвестиционными обязательствами: инвестор открывает в городе новое производство, а город гарантирует, что будет покупать его продукцию в течение нескольких лет. С 2017 г. Москва заключила пять офсетов с общим объемом инвестиций 12,9 млрд руб. Город, в свою очередь, закупит у производителей продукцию на 72,7 млрд руб. В рамках заключенных контрактов несколько инвесторов уже закончили строительство заводов и начали поставлять для нужд Москвы лекарственные препараты, продукты питания для городских молочных кухонь, медицинские изделия для стомированных больных.

чая необходимую инженерную и транспортную инфраструктуру, свободную таможенную зону и специальный налоговый режим. Ежегодно ОЭЗ расширяется. Так, в состав площадки «Алабушево» были включены дополнительные земельные участки, на территории которых за счет средств инвестора планируется построить технопарк общей площадью 106 тыс. кв. м. Кроме того, в состав площадки «Печатники» планируется включить часть территории Южного порта. Там собираются построить более 145 тыс. кв. м производственных площадей и создать около 1,8 тыс. новых высокотехнологичных рабочих мест.

Некоторые обобщения и выводы

Анализ происходящих в Москве изменений в области промышленной политики позволяет сделать некоторые обобщения.

Во-первых, на фоне общих изменений в российской экономике, каковыми являются уход зарубежных компаний с российского рынка, усиление в определенной степени закрытости российской экономики, с одной стороны, и повышение спроса на российские товары,— с другой, Москва использует преимущества богатого столичного региона.

Еще более 20 лет назад многие специалисты, в том числе сотрудники Института экономики города, отмечали, что доминирующая роль Москвы в российской экономике является не столько результатом достижений экономической политики московских властей, сколько наличием «столичной ренты». Экономическая политика Москвы уже тогда была ориентирована в основном на извлечение ренты из столичного положения города при слабом внимании к «нестоличным» секторам экономики. Москва превратилась в своего рода «рантье», извлекающего выгоды из контраста «центр–периферия», который был унаследован от советских времен и обострился в условиях рыночной среды. Значительная концентрация финансового потенциала в Москве есть в первую очередь прямое следствие столичного положения. Так, по оценкам за 1998 г.[7], около 41% московского валового регионального продукта (ВРП) создавалось исключительно за счет ренты. Это один из самых высоких показателей в стране — выше было только у Ингушетии (58%), Тюменской области (52%), Кабардино-Балкарии (48%), Чукотского АО (46%), Астраханской и Московской областей (43%). В абсолютном выражении рента Москвы обгоняла все указанные выше регионы, а ее оценка достигала 125,5 млрд руб., или 12,4 млрд долл. США. В среднем по субъектам Российской Федерации такая рента в конце 1990-х годов составляла 25% от ВРП, следовательно, московские показатели были выше среднерос-

[7] Программа экономического развития Москвы | Институт экономики города (urbaneconomics.ru).

сийских на 17 процентных пунктов, что эквивалентно 52 млрд руб., или 5,14 млрд долл. США (по курсу на тот период).

Сейчас такому богатому городу, как Москва, легче решить вопросы госзаказа, заключить офсетные договоры с целью развития промышленности в городе: большая возможность привлечения рабочих на предприятия из-за высокой зарплаты, большие административные ресурсы, хорошая логистика, льготы. И это является преимуществом в современных условиях.

Во-вторых, проведенный анализ показывает, что *среди всех государственных механизмов трансформируются в основном административные рычаги управления,* которые были апробированы в период ковидных ограничений и активно используются сейчас, но главным образом для решения краткосрочных задач. При этом н*еобходимость долгосрочных ориентиров при трансформации инструментов государственного управления отменять нельзя. Одним из основных долгосрочных ориентиров является* конкурентоспособность российской продукции, а ее снижение, вследствие гарантированного спроса со стороны властей, недопустимо. Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, может служить строгое соблюдение норм и стандартов, только в этом случае московские промышленные предприятия не только стабильно продолжат свою деятельность в условиях санкций, но также будут развивать и модернизировать свои производства. Например, в фармацевтической области есть уже определенные результаты. Одним из таких примеров является создание в Москве Центра разработки биотехнологических лекарств, который открылся на базе Московского эндокринного завода (ФГУП «Эндофарм»). В 2016-м заводу присвоили статус промкомплекса, а этот статус дает право на налоговые льготы. Дополнительные средства пошли на расширение производства и на научные разработки. Кроме того, в 2021 г. город заключил с Московским эндокринным заводом офсетный контракт. Объем инвестиций по нему составляет 1 млрд руб. По контракту инвестор должен в течение двух лет локализовать на территории города выпуск 20 препаратов: противоглаукомных, антибактериальных, анальгезирующих, а также антидепрессантов и нейролептиков. Москва, в свою очередь, гарантирует закупку лекарств на 1,1 млрд руб. за восемь лет.

Еще одним примером является модернизация Московского нефтеперерабатывающего завода (МНПЗ), которая началась в 2011 г. в рамках ее третьего этапа. В июле 2020 г. там был пущен новый высокотехнологичный комплекс «Евро +», на котором были внедрены цифровые системы управления, где решения принимаются на основе технологии искусственного интеллекта. Вместе с заводом изменился и весь район Капотня: были отремонтированы дома, построены детские сады, разбит большой и уютный парк. К 2025 г. должна быть завершена мас-

штабная модернизация завода, где будет осуществлена глубокая переработка нефти[8]. Данный проект служит наглядным примером комплексного системного подхода при управлении промышленным и социально-экономическим развитием территорий.

В-третьих, на что хотелось бы обратить внимание, – необходимость поддержания высокого уровня качества используемых инструментов государственного управления. В первую очередь, это касается управления программными инструментами: на уровне страны – государственные программы, на уровне регионов – целевые программы развития. В Москве сейчас функционирует 13 государственных программ города Москвы (целевых программ)[9], среди которых можно выделить государственную программу города Москвы «Экономическое развитие и инвестиционная привлекательность города Москвы»[10] и государственную программу города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций»[11].

Их разработка должна осуществляться комплексно, в тесной увязке с общими целями развития страны, а также друг с другом, с учетом достигнутого уровня развития технологий, наличия финансовых, материальных, человеческих ресурсов и временных факторов, и не только. В противном случае выполнение программ не решит поставленных задачи и не приблизит к заявленным целям развития промышленности в городе. На это указывает и накопленный опыт использования московских целевых программ.

Так, принятая в Москве в 2004 г. для решения задач, связанных с техническим перевооружением, модернизацией и реконструкцией производства, городская целевая программа «Разработка и внедрение на предприятиях легкой промышленности города инновационных технологий для создания импортозамещающей, конкурентоспособной продукции» на 2005-2008 гг. оказалась неэффективной. Она не дала положительных результатов, поскольку продукция российских предприятий легкой промышленности не была конкурентоспособна по сравнению, например, даже с китайскими товарами. Также случилось и с отдельными разрозненными мероприятиями по реконструкции ряда заводов – они не решили проблему в целом [7, с. 123]. И это свидетельствует о низком качестве государственного управления целевыми

---

[8] https://www.rbc.ru/economics/07/07/2022/62c6a7d99a79473d7eb9405c?ysclid=lb8w6qk1j6836051532.

[9] Городские целевые программы | ГКУ «Центр реформы в ЖКХ» (center-kgh.ru).

[10] Постановление Правительства Москвы от 11.10.2011 г. № 477-ПП Об утверждении Государственной программы города Москвы «Экономическое развитие и инвестиционная привлекательность города Москвы» в ред. от 29.03.2022 г.

[11] Постановление Правительства Москвы от 09.08.2011 г. № 349-ПП Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» в ред. от 29.03.2022 г.

программами, об отсутствии системного подхода и учета долгосрочных перспектив развития.

Ориентируясь на долгосрочную перспективу, необходимы инновации, повышение конкурентоспособности, «зеленый свет» малому и среднему бизнесу.

Проведенное исследование и обобщение московского опыта позволяет сделать следующие выводы.

1. Прежде всего «…важно обсуждение того, *как в период кризиса промышленная политика может способствовать прогрессивным структурным изменениям.* Если этого не сделать, то антикризисные меры будут больше фиксировать сложившуюся неэффективную структуру экономики» [8, с.19].

2. Одной из важнейших проблем в сложившихся на сегодняшний день условиях является повышение уровня инвестиционной активности российских предприятий. Учитывая всю сложность данной проблемы в связи с уходом целого ряда крупных иностранных компаний с российского рынка, забравших с собой передовые технологии и высококвалифицированный персонал, Россия должна обеспечить в максимально сжатые сроки «мобилизационный рывок» и перейти на новый, более высокий уровень технологического развития национальной экономики. Для этого, прежде всего, все новые механизмы и институты необходимо внедрять с учетом того опыта, который был получен 20 лет назад, после тщательного анализа допущенных ошибок и не учтенных последствий – таких, например, как решение сиюминутных задач без оценки долгосрочных перспектив развития всей социально-экономической системы или не достижение целей по экономическому росту, по технологическому уровню, по развитию всего социума, учитывая при этом и качественные их показатели.

3. При решении задачи оптимизации территориального размещения производственных объектов необходимо учитывать современные тенденции в данной области, связанные с наличием множества интересов субъектов экономических отношений. Инвесторы стремятся вкладывать не в промышленность, а в более высокорентабельные сегменты экономики. Переход на новый, более высокий уровень технологического развития отечественной промышленности потребует создания производственных зон нового типа, характеризующихся «комплексным использованием территории, технологическим и экономическим взаимодействием, кооперацией расположенных в зоне предприятий, наличием развитой системы инженерной, сервисной, инновационной (в том числе с привлечением малого бизнеса) и социальной инфраструктур». Здесь должен быть системный подход к решению поставленных задач.

4. «В настоящее время требуется не простое восстановление промышленности города до прежнего уровня и его сохранение, а ее

реформирование, формирование новой экономики в рамках инновационной модели… При решении вопроса об использовании бывших промышленных территорий необходимо учесть множество интересов. Решения по выводу промышленных предприятий и созданию на освобождаемых территориях социально значимых или высокорентабельных объектов предполагают развитие инфраструктуры промышленной деятельности и расширение инновационного сектора» [7, с. 127]. Это было написано для ситуации начала 2000-х годов, но осталось актуальным и сегодня.

5. В условиях возрастания роли государства и трансформационных процессов как в институциональной среде, так и в геополитическом пространстве, как никогда ранее возникает необходимость системного подхода при реформировании государственного управления технологическим и социально-экономическим развитием России в контексте достижения долгосрочных национальных целей. Не отменяя решения текущих проблем, на первый план выступает необходимость долгосрочного характера целевых установок госуправления, чтобы не «загнать» новыми методами управления российскую экономику в ловушку решения сиюминутных задач и проблем без учета долгосрочных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарапов А.К.* Геополитическое пространство – анализ содержания категории // Вестник ЧитГУ. 2012. № 6 (85). С. 41–47.
2. *Городецкий А.Е.* Институты государственного управления в условиях новых вызовов социально-экономического развития: Монография. М.: Институт экономики РАН, 2018.
3. *Городецкий А.Е.* Концептуально-стратегическое видение будущего и развития России //Развитие и безопасность. 2021. № 4 (12). С. 19–36.
4. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н.Эдельмана; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
5. *Вольчик В.В., Маслюкова Е.В.* (2022). Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. 2022 . № 5. С. 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4.
6. *Клименко А.В., Минченко О.С.* Государственное регулирование экономики: вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3.
7. *Козлова С.В.* Развитие земельно-имущественных отношений в городах / С.В. Козлова. М.: Наука, 2007.
8. *Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г.* Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 5—25.

REFERENCES
1. *Sharapov A.K.* Geopolitical space – analysis of the content of the category // Bulletin of CHITSU. 2012. No. 6 (85). Pp. 41–47. (In Russ.).
2. *Gorodetsky A.E.* Institutes of public administration in the conditions of new challenges of socio-economic development: Monograph. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. (In Russ.).
3. *Gorodetsky A.E*. Conceptual and strategic vision of the future and development of Russia // Development and security. 2021. No. 4 (12). Pp. 19–36. (In Russ.).
4. *North D*. Understanding the process of economic changes / translated from English by K. Martynov, N.Edelman; State University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics, 2010. (In Russ.).
5. *Volchik V.V., Maslyukova E.V*. (2022). The influence of formal and informal institutions on the innovative development of the economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. Vol. 15. 2022. No. 5. Pp. 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4. (In Russ.).
6. *Klimenko A.V., Minchenko O.S.* State regulation of the economy: issues of theory and best practice // Issues of state and municipal administration. 2016. № 3. (In Russ.).
7. *Kozlova S.V*. Development of land and property relations in cities / S.V. Kozlova. M.: Nauka, 2007. (In Russ.).
8. *Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G*. Russian industrial policy in the conditions of transformation of the world production system and severe restrictions // Economic issues. 2022. No. 6. Pp. 5–25. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *20.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Kozlova Svetlana Vyacheslavovna – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher,
Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

TRANSFORMATION OF STATE GOVERNANCE TOOLS IN MODERN CONDITIONS
The article considers external and internal factors that determine the functioning of both the economy itself and the state administration system in the current conditions. The possible directions of their impact on the instruments and mechanisms of state administration that are being transformed under the influence of new geopolitical and economic conditions are analyzed. The investigation focused on those instruments and mechanisms, which were practically ineffective before but give a positive result in the current changed institutional environment. New tools and mechanisms of state support of industry are considered (mostly vs the tools of support of Moscow industry used before). The article emphasizes that the current positive results should nor deny and cancel the need for the long-term targets of state administration. It is urgent to use new governance methods and not to "drive" the Russian economy into the trap of solving immediate tasks and problems ignoring long-term goals.
Keywords*: state administration, state administration tools, transformation of tools, state support of industry.*
JEL: E65, L51, N14, O20, P21, P27.

А.С. ЮХНО
кандидат юридических наук, член Экспертного совета
по проблемам корпоративного управления компаниями
с государственным участием Института экономики РАН,
заместитель председателя Общественного совета
при Росимуществе

ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ РЫНКА МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Представлен обзор основных направлений внедрения технологического инструментария метавселенной, подготовленный автором на базе имеющегося на сегодняшний день эмпирического материала. Актуальность тематики обусловлена происходящими изменениями в мировой экономике, широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, а также высоким интересом научного и экспертного сообщества к использованию технологий метавселенной. В своем исследовании автор использовал методы статистического и сравнительного анализа данных российских и зарубежных научных источников, а также текущей и прогнозной статистики ведущих консалтинговых, рейтинговых и аналитических агентств (Statista, Bloomberg Intelligence, McKinsey, Emergenresearch). Результатом настоящего исследования стало доказательство наличия широкого спектра возможностей, которые открываются при применении инструментария метавселенной в различных областях человеческой деятельности (профессиональной, образовательной, общественной, развлекательной и др.). В статье подчеркивается необходимость дальнейших исследований в этой области. В заключение автор отмечает, что рынок метавселенной, несмотря на начальную стадию своего развития, способен предоставить пользователям уникальные возможности, которые значительно увеличат аудиторию потенциальных потребителей ее инновационных технологий.

Ключевые слова: *метавселенная, блокчейн, виртуальная реальность, дополненная реальность, NFT, Web3.*

JEL: G30, G34, O33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_108_126.

Введение

Усиление роли информационно-коммуникационных технологий (блокчейн, искусственный интеллект, др.) (далее – ИКТ) в нашей жизнедеятельности стимулирует научное и экспертное сообщество, а также и рядовых пользователей принимать участие в создании виртуального пространства. Новая экосистема, получившая название «метавселенная», выходит за пределы функционирования традиционной сети Интернет и открывает перед человечеством новые, ранее недоступные возможности. При этом оценки экспертным сообществом потенциальной экономической ценности метавселенной разнятся, но большинство специалистов прогнозируют позитивные экономические показатели рынка метавселенной. Так, согласно официальному отчету немецкой аналитической компании Statista «Объем рынка метавселенной по всему миру 2021–2030» от 10 мая 2022 г., объем мирового рынка метавселенной составил в 2021 г. 38,85 млрд долл. США[1].

Первый крупный банк в метавселенной JPMorgan, который открыл виртуальный зал ожидания на основе блокчейна, по состоянию на 16 февраля 2022 г. оценивал рыночные возможности метавселенной в еще более масштабных показателях – до 1 трлн долл. США[2]. По мнению специалистов Bloomberg Intelligence, прогнозный рост рынка метавселенной составит в 783,3 млрд долл. США в 2024 г. при среднегодовом темпе роста 13,1%[3]. Представители McKinsey настаивают на возможности достижения экономического эффекта от внедрения метавселенных к 2030 г. в 5 трлн долл. США. Скромнее представляют перспективные возможности рынка метавселенной эксперты агентства Emergenresearch[4]: согласно их данным, ожидаемый рост будет равен 1,607 млрд долл.

---

1 Grandview research, Metaverse Market Size, Share & Trends Analysis Report By Product, By Platform, By Technology (Blockchain, Virtual Reality (VR) & Augmented Reality (AR), Mixed Reality (MR)), By Offering, By Application, By End Use, By Region, And Segment Forecasts. May 10, 2021. https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/metaverse-marketreport#:~:text=The%20global%20metaverse%20market%20size,39.4%25%20from%202022%20to%202030 (д**ата** обращения: 10.07.2022).

2 Cointelegraph, $1T opportunity: JPMorgan becomes first major bank in the metaverse. Feb. 16, 2022. https://cointelegraph.com/news/1t-opportunity-jpmorgan-becomes-first-major-bank-in-the-metaverse (дата обращения: 10.07.2022).

3 Bloomberg, Metaverse may be $800 billion market, next tech platform. Dec. 1, 2021. https://www.bloomberg.com/professional/blog/metaverse-may-be-800-billion-market-next-tech-platform (дата обращения: 10.07.2022).

4 Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2021. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 10.07.2022).

США к 2030 г., а среднегодовой рост доходов в прогнозируемом периоде – 43,3%. В среднем, даже с учетом пессимистических сценариев, рынок метавселенной с 2022 по 2028 г. должен расти в среднем на 39% [6, с. 1], а любые вспышки пандемии COVID-19, наоборот, не ослабят его, а лишь «усилят интерес» к виртуальным технологиям нового формата [6, с. 1]. Лидерами роста в этой области в ближайшие годы эксперты называют Северную Америку и Азиатско-Тихоокеанский регион[5].

Среди ключевых факторов стремительного развития этого рынка называются стирание границ между физическим миром и виртуальной реальностью, рост спроса как на базовые для метавселенных приложения, продукты и решения виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанного вида реальностей (MR)[6], так и виртуальные токены, внедрение инновационных решений для онлайн-игр, искусственного интеллекта, облачных вычислений и мобильных сетей новейшего поколения (5G и 6G). Согласно данным Forbes, глобальные расходы на использование технологий виртуальной и дополненной реальности увеличатся с 12 млрд долл. США в 2020 г. до 72,8 млрд долл. США к 2024 г.[7] К иным драйверам роста технологий метавселенной сегодня можно отнести увеличение интереса к взаимодействию между людьми с помощью цифровых платформ в ходе реализации антиковидных ограничений, полной или частичной самоизоляции и необходимости удаленного режима обучения или работы, проникновение ИКТ во все сферы жизни человека, а также нестабильность экономической обстановки в мире и поиск новых путей развития мировых экономик.

Перспективы развития рынка метавселенной (мнения экспертов)

В последнее десятилетие XXI в. тематика метавселенной становится предметом активных научных исследований в российском научном сообществе. По состоянию на 16 июля 2022 г. национальная библио-

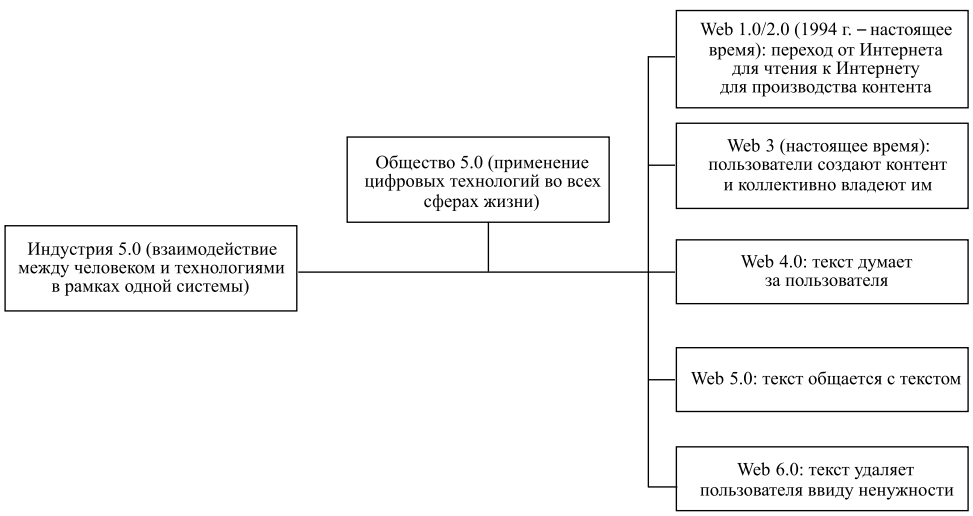
[5] Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2021. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 12.07.2022).

[6] В научной литературе также используется термин «расширенная» реальность (XR), который включает в себя виртуальную реальность (VR),дополненную реальность (AR) и смешанную реальность (MR), каждая из которых имеет свои особенности.

[7] Forbes, King Arthur And His Knights Of The Round Table: Now The Metaverse Can Connect Workers Around The World In Virtual Reality. Jan. 25, 2022. https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2022/01/25/king-arthur-and-his-knights-of-the-round-table-now-the-metaverse-can-connect-workers-around-the-world-in-virtual-reality/?sh=1cefc69e9f1c (дата обращения: 12.07.2022).

графическая база научного цитирования РИНЦ[8] включает 81 научную публикацию по поисковому запросу «метавселенная». По данным на февраль 2022 г. из 552 мобильных приложений, которые содержали в своем описании термин «метавселенная», 144 сочетали его со словом «крипто», 118 – с понятием «невзаимозаменяемые токены» (англ.: non-fungible token, далее – NFT), 55 из 73 приложений также использовали технологии дополненной и виртуальной реальности[9]. Кроме того, 107 из них были игровыми мобильными приложениями, 101 приложение – финансовым, 70 приложений – социальными, 57 – развлекательными мобильными приложениями[10].

Часть экспертов, например, Ч. Тейлор, признают, что уверенно предсказать, как именно будет выглядеть и развиваться метавселенная в течение следующих десятилетий, довольно сложно. Однако даже для пессимистов становится очевидным, что ее возможности, способные создать «более продвинутый виртуальный мир» [10, с. 383], практически «безграничны» [10, с. 387]. На рис. 1 представлены прогнозные этапы создания и внедрения метавселенной.



Источник: составлено автором по: [1, с. 9].

Рис. 1. Этапы создания и внедрения метавселенной

[8] ELibrary, Российский индекс научного цитирования. https://elibrary.ru/keyword_items.asp (дата обращения: 12.07.2022).

[9] Statista, Number of mobile apps referring to the metaverse together with selected popular keywords as of February 2022. Feb. 10, 2022. https://www.statista.com/statistics/1289576/metaverse-and-referred-keywords/ (дата обращения: 14.07.2022).

[10] Statista, Number of mobile apps with the keyword "metaverse" in their name or description as of February 2022, by category. Feb. 10, 2022. https://www.statista.com/statistics/1289589/apps-with-metaverse-in-their-name-by-category/ (дата обращения: 14.07.2022).

В. Интерранте, Т.Х. Хеллерер, А. Лекьюйер признают технологии виртуальной и дополненной реальности «динамичной дисциплиной» и «предметом многочисленных открытых исследований» и «массовых коммерческих инвестиций» [4, с. 28], а их коллеги М. Венкатесан, Х. Мохан, Д.Р. Райан [11] на примере современных биомедицинских цифровых приложений отмечают широкий спектр применения технологий расширенной реальности – «от развлечений и заканчивая образованием» [11]. Высокий интерес к технологиям расширенной реальности эксперты объясняют доступностью технологий, созданием неповторимого эффекта погружения, возможностью визуализации практически любого контента в 3D формат «без обычных ограничений на отображение в формате 2D» [11].

А.В. Иванова заостряет внимание на специфике практического внедрения технологий виртуальной и дополненной реальности и в качестве ключевых препятствий для массового распространения технологий называет «высокие затраты на внедрение и эксплуатацию решений, отсутствие высококачественного контента, технические проблемы эксплуатации и наличие ошибок, несовершенство устройств» [5].

Ф.Ю. Ван, Р. Кхин, Х. Ван, Б. Ху [12] акцентируют внимание на том, что «метаэкономика» [12, с. 4] новых вселенных функционирует параллельно с реальной экономической системой. С экспертами согласна их коллега Ю. Чандра [3]. Оценивая порядок внедрения в традиционную экономику невзаимозаменяемых токенов, она подчеркивает, что, начав с эксперимента в области виртуальных игр или искусства нового формата, NFT породил «новую форму предпринимательства в виртуальном мире с огромными возможностями и доступностью» [3].

Н. Мемарсадеги, А. Варшни [9] настаивают на том, что «визуальные, слуховые и кинестетические впечатления от погружения», которые способны предоставить виртуальная и дополненная реальности «вовлекают так, как не может никакая другая среда» [9, с. 4]. Интерес к области визуального расширения пространства эксперты признают «взрывным» [9, с. 4] и, оценивая технологии, используемые каждым видом реальности, акцентируют внимание на применении дополненной реальностью «компьютерных сигналов зрения, звука, прикосновения, обоняния и вкуса» [9, с. 4], а виртуальной реальностью – «сгенерированных компьютером сенсорных сигналов на реальный мир» [9, с. 4]. Н. Мемарсадеги и А. Варшни особенно подчеркивают, что, несмотря на то что многие средства виртуальной и дополненной реальности, наконец, стали доступны простым потребителям, «необходима значительная работа по внедрению VR и AR для сложных научных и социальных приложений» [9, с. 4].

Д. Нокс [8] акцентирует внимание на том, что экосистемы виртуальной и дополненной реальности «способны создать новые эконо-

мики и социальные отношения» [8, с. 207], которые приведут к полному осмыслению общественной жизни и изменению хозяйственного уклада мировых экономик.

Рассмотрим основные элементы и структуру рынка метавселенной более подробно.

Структура рынка метавселенной и основные элементы ее обеспечения

Для целей настоящего исследования структурно разделим элементы рынка метавселенной на две группы: аппаратное и программное обеспечение[11]. Ключевые составляющие данных групп перечислены ниже (см. рис. 2).

Аппаратное обеспечение	Программное обеспечение
• Дисплеи. • Системы слежения и проекции. • Промышленные камеры. • Оборудование расширенной реальности. • Сканирующие датчики. • Гарнитуры дополненной, виртуальной и смешанной реальности AR, VR, MR. • Мобильные устройства, поддерживающие. инновационные возможности. • Промышленные камеры.	• Программные и игровые «движки». • Инструменты для создания активов.

Источник: составлено автором по: Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2022. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 14.07.2022).

Рис. 2. Ключевые составляющие аппаратного и программного обеспечения метавселенных

[11] Существуют различные подходы к анализу элементов рынка метавселенной: в зависимости от используемой платформы выделяют сегменты настольных компьютеров и мобильных устройств; в зависимости от используемых технологий – сегменты технологий блокчейн, дополненной, виртуальной и смешанной реальности; в зависимости от предлагаемой экономической деятельности – сегменты виртуальных платформ, аватаров, цифровых услуг, др. Более подробно см.: Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2021. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 14.07.2022).

Элементы аппаратного обеспечения поддерживают физические технологии[12]. Для обеспечения доступа в метавселенную и взаимодействия между ее участниками используют специальные устройства, поддерживающие ее технологический инструментарий.

Программное обеспечение подразумевает разработку и эксплуатацию иммерсивных цифровых технологий, с помощью которых пользователи получают различные возможности, например, приобретать коллекционные предметы, реализовывать собственные аудио, видео- и текстовый виды контента и даже заниматься виртуальной экономической деятельностью (покупать или продавать виртуальную недвижимость, организовывать виртуальные концерты, т. д.). Создание элементов программного обеспечения подразумевает наличие большой экосистемы технических специалистов, программных разработчиков, создателей контента. Они генерируют новые объекты творческой мысли внутри игрового и виртуального пространств и получают большую часть доходов.

Рост выручки сегментов аппаратного и программного обеспечения объясняется прогрессом в области технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, их популярностью среди молодого поколения и снижением стоимости используемых устройств[13]. Так, например, по данным Statista, мировой рынок технологий дополненной, виртуальной и смешанной реальности в 2021 г. составил 28 млрд долл. США[14]. По прогнозам, к 2028 г. он достигнет размера от 237,8[15] до 252,16[16] млрд долл. США. Трехмерная онлайн-реальность, создаваемая с помощью гарнитур виртуальной, дополненной и смешанной

[12] В категорию аппаратного обеспечения не входит обеспечение для вычислений, а также аппаратное обеспечение для работы в сети.

[13] Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2021. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 14.07.2022).

[14] Statista, Augmented reality (AR), virtual reality (VR), and mixed reality (MR) market size worldwide in 2021 and 2028. Jul. 27, 2022. https://www.statista.com/statistics/591181/global-augmented-virtual-reality-market-size (дата обращения: 14.07.2022).

[15] EmergenResearch, Augmented Reality and Virtual Reality Market Size, Share, Trends, By Type (Hardware, Software, Services), By Device Type (Head-Mounted Displays, Head-Up Displays), By Technology, By End-use, and by Region Forecast to 2028. Jun., 2022. https://www.emergenresearch.com/industry-report/augmented-reality-and-virtual-reality-market (дата обращения: 14.07.2022).

[16] Statista, Augmented reality (AR), virtual reality (VR), and mixed reality (MR) market size worldwide in 2021 and 2028. Jul. 27, 2022. https://www.statista.com/statistics/591181/global-augmented-virtual-reality-market-size (дата обращения: 14.07.2022).

реальности, которые выступают ключевыми факторами роста показателей сегмента аппаратного обеспечения, предоставляет пользователям возможность обработки видео в высоком разрешении (до 4K) и с высокой частотой кадров (до 120 ГЦ)[17]. В 2020 г. мировые поставки таких гарнитур составили 7 млн штук – при прогнозе их увеличения до 105 млн штук к 2025 г.[18] К 2024 г. во всем мире будет примерно 1,7 млрд пользователей мобильных устройств дополненной реальности, что на 1,13 млрд больше, чем в 2020 г., когда было 0,6 млрд пользователей[19]. Кроме того, инвестиции в эти технологии по всему миру в 2024 г. оцениваются в 17,6 млрд долл. США[20]. В этой связи отдельные эксперты называют их «одним из преобразующих технологических трендов»[21] как минимум на следующие 5 лет.

Области использования технологий метавселенной

Согласно аналитическим данным Statista за март 2022 г.[22], технологии метавселенной активно внедряются в мировую экономику. Эксперты McKinsey предлагают разделить организации, инвестирующие во внедрение технологий метавселенных, на три базовые группы (см. рис. 3).

---

[17] Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2022. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 14.07.2022).

[18] Statista, Extended reality headset shipments worldwide from 2016 to 2025. Jan., 2022. https://www.statista.com/statistics/1285467/vr-ar-headset-shipments (дата обращения: 14.07.2022).

[19] Statista, Number of mobile augmented reality (AR) active user devices worldwide from 2019 to 2024. Feb., 2021. https://www.statista.com/statistics/1098630/global-mobile-augmented-reality-ar-users (дата обращения: 14.07.2022).

[20] Statista, Investment in AR/VR technology worldwide in 2024, by use case. Feb., 2021. https://www.statista.com/statistics/1098345/worldwide-ar-vr-investment-use-case (дата обращения: 14.07.2022).

[21] Emergenresearch, Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030. Apr. 1, 2022. https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market (дата обращения: 10.07.2022).

[22] Statista, Leading business sectors worldwide that have already invested in the metaverse as of March 2022. Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302091/global-business-sectors-investing-in-the-metaverse (дата обращения: 12.07.2022).

Источник: составлено автором по: McKinsey&Company, Value Creation in the Metaverse. Apr. 5, 2022. https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business%20functions/marketing%20and%20sales/our%20insights/value%20creation%20in%20the%20metaverse/Value-creation-in-the-metaverse.pdf. С. 21–22 (дата обращения: 14.07.2022).

Рис. 3. Базовые группы инвесторов технологий метавселенных (по данным McKinsey)

Как крупные ИТ-компании, так и небольшие компании, работающие в разных секторах экономики, стремятся использовать новые технологии «в качестве средств коммуникации и источников доходов»[23] и активно инвестируют во внедрение технологий метавселенной, таких как блокчейн, гарнитуры расширенной реальности, NFT, облачные технологии, часть своих активов: по данным Statista на март 2022 г., их доли по разным секторам экономики составляли:

- компьютеры и ИКТ (17%);
- образование (12%);
- финансы (11%);
- маркетинг и реклама (10%);
- медицинские услуги (9%);
- технологии и инновации (7%);
- сфера путешествий и гостеприимства (6%);
- строительство (5%);
- транспорт (5%);
- обслуживание клиентов (4%);
- производство (3%);
- еда и гостеприимство (3%);
- услуги (3%);
- креативное искусство и дизайн (2%);

[23] TechTarget, 10 examples of the metaverse for business and IT leaders. Apr. 5, 2022. https://www.techtarget.com/searchcio/feature/Examples-of-the-metaverse-for-business-and-IT-leaders (дата обращения: 12.07.2022).

• розничная торговля (2%);
• безопасность (1%)[24].

Для выявления тенденций в области развития метавселенной стоит обратиться к опросам, различным по тематике и времени их проведения, которые проводит одна из самых авторитетных в мире статистических платформ Statista. Так, результаты опроса, проведенного в марте 2022 г.[25], показали, что более четырех из 10 респондентов считают, что в метавселенной должны присутствовать «все виды бизнеса», а 17,4% делают выбор в пользу технологических компаний[26].

По данным опроса «Инвестиции в проекты метавселенной по данным компаний по всему миру»", также проведенного в марте 2022 г. среди организаций из разных государств, которые уже инвестировали собственные активы в технологии метавселенной, среди приоритетных проектов (см. рис. 4) более половины респондентов (53%) назвали[27] криптовалютные проекты, 44% – невзаимозаменяемые токены, 40% – создание комфортной удаленной рабочей среды, 30% – решение задач брендинга и позиционирования, 27% – покупку продуктов, 24% – игровую среду, 24% – создание нового продукта, 18% – приобретение недвижимости, 15% – сектор развлечений, 15% – создание собственного виртуального киберпространства.

Согласно другому опросу[28] (апрель 2022 г.), в котором компаниям предлагалось оценить бюджетные расходы, которые они готовы инвестировать либо уже инвестируют в технологии метавселенной, 33% респондентов заявили о том, что их инвестиции в метавселенную занимают примерно 10–20% бюджета на маркетинг или инновации, 26% признались, что вложения в инновационные технологии составляют менее 10% их бюджета, 17% заявили о приоритетных целях в отношении расходов на метавселенную, еще 17% высказались о 20–50% бюджетных расходов. Только 6% представителей опрошенных компаний заявили о том, что расходы на такие технологии составляют более 50%

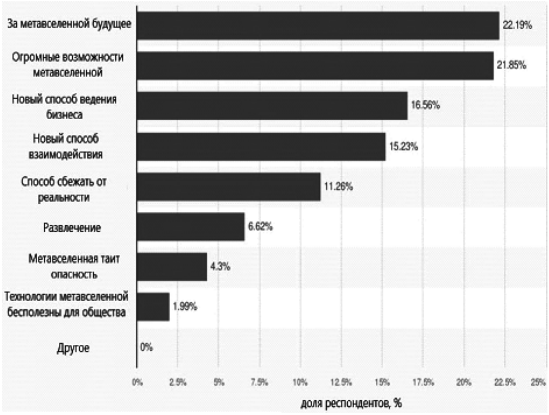
[24] Statista, Leading business sectors worldwide that have already invested in the metaverse as of March 2022 Statista. 2022. Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302091/global-business-sectors-investing-in-the-metaverse/ (дата обращения: 09.07.2022).

[25] К опросам привлекаются 200 респондентов старше 25 лет, представляющих высший менеджмент тех компаний из Бельгии, Германии, Испании, Франции, Великобритании и США, которые уже инвестировали в технологии метавселенной.

[26] Statista, Which type of companies do you think have to be present in the metaverse? Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302167/business-point-of-view-regarding-the-metaverse-worldwide/ (дата обращения: 09.07.2022).

[27] Statista, In what type of projects does your company invest in the metaverse? Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302200/metaverse-project-investment-businesses/ (дата обращения: 09.07.2022).

[28] Statista, How would you define the budget that your company invests in the metaverse? Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302215/metaverse-project-investment-budget-businesses/ (дата обращения: 14.07.2020).



Источник: составлено автором по: Statista, Business point of view regarding the metaverse according to companies worldwide that have already invested in the metaverse as of March 2022. Apr. 13, 2022. https://www.statista.com/statistics/1302156/business-point-of-view-regarding-the-metaverse-worldwide/ (дата обращения: 09.07.2022).

Рис. 4. Отношение к концепции метавселенной компаний из разных стран мира, которые уже инвестировали в метавселенную в марте 2022 г. (по данным опроса компании Statista).

бюджета, и, наконец, 1% респондентов признались в отсутствии интереса к инструментарию метавселенной. Таким образом, полученные в результате опросов результаты позволяют сделать вывод о продолжающейся интеграции технологий метавселенной в повседневную практику организаций по всему миру и на базе имеющегося опыта выявить текущие корпоративные приоритеты их развития.

Метавселенная предоставляет организациям и государствам широкий спектр инструментов и возможностей (см. табл. 1). К ним можно отнести повышение качества бизнес-операций (например, через инструменты виртуальной и дополненной реальности) и обслуживания клиентов, расширение рекламных и маркетинговых возможностей, создание виртуальных сред и локаций, формирование новых источников доходов через продажу товаров и услуг в цифровом мире и др.[29] Прогнозируется, что в перспективе метавселенная сможет охватывать большинство повседневных действий, которые можно условно разделить на пять основных категорий: игры, социализация, фитнес, коммерческая деятельность, дистанционное обучение[30].

[29] TechTarget, 10 examples of the metaverse for business and IT leaders. Apr. 5, 2022. https://www.techtarget.com/searchcio/feature/Examples-of-the-metaverse-for-business-and-IT-leaders (дата обращения: 14.07.2020).

[30] McKinsey&Company, Value Creation in the Metaverse. Apr. 5, 2022. https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business%20functions/marketing%20and%20sales/our%20insights/value%20creation%20in%20the%20metaverse/Value-creation-in-the-metaverse.pdf. С. 24 (дата обращения: 20.07.2020).

Таблица 1

Примеры деятельности организаций в метавселенной

Область деятельности	Пример
Маркетинг продукта	Coca-Cola запустила цифровые активы для поддержки нескольких маркетинговых кампаний, таких как аукцион предметов коллекционирования NFT для Международного дня дружбы[а].
Коммерция нового поколения	AnamXR создает облачные виртуальные платформы электронной коммерции для 3D опыта пользователей[б].
Повышение лояльности к бренду	Продажа NFT-коллекции Adidas в коллаборации с Bored Ape Yacht Club[в].
Образование	Калифорнийский университет использует виртуальный кампус для лекций в режиме реального времени[г].
Организация конференций и запуски продуктов	Havas Group запустила деревню в The Sandbox, одном из самых популярных виртуальных миров, действующем на базе блокчейна, для организации конференций и запусков продуктов[д].
Организация виртуальных концертных выступлений	Выступление музыкальных исполнителей Eminem и Snoop Dogg на церемонии вручения наград MTV Video Music Awards 2022 г. в виртуальном пространстве «Otherside»[е].
Финансовые услуги	Decentraland запустила на своей платформе банкомат для покупки криптовалюты в своем виртуальном мире[ж].
Создание заводов будущего	BMW проводит эксперименты по созданию цифровых двойников заводов с использованием платформы Nvidia Omniverse, позволяющей группам 3D-дизайнеров по всему миру работать вместе одновременно над несколькими программными пакетами в общем виртуальном пространстве[з].
Государственные услуги	Сеул планирует создать платформу метавселенной для оказания государственных услуг[и].

Продолжение табл. 1

Область деятельности	Пример
Виртуальный туризм	Платформа Wonderland развивается в целях предоставления пользователям возможности путешествовать в выбранные ими места[к].
Приобретение виртуальной недвижимости (посредничество/помощь в приобретении виртуальной недвижимости)	Технологическая компания Tokens.com специализируется на приобретении объектов недвижимости в метавселенной[л].
Разработка приложений для создания виртуальных аватаров	Запуск Snapchat 3D приложения битмоджи (англ. Bitmojis), которое позволяет пользователю создавать личный виртуальный аватар и использовать его на различных платформах[м].
Продажа предметов искусства	Запуск Sotheby's собственной специализированной платформы Sotheby's Metaverse, предлагающей выбор из NFT, отобранных специалистами аукционного дома[н].
Создание виртуальных пространств, включающих поля, арены и корты для игр	Nike заключила партнерское соглашение с Roblox для создания Nikeland, виртуального пространства, включающего в себя поля, арены и корты для игр, а также демонстрационные зоны, где можно «примерить на себя аватар»[о].
Создание виртуальных отделений	Крупнейший банк в США JPMorgan первым среди крупных банков открыл виртуальную гостиную в 3D-приложении на основе браузера Decentraland, функционирующем на блокчейне[п].
Выдача ипотеки на покупку недвижимости в виртуальном мире	Канадская технологическая фирма TerraZero выдала ипотеку на покупку двух земельных участков под залог NFT в виртуальном мире Decentraland[р].
Виртуальная неделя моды	С 24 по 27 марта 2022 г. в Decentraland проходила Неделя моды Метавселенной, участие в которой приняли крупные мировые бренды (Tommy Hilfiger, Dolce & Gabanna и др.)[с].

Окончание табл. 1

Область деятельности	Пример
Обмен виртуальной валюты на реальные предметы	Компания Chipotle Mexican Grill стала первым брендом, который позволил игрокам Roblox обменивать игровую валюту на реальные блюда своего меню, которые она реализует в ходе очной продажи (буррито и другие блюда)[т].

[а] – The CocaCola Company, Coca-Cola Marks First Anniversary in the Metaverse with Collectibles Drop on International Friendship Day. Jul. 27, 2022. https://www.coca-colacompany.com/news/coca-cola-marks-first-anniversary-in-the-metaverse-on-international-friendship-day (дата обращения: 02.08.2020); [б] – ANAMXR, официальный сайт ANAMXR. https://www.anamxr.com (дата обращения: 01.08.2022); [в] – Vogue Business, Adidas reveals new NFT project with Bored Ape Yacht Club. Dec. 17, 2021. https://www.voguebusiness.com/technology/adidas-reveals-new-nft-project-with-bored-ape-yacht-club (дата обращения: 01.08.2022); [г] – Virbela, UCSD Launches Its International Micro-MBA Programm. https://www.virbela.com/case-studies/ucsd (дата обращения: 01.08.2022); [д] – Havas Group, Havas Group opens its first virtual village in the metaverse. https://www.havasgroup.com/press_release/havas-group-opens-its-first-virtual-village-in-the-metaverse/ (дата обращения: 01.08.2022); [е] – Arnet New, Eminem and Snoop Dogg Perform Their New Single in a Yuga Labs Metaverse During MTV's Video Music Awards. https://news.artnet.com/market/eminem-snoop-dogg-vmas-bored-ape-nfts-2167303 (дата обращения: 02.08.2022); [ж] – Wunderman Thompson, Banking in the Metaverse. Aug. 15, 2022 https://www.wundermanthompson.com/insight/banking-in-the-metaverse?j=112774&sfmc_sub=37402851&l=65_HTML&u=6724445&mid=110005021&jb=11004 (дата обращения 20.08.2022); [з] – NVIDIA, NVIDIA, BMW Blend Reality, Virtual Worlds to Demonstrate Factory of the Future. Apr. 13, 2022. https://blogs.nvidia.com/blog/2021/04/13/nvidia-bmw-factory-future (дата обращения 20.08.2022); [и] – 9 Forkast, South Korea's capital city launches first stage of "Metaverse Seoul. Aug. 31, 2022. https://forkast.news/headlines/south-koreas-capital-city-launches-first-stage-of-metaverse-seoul/ (дата обращения 31.08.2022); [к] – ARIVA WONDERLAND, официальный сайт ARIVA WONDERLAND; https://ariva.game/ (дата обращения 31.08.2022); [л] – Businesswire, Tokens.com Expands Virtual Real Estate Portfolio With Acquisition in NFT World Metaverse. March 14, 2022. https://www.businesswire.com/news/home/20220314005101/en/Tokens.com-Expands-Virtual-Real-Estate-Portfolio-With-Acquisition-in-NFT-World-Metaverse (дата обращения 31.08.2022); [м] – Digital trends, What is Bitmoji? Everything you need to know. Sep. 22, 2021. https://www.digitaltrends.com/mobile/what-is-bitmoji (дата обращения 31.08.2022); [н] – Sotheby's, Tomokazu Matsuyama: Harmless Charm. https://metaverse.sothebys.com/matsuyama-harmless-charm (дата обращения 31.08.2022); [о] – Goldman Sachs, Framing the Future of Web 3.0. Dec. 10, 2021. https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/framing-the-future-of-web-3.0-metaverse-edition/report.pdf. С. 19 (дата обращения 02.08.2022); [п] – Cointelegraph, $1T opportunity: JPMorgan becomes first major bank in the metaverse. Feb. 16, 2022. https://cointelegraph.com/news/1t-opportunity-jpmorgan-becomes-first-major-bank-in-the-metaverse (дата обращения 02.08.2022); [р] – Connectedremag, Tech Firm Closes First Metaverse Mortgage For Acquisition In Decentraland. https://terrazero.com/tech-firm-closes-first-metaverse-mortgage-for-acquisition-in-decentraland (дата обращения 02.08.2022); [с] – Decentraland, Metaverse Fashion Week. https://mvfw.org/. (дата обращения 02.08.2022); [т] – Newsroom, Fans Can Roll Burritos at Chipotle in the Metaverse to earn Burritos in Real Life. Apr. 5, 2022. https://newsroom.chipotle.com/2022-04-05-FANS-CAN-ROLL-BURRITOS-AT-CHIPOTLE-IN-THE-METAVERSE-TO-EARN-BURRITOS-IN-REAL-LIFE (дата обращения 10.08.2022).

Источник: составлено автором с использованием данных: McKinsey&Company, Value Creation in the Metaverse. Apr. 5, 2022. https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business%20functions/marketing%20and%20sales/our%20insights/value%20creation%20in%20the%20metaverse/Value-creation-in-the-metaverse.pdf. С. 39 (дата обращения 15.07.2022).

Важно отметить, что интерес к метавселенной проявляется на государственном уровне и подкрепляется развитием концепции Web3[31], которая сочетает в себе децентрализованный мир Web 1.0, управляемый сообществом, и передовые функции Web 2.0[32]. По данным Statista, виртуальные миры на базе Web3 набирают популярность среди пользователей по всему миру, однако в настоящий момент значительно уступают по этому показателю другим виртуальным мирам (см. табл. 2).

Таблица 2

Общее количество пользователей различных видов виртуальных платформ по всему миру по состоянию на октябрь 2021 г.

Направление виртуальной платформы	Количество пользователей, человек
Киберспорт	250 000 000
Децентрализованные финансы	3 450 000
Блокчейн-игры	2 364 576
Виртуальные миры Web 3.0	50 000

Источник: Statista, Total users of selected virtual platforms worldwide as of October 2021. Nov. 2021. https://www.statista.com/statistics/1280597/global-total-users-virtual-platforms (дата обращения: 10.07.2022).

Летом 2022 г. Объединенные Арабские Эмираты объявили о запуске стратегии «Метавселенная Дубая», в которой поддерживается разработка технологий Web3 и их приложений для «внедрения новых моделей работы правительства, развития ключевых секторов экономики и создания более 40 тыс. виртуальных рабочих мест в этой области к 2030 г.»[33] Следует обратить внимание на то, что, согласно официальным заявлениям, в Дубае уже работает более 1 тыс. компаний в нише метавселенной и блокчейна, которые генерируют 500 млн долл. США для национальной экономики[34]. Кроме того, в мае 2022 г.

[31] Web3 представляет собой Интернет, который принадлежит взаимодействующим друг с другом без посредников с помощью цифровых токенов разработчикам и пользователям. Более подробно см.: Wired, The Father of Web3 Wants You to Trust Less. Nov. 29, 2021. https://www.wired.com/story/web3-gavin-wood-interview (дата обращения: 09.07.2022).

[32] См., например: Cathy Hackl Dirk Lueth John Arkontaky Tommaso Di Bartolo Yat Siu. Navigating the Metaverse: A Guide to Limitless Possibilities in a Web 3.0 World. Wiley, 1st Edition. 2022.

[33] WAM, Hamdan bin Mohammed launches Dubai Metaverse Strategy. WAM. Jun. 18, 2022. http://wam.ae/en/details/1395303067141 (дата обращения: 09.07.2022).

[34] Bloomberg, Dubai's Metaverse Plan Targets 40,000 Virtual Jobs in Five Years. Jul. 19, 2022. https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-19/dubai-s-metaverse-plan-targets-40-000-virtual-jobs-in-five-years (дата обращения: 28.07.2022).

Управление по регулированию виртуальных активов Дубая (Virtual Assets Regulatory Authority, VARA) объявило о создании первой государственной штаб-квартиры в метавселенной Sandbox[35].

Интересен практический опыт реализации технологий метавселенной в Японии. Премьер-министр Японии в выступлении перед парламентом отметил важную роль Web3 «в стимулировании экономического роста в государстве»[36]. Более того, целевая группа по вопросам развития и внедрения NFT попросила правительство Японии рассмотреть вопрос о введении специальной должности министра, в обязанности которого входило бы наблюдение за вопросами, касающимися Web3[37].

Поддержка развития технологий метавселенной и инфраструктуры Web3 находит отражение в проекте пятилетнего плана развития цифровой экономики крупнейшего китайского города Шанхая[38].

Разработка сквозной системы беспроводной связи 5G, развитие Интернета вещей, блокчейна, облачных вычислений и других новейших информационно-коммуникационных технологий, по нашему мнению, также активно способствуют реализации данной концепции на практике [2, с. 127–129]. С. Калязина и др. подчеркивают ключевую роль государства, которое является «заинтересованной стороной в программе развития цифровой экономики» [7], в распространении инновационных механизмов. Эксперты делают акцент на том, что ожидаемое формирование экосистемы цифровой экономики повысит эффективность исполнения государственных функций, степень вовлеченности граждан в жизнь общества и конкурентоспособность государства в целом.

Таким образом, перечень задач, которые организации и государства смогут решать в метавселенной, достаточно обширен, а более широкое внедрение ИКТ в нашу жизнедеятельность коренным образом изменяет не только общество, но и способ взаимодействия людей друг с другом, создавая новые возможности и риски.

---

[35] WAM, Dubai's Virtual Asset s Regulatory Authority becomes world's first regulator to make its debut in Metaverse. May 3, 2022. https://www.wam.ae/en/details/1395303044162 (дата обращения: 28.07.2022).

[36] Cryptonews, PM Says Web3 Is an Opportunity for Japanese 'Economic Growth'. May 27, 2022. https://cryptonews.com/news/pm-says-web-3-is-an-opportunity-for-japanese-economic-growth.htm (дата обращения: 20.07.2022).

[37] Bitcoin.com, NFT Taskforce Asks Japanese Government to Consider Appointing Web3 Minister. Apr. 6, 2022. https://news.bitcoin.com/nft-taskforce-asks-japanese-government-to-consider-appointing-web3-minister (дата обращения: 20.07.2022).

[38] Cointelegraph, Shanghai included blockchain, NFTs and Web3 in its 5-year plan. Jul. 13, 2022. https://cointelegraph.com/news/shanghai-included-blockchain-nfts-and-web3-in-its-5-year-plan (дата обращения: 28.07.2022).

Заключение

В настоящий момент концепция метавселенной находится на начальной стадии реализации и в условиях новой реальности продолжит испытывать влияние различных факторов. Однако наличие неоспоримых преимуществ технологий метавселенной стимулирует значительное увеличение аудитории потребителей ИКТ, изменяющих мир. Сегодня это не только представители научного и экспертного сообщества (ученые, инженеры, финансовые и экономические эксперты), но и сотрудники здравоохранения, преподаватели дистанционной и очной форм образования, художники и рядовые пользователи. В этом контексте становится очевидным, что концепция метавселенной выходит за рамки использования ИКТ и нацелена на создание экосистемы, предоставляющей целый спектр возможностей для всех ее пользователей, масштаб которых еще предстоит проанализировать и осознать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшковская А.А.* Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика, профессия, бизнес. 2022. № 1. С. 5–12. https://doi.org/10.14258/epb202201.
2. *Юхно А.С.* Корпоративное управление информационно-коммуникационными технологиями в цифровую эпоху // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 6. С. 127–145. DOI 10.52180/2073-6487_2021_6_127_145.
3. *Chandra Y.* Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. 2022. Vol. 18. https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00323.
4. *Interrante V., Hollerer T. H., Lecuyer A.* Virtual and Augmented Reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38 (2). Pp. 28–30. DOI:10.1109/MCG.2018.021951630.
5. *Ivanova A.V.* VR, AR Technologies: opportunities and application obstacles // Strategic decisions and risk management. 2018. No. 3. https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348.
6. *Jane Y.* Global Metaverse Market Size, Share, Growth, Analysis and Forecast 2022-2028 // SNS Insider. 2022. https://www.researchgate.net/publication/360702829_Global_Metaverse_Market_Size_Share_Growth_Analysis_and_Forecast_2022-2028.
7. *Kalyazina S., Ilyashenko V., Kozhuhov Y.* Key end-to-end digital technologies in the ecosystem of the digital economy of the state // IOP Conference Series Materials Science and Engineering. 2020. No. 1001 (1). Pp. 12–14. DOI: 10.1088 / 1757-899X/1001/1/012140.
8. *Knox J.* The Metaverse, or the Serious Business of Tech Frontiers // Postdigital Science and Education. 2022. P. 207–215. https://link.springer.com/article/10.1007/s42438-022-00300-9.

9. *Memarsadeghi N., Varshney A.* Virtual and Augmented Reality Applications in Science and Engineering // IEEE Transactions on Computational Social Systems 2020. Vol. 22 (3). Pp. 4–6. https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0. DOI: 10.1109/MCSE.2020.2987151.
10. *Taylor C.R.* Research on advertising in the metaverse: a call to action // International Journal of Advertising. 2022. Vol. 41 (3). Pp. 383–384. https://doi.org/10.1080/02650487.2022.2058786.
11. *Venkatesan M., Mohan H., Ryan J.R.* Virtual and augmented reality for biomedical applications // Cell Reports Medicine. 2021. Vol. 2 (7). https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348.
12. *Wang F.-Y., Qin R., Wang X., Hu B*. MetaSocieties in Metaverse: Meta Economics and Meta Management for Met Enterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2022. Vol. 9. N 1. P. 2–7. https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0. DOI: 10.1109/MCSE.2020.2987151. doi: 10.1109/TCSS.2022.3145165.

REFERENCES

1. *Alabina T.A., Dzangieva H.S., Yushkovskaya A.A.* The Metaverse as a global economic trend // Economy, profession, business [Ekonomika, professiya, biznes]. 2022. No. 1. Pp. 5–12. https://doi.org/10.14258/epb202201. (In Russ.).
2. *Yukhno A.S.* Corporate management of information and communication technologies in the digital age // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk]. 2021. No. 6. Pp. 12–7145. DOI 10.52180/2073-6487_2021_6_127_145. (In Russ.).
3. *Chandra Y.* Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. 2022. Vol. 18. https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00323.
4. *Interrante V., Hollerer T. H., Lecuyer A*. Virtual and Augmented Reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38 (2). Pp. 28–30. DOI:10.1109/MCG.2018.021951630.
5. *Ivanova A.V.* VR, AR Technologies: opportunities and application obstacles // Strategic decisions and risk management. 2018. No. 3. https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348.
6. *Jane Y*. Global Metaverse Market Size, Share, Growth, Analysis and Forecast 2022-2028 // SNS Insider. 2022. https://www.researchgate.net/publication/360702829_Global_Metaverse_Market_Size_Share_Growth_Analysis_and_Forecast_2022-2028.
7. *Kalyazina S., Ilyashenko V., Kozhuhov Y.* Key end-to-end digital technologies in the ecosystem of the digital economy of the state // IOP Conference Series Materials Science and Engineering. 2020. No. 1001 (1). Pp. 12–14. DOI: 10.1088 / 1757-899X/1001/1/012140.
8. *Knox J.* The Metaverse, or the Serious Business of Tech Frontiers // Postdigital Science and Education. 2022. Pp. 207–215. https://link.springer.com/article/10.1007/s42438-022-00300-9.
9. *Memarsadeghi N., Varshney A.* Virtual and Augmented Reality Applications in Science and Engineering // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2020. Vol. 22 (3). Pp. 4–6. https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0. DOI: 10.1109/MCSE.2020.2987151.

10. *Taylor C.R.* Research on advertising in the metaverse: a call to action // International Journal of Advertising. 2022. Vol. 41 (3). Pp. 383–384. https://doi.org/10.1080/02650487.2022.2058786.
11. *Venkatesan M., Mohan H., Ryan J.R.* Virtual and augmented reality for biomedical applications // Cell Reports Medicine. 2021. Vol. 2 (7). https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348.
12. *Wang F.-Y., Qin R., Wang X., Hu B.* MetaSocieties in Metaverse: Meta Economics and Meta Management for Met Enterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 2–7. https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0. DOI: 10.1109/MCSE.2020.2987151. doi: 10.1109/TCSS.2022.3145165.

Дата поступления рукописи: *27.09.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Yukhno Alexander Sergeevich – Cand. Sci. (Law), Member of the Expert Council on Corporate Governance of state-owned companies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Public Council under the Federal Agency for State Property Management, Moscow, Russia
as.yukhno@mail.ru

OVERVIEW OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE METAVERSE MARKET
The review of the main directions of the implementation of the technological tools of the metaverse, prepared by the author on the basis of the available empirical material, is presented. The relevance of the topic is due to the ongoing changes in the global economy, the widespread introduction of information and communication technologies, as well as the high interest of the scientific and expert community in the use of metaverse technologies. Methods of statistical and comparative analysis of data from Russian and foreign scientific sources, as well as current and forecast statistics from leading consulting, rating and analytical agencies (Statista, Bloomberg Intelligence, McKinsey, Emergenresearch) are used. The result of this study is the proof of the existence of a wide range of opportunities when using the tools of the metaverse in various areas of human activity (professional, educational, social, entertainment, etc.). The article emphasizes the need for further research in this area. In conclusion, the author notes that the metaverse market, despite the initial stage of its development, is able to provide users with unique opportunities that will significantly increase the audience of potential consumers of these innovative technologies.

Keywords*: metaverse, blockchain, virtual reality, augmented reality, NFT, Web3.*
JEL: G30, G34, O33.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.Г. ПЫЛИН
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,
доцент Финансового университета при Правительстве РФ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

В работе проводится анализ происходящих под влиянием антироссийских санкций изменений в системе торговых, финансовых и миграционных связей в рамках ЕАЭС. Оцениваются последствия санкций для национальных экономик стран-членов и для процессов евразийской интеграции. Установлено, что в наибольшей степени от активизации торгово-экономических связей с Россией выиграли экономики Армении и Кыргызстана. Автором выдвигается гипотеза о том, что усиление торгово-посреднических функций стран региона для обеспечения внешнеэкономических связей России на фоне релокации бизнеса и эмиграции рабочей силы из РФ в страны ЕАЭС приводит к офшоризации интеграции. В работе показано, что в текущих условиях антироссийские санкции активизировали процессы формальной евразийской интеграции. С учетом сохраняющихся рисков сотрудничества сформулированы основные рекомендации по усилению взаимодействия стран региона в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *Россия, ЕАЭС, офшорная интеграция, внешние шоки, санкции, торговля, личные переводы, релокация.*

JEL: F15, O57, P27.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_127_141.

Введение

Масштабные антироссийские санкции привели к значительной трансформации постсоветской евразийской интеграции. С одной стороны, внешние санкции подталкивают страны – члены ЕАЭС к углублению торгово-экономического сотрудничества с Россией за счет активизации промышленной кооперации, развития совместных программ импортозамещения, предоставления посреднических услуг в торговле с третьими странами. В усилении такого взаимодействия заинтересованы прежде всего Беларусь, Армения и Кыргызстан –

страны, в наибольшей степени зависящие от связей с РФ. С другой стороны, наращивание торгово-экономических отношений с Россией несет риски вторичных санкций, что может сдерживать процессы региональной интеграции и даже способствовать переориентации связей на другие, не подпавшие под санкции страны. В этой связи Казахстан, в силу большей зависимости от европейских рынков и западных инвестиций, вынужден проводить более осторожную внешнюю политику, формально соблюдая действующие против РФ жесткие ограничения.

В целом текущая ситуация свидетельствует о том, что в кризисных условиях на формальном межгосударственном уровне довольно быстро принимаются решения по углублению постсоветских интеграционных процессов. Россия и ее партнеры быстро находят необходимые решения, на которые в иных условиях, как показывает опыт, потребовалось бы значительно большее время. В то же время антироссийские санкции действуют и в направлении сдерживания развития евразийской интеграции, прежде всего из-за ослабления центрального участника данного объединения – России. Снижение темпов роста российской экономики на фоне введенных жестких ограничений на внешних рынках, уход части западных корпораций и вместе с ними технологий и управленческих практик из РФ, повышение издержек для российского бизнеса – эти факторы будут сдерживать модернизационное влияние России и привлекательность ее экономической модели для внешних участников.

Для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) текущий кризис стал уже третьим внешним шоком с момента его создания. Первый был связан с украинским кризисом 2014–2015 гг., который во многом привел к заметному снижению и падению темпов роста российской экономики, сокращению внутрирегиональных торгово-экономических связей. Вторым внешним шоком стала пандемия COVID-19, которая сопровождалась в 2020 г. падением темпов роста ВВП во всех странах-участницах и снижением их взаимных торговых связей. Нынешний, третий кризис, связанный со специальной военной операцией России в Украине и последующими антироссийскими санкциями, отличается по своим последствиям от двух предыдущих тем, что он, наоборот, сопровождался значительным ростом стоимостных объемов взаимных торговых связей и увеличением денежных переводов из РФ трудовыми мигрантами.

Экономические последствия антироссийских санкций для стран ЕАЭС передаются как по *глобальным* (прежде всего через изменение конъюнктуры на мировых топливно-сырьевых рынках), так и по *региональным* (посредством тесных двусторонних связей с Россией и отчасти с Украиной) каналам воздействия. Влияние глобальных каналов воздействия санкций носило неоднозначный характер. С одной стороны,

резкий рост мировых цен на топливно-сырьевые товары поддержал экспорт в странах – чистых экспортерах углеводородов (Казахстан, Россия), а с другой – усилил инфляционное давление и ухудшил счет текущих операций в странах – чистых импортерах нефти и газа (Армения, Беларусь, Кыргызстан). Региональные каналы оказывали положительное воздействие и стимулировали рост экономики стран-членов за счет увеличения торговых и миграционных связей с Россией.

Активизация формальной евразийской интеграции

На формальном межгосударственном уровне в 2022 г. был принят ряд решений, направленных на адаптацию экономик стран-участниц к введенным против России и Беларуси санкциям, а также на активизацию интеграционного взаимодействия по нескольким направлениям. В частности, было принято решение о временном обнулении ставок ввозных таможенных пошлин на отдельные товары критически важного импорта (фармацевтической и химической продукции, изделий из целлюлозы, лекарственных средств, медицинского оборудования, сельхозтехники и др., всего более 1300 товарных групп)[1], что позволило оказать поддержку как потребителям готовой продукции, так и импортозависимым производителям.

В августе 2022 г. была достигнута договоренность об учреждении Евразийской перестраховочной компании (ЕПК) – международной финансовой организации, направленной на стимулирование взаимной и внешней торговли, а также на реализацию совместных кооперационных проектов за счет дополнительного механизма страхования[2]. По оценкам Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), появление ЕПК может привести к увеличению объема взаимной торговли ЕАЭС на сумму свыше 6 млрд долл.[3]

Активизировалась совместная работа по развитию импортозамещения в рамках объединения. В октябре 2022 г. были выработаны согласованные в рамках ЕАЭС подходы по источникам и механизму льготного финансирования промышленной кооперации за счет дополни-

---

[1] См. решения Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 37, от 5 апреля 2022 г. № 46, от 15 апреля 2022 г. № 76, от 21 июня 2022 № 100, 101, а также решения Коллегии ЕЭК от 12 апреля 2022 г. № 63 и от 19 апреля 2022 г. № 66.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.08.2022 г. № 2403-р «О подписании Соглашения об учреждении Евразийской перестраховочной компании».

[3] Завершена работа над Соглашением об учреждении Евразийской перестраховочной компании // ЕЭК. 26.08.2022 г. https://eec.eaeunion.org/news/zavershena-rabota-nad-soglasheniem-ob-uchrezhdenii-evraziyskoy-perestrakhovochnoy-kompanii (дата обращения: 18.11.2022).

тельно сформированных бюджетных средств Союза. Речь идет о субсидировании процентных ставок по кредитам за счет 10%-ных отчислений от антидемпинговых и иных защитных пошлин в ЕАЭС[4]. По данным ЕЭК, в 2021–2022 гг. в ЕАЭС было реализовано 25 совместных проектов в автомобильной, станкоинструментальной, электротехнической, химической, медицинской и целлюлозно-бумажной промышленности на общую сумму свыше 20 млрд долл. В целом Карта индустриализации ЕАЭС включает 158 проектов в 25 отраслях на общую сумму более 270 млрд долл.[5]

Стремление увеличить взаимную торговлю и кооперацию требует соответствующего уровня развития транспортной связанности стран Союза и обеспечения их выхода на внешние рынки. В ближайшие годы ключевым интеграционным мегапроектом может стать развитие Евразийского транспортного каркаса, образующего сеть международных транспортных коридоров на всем евразийском пространстве по направлениям Восток–Запад и Север–Юг. В этой связи странами – участницами ЕАЭС был одобрен перечень из семи приоритетных инфраструктурных транспортных проектов, который предполагает развитие евразийских транспортных коридоров и маршрутов, транзитного потенциала и транспортной инфраструктуры стран региона.

В условиях санкций США и Евросоюза значительно возрастает важность более широкого использования национальных валют государств – членов ЕАЭС во взаимной торговле. За период 2015–2021 гг. доля платежей в национальных валютах во взаимных расчетах за экспорт и импорт товаров и услуг возросла с 69,7 до 73,2%, в том числе доля российского рубля – с 68,0 до 71,5% (см. табл. 1). Ранее отмечалось, что основные барьеры, препятствующие более широкому использованию национальных валют, носят экономический характер; однако существуют также политические и нормативно-регуляторные ограничения. При этом директивный подход, направленный на увеличение доли расчетов в национальных валютах, контрпродуктивен, а позитивный результат может быть достигнут лишь путем сокращения трансакционных издержек при их использовании за счет укрепления экономик стран ЕАЭС и углубления интеграции [1].

---

[4] Итоги заседания Евразийского межправительственного совета 20–21 октября 2022 г. // ЕЭК. 21.10.2022 г. https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-evraziyskogo-mezhpravitelstvennogo-soveta-20-21-oktyabrya-2022-g/?ysclid=larbblrvu683682926 (дата обращения: 20.11.2022).

[5] В 2021–2022 годах в ЕАЭС реализовано 25 проектов в автопроме, станкостроении, электротехнике и ряде других отраслей // ЕЭК, 21.10.2022 г. https://eec.eaeunion.org/news/v-2021-2022-godakh-v-eaes-realizovano-25-proektov-v-avtoprome-stankostroenii-elektrotekhnike-i-ryade (дата обращения: 20.11.2022).

Таблица 1

Валютная структура платежей за экспорт и импорт товаров и услуг между государствами – членами ЕАЭС, 2013–2021 гг., %

Взаимные платежи государств – членов ЕАЭС	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
в армянских драмах	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
в белорусских рублях	0,4	0,3	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3
в тенге	0,4	0,5	1,1	0,7	0,9	0,7	1,0
в сомах	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
в российских рублях	61,8	67,4	68,0	74,1	74,9	72,7	72,4
в долларах США	30,3	26,3	25,0	19,3	18,3	19,2	19,4
в евро	6,8	5,2	5,1	5,2	5,2	6,8	6,6
в других валютах	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1

Источник: Евразийская экономическая комиссия. Экспресс-информация 23 мая 2022 г. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/ei_payments/express_payments_2021.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

Выделяются три приоритетных направления взаимодействия в валютно-финансовой сфере: 1) развитие в рамках ЕАЭС независимых платежных инфраструктур (национальные системы платежных карт, корреспондентские счета банков в национальных валютах, обмен финансовой информацией без использования SWIFT через подключение к Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России); 2) развитие организованной торговли в национальных валютах (торги валютными парами национальных валют, запуск организованной торговли товарно-сырьевыми активами в национальных валютах); 3) активизация взаимодействия с бизнес-сообществом по вопросам расширения использования национальных валют[6].

Усиление взаимной торговли стран ЕАЭС

На фоне введенных многочисленных торговых и логистических ограничений со стороны недружественных государств против РФ [2], активно развивалась торговля России со странами ЕАЭС, прежде всего с малыми экономиками – с Арменией и Кыргызстаном (см. табл. 2)

[6] Распоряжение №20 Евразийского межправительственного совета «О дальнейшей работе по расширению использования национальных валют государств – членов Евразийского экономического союза при осуществлении расчетов в рамках взаимной торговли» от 26 августа 2022 г.

для которых открылись новые возможности в части замещения выпадающих с российского рынка европейских товаров и выполнения торгово-посреднических функций. Более высокие темпы прироста экспорта в Россию по сравнению со встречным импортом отмечались во всех странах региона, что во многом было обусловлено укреплением курса российского рубля к доллару и к другим национальным валютам стран ЕАЭС.

За первые восемь месяцев 2022 г. армянский экспорт в РФ удвоился и впервые превысил 1 млрд долл., а доля России в экспорте страны выросла с 27,3% (в январе–августе 2021 г.) до 36,3%. При этом наиболее высокие темпы роста пришлись на такие значимые товарные группы, как бумага и изделия из нее (3,7 раз), машины, оборудование и механизмы (7,3 раз), средства наземного, воздушного и водного транспорта (6,4 раз), приборы и аппараты (2,3 раз)[7]. Столь значительный рост армянского экспорта в РФ и его структура косвенно свидетельствуют об использовании разрешенного в России механизма параллельного импорта. В январе – августе 2022 г. экспорт Кыргызстана в ЕАЭС вырос на 53,8% и достиг 765 млн долл., а встречный импорт из стран Союза увеличился на 27,6% и составил 2,1 млрд долл. Значительный рост внутрирегионального экспорта привел к увеличению доли ЕАЭС в общем экспорте Кыргызстана с 26,0% до 62,7% (расчеты по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики).

В первом полугодии 2022 г. стоимостной экспорт Беларуси в Россию вырос на 23,1%, а встречный импорт – на 4,4%. При этом увеличение торговли с Россией во многом было обусловлено более высокими ценами, а не физическими объемами[8], что лишь частично компенсировало Беларуси потери европейского и украинского рынков в условиях санкций. Проанализировать товарную структуру белорусско-российской торговли не представляется возможным ввиду приостановки публикации соответствующих данных с обеих сторон.

Как видно из табл. 2, за январь–август 2022 г. экспорт Казахстана в Россию вырос на 8,6% и составил почти 5 млрд долл. (8,8% от общего экспорта), тогда как встречный импорт из РФ увеличился лишь на 2,6% и составил почти 11 млрд долл. (36,7% от общего импорта). При этом по отдельным товарным позициям прирост взаимной торговли был весьма существенным. По данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, экспорт смартфонов (код 8517130000) в Россию

[7] Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-августе 2022 г. // Статистический комитет РА, 2022. С. 107–108.

[8] Europe and Central Asia Economic Update. Office of the Chief Economist. Fall 2022. Social Protection for Recovery. Washington, DC. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. October 2022. P. 123.

Таблица 2

Внешняя торговля товарами стран ЕАЭС, млн долл.

Страны	Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Январь–август 2021 г.*	Январь–август 2022 г.**	Январь–август 2022 г. к январю–августу 2021 г., %
Армения	экспорт общий	2 648,6	2 537,0	3 022,4	1 912,0	2 923,3	52,9
	импорт общий	5 537,6	4 583,3	5 356,8	3 097,0	4 900,0	58,2
	экспорт в Россию	742,7	680,4	847,3	521,9	1 062,2	103,5
	импорт из России	1 490,0	1 495,2	1 782,4	1 017,1	1 579,9	55,3
Беларусь	экспорт общий	32 955,1	29 179,4	39 987,0	17 788,5	17 136,7	–3,7
	импорт общий	39 476,7	32 767,4	41 784,8	18 871,4	17 187,2	–8,9
	экспорт в Россию	13 685,8	13 156,8	16 370,3	7 390,5	9 097,7	23,1
	импорт из России	22 016,4	16 510,5	23 659,5	10 429,9	10 888,8	4,4
Казахстан	экспорт общий	58 065,6	47 540,8	60 321,0	37 403,6	56 344,5	50,6
	импорт общий	39 709,3	38 929,1	41 415,4	25 921,8	29 952,8	15,6
	экспорт в Россию	5 670,9	5 007,1	7 018,7	4 588,1	4 984,6	8,6
	импорт из России	14 312,1	13 768,2	17 605,5	10 714,3	10 997,8	2,6
Кыргызстан	экспорт общий	1 986,1	1 973,2	2 752,2	1 910,0	1 219,8	–36,1
	импорт общий	4 989,0	3 718,9	5 580,2	3 401,2	6 025,7	77,2
	экспорт в Россию***	641,7	554,5	791,5	497,0	764,6	53,8
	импорт из России***	2 100,8	1 885,3	2 634,9	1 625,4	2 074,2	27,6

* – январь–июнь 2021 г. для Беларуси; ** – январь–июнь 2022 г. для Беларуси; *** – страны ЕАЭС.

Источник: составлено и рассчитано автором по: данные официальных сайтов национальных статистических служб Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана.

за этот период составил свыше 294 тыс. штук на сумму более 116 млн долл. (данные по этому коду за аналогичный период прошлого года отсутствуют). Республика также стала поставлять в РФ такую высокотехнологичную продукцию, как процессоры, контроллеры, карты памяти и смарт-карты[9].

В то же время, несмотря на некоторые сбои в работе новороссийского терминала Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), общий казахстанский экспорт вырос на 50,6% и достиг 56,3 млрд долл., что во многом стало результатом роста мировых цен на нефть. Временные перебои с работой КТК вызывали определенную напряженность в российско-казахстанских отношениях.

По оценкам ЕБРР, в странах Центральной Азии наблюдается значительный рост реэкспорта компьютеров, бытовой электроники и бытовой техники, автозапчастей, электрических и электронных компонентов в Россию. В частности, реэкспорт китайских товаров в Россию стал основным видом деятельности, часто осуществляемой небольшими кыргызскими компаниями и физическими лицами[10]. Таким образом, ввоз из стран региона некоторых импортных комплектующих для обрабатывающей промышленности отчасти помогает российским компаниям. В то же время перестраивание транспортно-логистических цепочек в направлении дружественных стран ЕАЭС и СНГ влечет за собой повышение издержек для российских импортеров. Так, страны-партнеры устанавливают наценки на продукцию, которые в среднем составляют 5%, а в отдельных случаях могут достигать 15–20%[11].

Транспортная блокада российских компаний со стороны Евросоюза в виде закрытия портов и дорог запустила процесс перестройки логистических схем поставок продукции, в том числе за счет роста спроса на транспортные услуги в странах ЕАЭС. Российский бизнес начал адаптироваться: часть перевозчиков перерегистрировала свои транспортные средства в Казахстане, а большинство компаний перестроили логистику через соседние страны, в том числе Казахстан и Армению.

---

[9] Егорова Е. Токаев на встрече с Путиным послал казахам скрытый сигнал // МК. 19.08.2022. https://www.mk.ru/politics/2022/08/19/tokaev-na-vstreche-s-putinym-poslal-kazakham-skrytyy-signal.html (дата обращения: 05.11.2022).

[10] Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. A cold winter ahead? Confronting the energy crunch. London. European Bank for Reconstruction and Development. September 2022. Pp. 18–19.

[11] *Ткачёв И., Виноградова Е.* Страны бывшего СССР нарастили поставки в Россию на фоне санкций // РБК. 14 сентября 2022 г. https://www.rbc.ru/economics/14/09/2022/632060399a79477752abc4f5 (дата обращения: 05.11.2022).

Новое качество миграционных процессов

Значительные изменения произошли в миграционных потоках и в связанных с ними личных денежных переводах трудовых мигрантов. Аномально высокие объемы переводов из России в некоторые страны ЕАЭС во II–III кварталах 2022 г. стали результатом целого ряда факторов и заметно различались по странам региона. Наибольший прирост денежных переводов отмечался в Армении и Казахстане. За январь–август 2022 г. трансграничные переводы физических лиц в Армению из РФ выросли в 3,5 раза и достигли рекордных 1,9 млрд долл. (65,3% всех поступлений в республику)[12]. Личные трансферты из РФ в Казахстан во II квартале 2022 г. выросли в 3,2 раза и достигли 60,5 млн долл. (43,2% всех денежных переводов физических лиц в страну)[13]. Более высокий рост переводов в Армению и Казахстан во многом был обусловлен приездом в эти страны самих российских граждан.

По данным пограничной службы ФСБ, количество визитов граждан РФ в Казахстан увеличилось во II квартале 2022 г. к тому же периоду прошлого года в 2,9 раза (до 568 тыс.), в Армению — в 1,5 раза (до 180 тыс.), а в Грузию — в 5,7 раза (до 163 тыс.). Большинство поездок в эти три страны совершено официально не с целью туризма[14]. По оценкам экспертов, именно эти страны стали одним из основных маршрутов релокации россиян и отечественных компаний, а также «карточных туров» – поездок за оформлением международных банковских карт. По данным Renaissance Capital, Армения стала главным бенефициаром переезда россиян из-за конфликта на Украине[15]. При этом Казахстан не смог получить столь же сильного положительного эффекта от массовой релокации граждан РФ ввиду более крупных размеров своей экономики.

В III квартале 2022 г. общее число выездов россиян за рубеж по сравнению с предыдущим кварталом практически удвоилось – уехало 9,7 млн человек. В этот период Казахстан занял третье место по числу

---

[12] Расчеты автора по данным ЦБ РА. https://www.cba.am/ru/SitePages/statexternalsector.aspx (дата обращения: 07.11.2022).

[13] Расчеты автора по данным Национального Банка Казахстана. https://www.nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora (дата обращения: 07.11.2022).

[14] *Ткачёв И.* ФСБ раскрыла количество приехавших из ДНР и ЛНР // РБК, 17 августа 2022 г. https://www.rbc.ru/society/17/08/2022/62fcca2f9a79473c83a92d7a (дата обращения: 05.11.2022).

[15] *Терентьев А.* Экономические чудеса: как российская эмиграция влияет на соседние страны // Forbes, 19 ноября 2022 г. https://www.forbes.ru/finansy/481301-ekonomiceskie-cudesa-kak-rossijskaa-emigracia-vliaet-na-sosednie-strany (дата обращения: 05.11.2022).

въехавших граждан РФ – количество пересечений границы россиянами составило почти 1,3 млн раз, что стало самым большим квартальным показателем как минимум с 2018 г.; происходило это на фоне объявленной в сентябре частичной мобилизации в России. За этот же период количество въехавших в Армению российских граждан (количество пересечений границы россиянами) составило чуть более 267 тыс., что также стало квартальным максимумом по меньшей мере с 2018 г. В Кыргызстане зафиксировано 167 тыс. фактов прибытия россиян, что на 91% превышает показатель аналогичного периода 2021 г. и на 100% – 2019 г.[16]

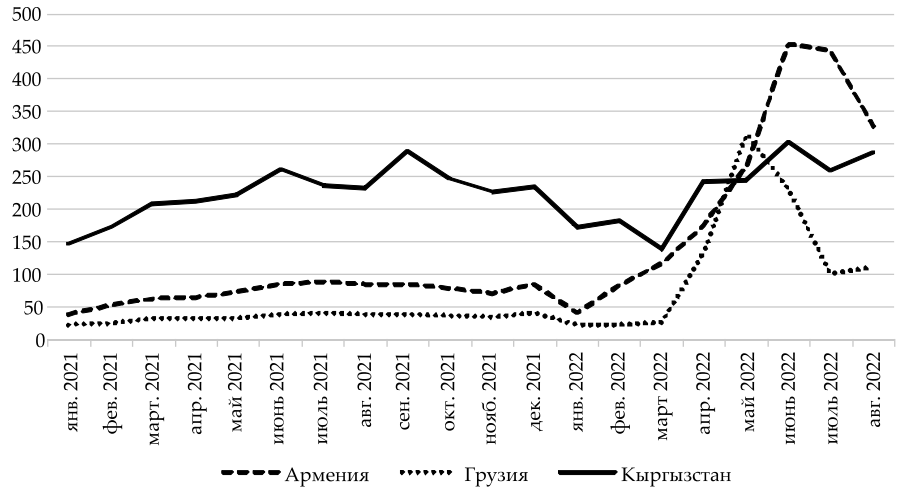
В 2022 г. россияне также стремились сохранить свои сбережения в иностранной валюте за пределами страны. В частности, банки в Казахстане имели существенный приток новых клиентов из России. Отметим, что из-за санкций казахстанские дочерние предприятия российских банков (Сбербанк и Альфа-банк) столкнулись с трудностями при проведении валютных операций и были проданы казахстанским банкам. По данным ЕБРР, узкие места в платежах между казахстанскими и российскими компаниями в целом были устранены, бизнес перешел на платежи в национальных валютах.

Темпы прироста денежных переводов из России в Кыргызстан носили умеренный характер. За январь–август 2022 г. они выросли на 8,2% и составили 1,8 млрд долл. (см. рис.), что во многом было обусловлено укреплением усилением курса рубля и ростом спроса на дешевую рабочую силу на фоне отмены ковидных ограничений. Во II квартале 2022 г. на заработки в РФ приехало 3,12 млн иностранцев, что на треть больше прошлогоднего показателя и стало рекордным квартальным значением как минимум за последние 6 лет[17]. Половина всех трудовых мигрантов (1,54 млн человек, или 49,6% от всех трудовых мигрантов) прибыла из Узбекистана, около трети – из Таджикистана (952 тыс. человек, или 30,5%), далее следуют граждане Кыргызстана (223,4 тыс. человек, или 7,2%) и Армении (108,2 тыс. человек, или 3,5%)[18]. Сохранение спроса на иностранную рабочую силу обусловлено ее востребованностью в строительной, жилищно-коммунальной сферах и в секторе услуг.

[16] *Ламова Е., Цвирова Т., Сухорукова Е.* ФСБ раскрыла число выездов россиян за границу // РБК, 05 ноября 2022 г. https://www.rbc.ru/society/05/11/2022/6363d2d49a794742e4a5e6cb (дата обращения: 05.11.2022).

[17] Количество въехавших в Россию трудовых мигрантов достигло шестилетнего максимума // FinExpertiza, 8 августа 2022. https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/trud-migr-max/?sphrase_id=30931 (дата обращения: 05.11.2022).

[18] Там же.



Источник: составлено автором по: данные официальных сайтов национальных (центральных) банков Армении, Грузии и Кыргызстана.

Рис. Трансграничные переводы физических лиц из России в Армению, Грузию и Кыргызстан в 2021–2022 гг., млн долл.

Релокация российского бизнеса в страны ЕАЭС

Новым направлением в инвестиционных связях стран ЕАЭС стала релокация российского бизнеса и перенос части работающих в РФ западных компаний в страны Союза, прежде всего в Армению и Казахстан. Отсутствие языкового барьера, сравнительно низкая стоимость проживания, наличие безвизового режима и единого таможенного пространства во многом предопределили популярность этих стран в данном вопросе. Российские компании путем регистрации в иностранных юрисдикциях стремятся минимизировать санкционные риски и сохранить прежние поставки комплектующих, предоставление бизнес-услуг со стороны западных государств. Приток человеческого капитала из России расширяет внутренний спрос в странах региона, а релокация российского бизнеса увеличивает поступления налогов в национальные бюджеты государств объединения.

По официальным оценкам, после начала спецоперации на Украине к сентябрю в Армению переехало от 50 тыс. до 70 тыс. IT-специалистов из России. В РА было открыто 850 компаний и зарегистрировано 350 индивидуальных предпринимателей с российскими корнями[19]. Популярность Армении для релокации российских граждан и компаний

[19] *Даббах А.* Как устроен венчурный рынок Армении и к чему готовиться российским предпринимателям // Forbes, 25 октября 2022 г. https://www.forbes.ru/svoi-biznes/480218-kak-ustroen-vencurnyj-rynok-armenii-i-k-cemu-gotovit-sa-rossijskim-predprinimatelam (дата обращения: 05.11.2022).

во многом определяется благоприятным инвестиционным режимом, признанием банковских карт платежной системы «Мир», прямыми авиарейсами Москва – Ереван, налоговым законодательством в сфере информационных технологий. Например, в IT-секторе Армении ставка подоходного налога составляет лишь 10%, тогда как для других сфер – 21%. В республике действуют четыре свободные экономические зоны, среди которых ориентированные на сферу IT и высокие технологии «Альянс» и «Экос».

В целях привлечении российских высокотехнологичных компаний Армения конкурирует с Казахстаном[20]. По данным Бюро национальной статистики Казахстана, с марта по июль 2022 г. в стране появилось более 2 тыс. компаний с российскими собственниками. Еще в апреле 2022 г. российская компания Ural Motorcycles, занимающаяся выпуском тяжелых мотоциклов с коляской, одной из первых сообщила о переносе сборочного производства в Петропавловск (Северо-Казахстанская область) из-за нехватки подпадающих под санкции комплектующих и запрета на импорт техники из России[21].

Многие граждане РФ переезжают и переносят свой бизнес в Центральную Азию, пользуясь преимуществами «ИТ-парков» и особых экономических зон, обслуживающих цифровых кочевников и экспортеров ИТ-услуг[22]. Казахстан стремится привлечь IT-специалистов из России в свои технологические компании за счет предоставления им льгот и преференций. По оценкам официальных властей, о желании переместить свои офисы из России в Казахстан уже заявили 56 международных компаний, а всего в списке более 300 крупных бизнесов[23]. При этом власти Казахстана ведут целенаправленную работу по созданию условий для релокации в страну ушедших из России зарубежных компаний путем развития индустриальных и специальных экономических зон на территории республики.

---

[20] *Бардуева С.* Гонконг, Казахстан или Грузия: куда лучше перевозить IT-компанию из России // Forbes, 06 мая 2022 г. https://www.forbes.ru/svoi-biznes/464815-gonkong-kazahstan-ili-gruzia-kuda-lucse-perevozit-it-kompaniu-iz-rossii (дата обращения: 05.11.2022).

[21] Гендиректор Ural Motorcycles сообщил о переносе производства в Казахстан // Российская газета, 26.04.2022 г. https://rg.ru/2022/04/26/gendirektor-ural-motorcycles-soobshchil-o-perenose-proizvodstva-v-kazahstan.html (дата обращения: 01.11.2022).

[22] Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. A cold winter ahead? Confronting the energy crunch. London. European Bank for Reconstruction and Development. September 2022. P. 18–19.

[23] *Мартынова П.* Из России в Казахстан переместились более 50 международных компаний // РБК. 19 октября 2022 г. https://www.rbc.ru/business/19/10/2022/634fcd0c9a79478441f37f5a (дата обращения: 05.11.2022).

Заключение

Введенные против РФ масштабные санкции со стороны недружественных государств привели к значительной трансформации торговых, инвестиционных, миграционных и транспортно-логистических связей в рамках ЕАЭС. Нейтральный статус стран региона по отношению к антироссийским санкциям позволил им получить существенные экономические преимущества, которые могут иметь как краткосрочный, так и долгосрочный характер.

Наиболее зависящие от экономических связей с РФ страны ЕАЭС (Армения и Кыргызстан) в 2022 г. получили наибольший эффект от наращивания связей с Россией по основным каналам взаимодействия (торговля, инвестиции, миграция, транспортные услуги). Для Беларуси позитивные эффекты от развития связей с РФ сдерживались антибелорусскими санкциями со стороны ЕС и США. Позитивные эффекты антироссийских санкций для Казахстана носили скорее косвенный характер – через существенный рост стоимостных объемов экспорта в Евросоюз и Китай на фоне подъема мировых цен на нефть и металлы. При этом в более долгосрочной перспективе Казахстан может выиграть от релокации части работавших в России западных корпораций, на что правительство страны делает особый упор.

Однако наряду с полученными странами – членами ЕАЭС (по крайней мере краткосрочными) преимуществами от активизации связей с Россией, введенные жесткие антироссийские санкции существенно меняют характер экономических отношений внутри данного объединения за счет усиления рисков взаимодействия в долгосрочной перспективе. Рост опасений чрезмерной зависимости от России в условиях ожидающегося спада или рецессии российской экономики может снизить готовность стран региона поддерживать более глубокую интеграцию в рамках ЕАЭС [3]. Выполнение странами региона посреднических торговых функций на фоне релокации бизнеса и эмиграции рабочей силы из РФ в страны ЕАЭС может привести к офшоризации интеграции, которая вряд ли будет носить устойчивый характер. Антироссийские санкции снижают инвестиционную привлекательность стран – членов ЕАЭС для западных инвесторов, которые теперь могут быть ограничены в своих инвестициях в экономики Армении и Казахстана для последующего выхода на российский рынок. Кроме того, релокация части работавших в России западных корпораций в другие страны региона может изменить баланс экономических интересов стран – участниц данного объединения. Ограничиваются возможности заключения соглашений о свободной торговле ЕАЭС с некоторыми третьими странами (например, с Южной Кореей).

Несмотря на то что антироссийские санкции активизировали на данном этапе процессы евразийской интеграции, необходим поиск новых инструментов и проектов для последующего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, СНГ и между ними. В частности, необходимо ускоренно устранять сохраняющиеся национальные барьеры на пути взаимной торговли и инвестиций, расширять использование во взаиморасчетах национальных валют, создавать единые отраслевые рынки, проводить широкую межгосударственную координацию развития новых специализаций и производственных компетенций. Среди перспективных направлений расширения взаимного сотрудничества также следует отметить вовлечение стран региона в российские программы импортозамещения, совместное развитие новых транспортно-логистических путей, а также создание евразийских корпораций и компаний с участием трех и более стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилов Ю.А., Буклемишев О.В., Седнев В.П., Коршунов Д.А.* Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018.
2. *Ушкалова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226.
3. *Libman A., Obydenkova A.* How the War Affects the Eurasian Economic Union // Russian Analytical Digest. 2022. 30 October. No. 287. Pp. 2–6.

REFERENCES

1. *Danilov Yu.A., Buklemishev O.V., Sednev V.P., Korshunov D.A.* National Currencies in Mutual Payments within the EAEU: Barriers and Prospects. St. Petersburg: EDB Centre for Integration Studies, 2018. (In Russ.).
2. *Ushkalova D.I.* Russia's foreign trade under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 3 (55). Pp. 218–226. (In Russ.).
3. *Libman A., Obydenkova A.* How the War Affects the Eurasian Economic Union // Russian Analytical Digest. 2022. 30 October. No. 287. Pp. 2–6.

Дата поступления рукописи: *11.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Pylin Artem Gennadievich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
artem-pylin@yandex.ru

TRANSFORMATION OF POST-SOVIET EURASIAN INTEGRATION UNDER SANCTIONS: OPPORTUNITIES AND RISKS

The paper analyzes the changes occurring under the influence of anti-Russian sanctions in the system of trade, financial and migration relations within the framework of the EAEU. The consequences of sanctions for the national economies of the member countries and for the processes of Eurasian integration are assessed. It was revealed that the economies of Armenia and Kyrgyzstan have benefited the most from the intensification of trade and economic ties with Russia. Intensifying the trade and intermediary functions of the countries of the region to ensure Russia's foreign economic relations against the backdrop of business relocation and labor emigration from the Russian Federation to the EAEU countries leads to offshorization of integration. The paper shows that in the current conditions, anti-Russian sanctions have intensified the processes of formal Eurasian integration. Taking into account the remaining risks of cooperation, the key recommendations for strengthening the interaction of the countries of the region in the long term are formulated.

Keywords*: Russia, EAEU, offshore integration, external shocks, sanctions, trade, personal transfers, relocation.*
JEL: F15, O57, P27.

Л.И. ЦЕДИЛИН
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

«ЗЕЛЕНЫЕ» И САНКЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НОВОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ ФРГ

В статье рассматривается проводимая в настоящее время новой правительственной коалицией ФРГ энергетическая политика, в основе которой лежат преимущественно нерыночные факторы: сначала доминировала экологическая «зеленая» повестка, а затем, после начала специальной военной операции, – политические императивы. Показано, что введенные ЕС антироссийские санкции привели к разрушению традиционного сотрудничества Германии с Россией в сфере энергетики – к радикальному сокращению российских поставок нефти, угля и газа. Переключение на другие источники и на иные способы транспортировки газа и нефти требует времени, что привело к существенному удорожанию энергоресурсов в Германии. Это крайне негативно отражается на немецкой экономике и влечет за собой свертывание энергоемких производств: многим компаниям грозит разорение, в то время как другие пытаются перевести производство в страны, не пострадавшие от санкций. Энергетический кризис и инфляция ложатся тяжелым бременем на домохозяйства.

Ключевые слова: *энергетическая политика, экологическая повестка, возобновляемые источники энергии, ресурсосберегающая и низкоуглеродная энергетика, энергетический налог, санкции, экзистенциональные угрозы, энергоемкое производство.*

JEL: F18, H23, O13, O52, P18, Q43.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_142_153.

В ноябре 2021 г. к отправлению властных полномочий впервые в истории ФРГ приступила правительственная коалиция в составе представителей от трех партий – социал-демократов, «зеленых» и свободных демократов. До этого во главе страны традиционно стояли две партии. Новая коалиция в Германии получила название «светофор» – по цветам партий-участниц. «Зеленым» в ней достались «портфели» министра экономики и иностранных дел – ключевые посты, позволяющие во многом, насколько это возможно при членстве в ЕС и НАТО, определять экономическую политику, а также формулировать и про-

водить внешнеполитический и внешнеэкономический курс страны. И если принимать во внимание решительный настрой «зеленых» на реализацию своих экологических требований, далеко не всегда совместимых с резонами свободного рынка и с экономической целесообразностью, то зеленый свет в этом светофоре вряд ли можно считать определенно «разрешительным».

Реализация экологической повестки в ФРГ и в Европе в целом началась задолго до прихода «зеленых» во власть в Германии. Первая экологическая программа действий функционировала в Европейском Союзе (тогда ЕЭС) в 1970-е годы. А после подписания Маастрихского договора в 1992 г. экологическая повестка стала одним из основных направлений экономической политики европейского сообщества государств – по существу, мейнстримом [1]. При этом Германия всегда находилась не просто в русле, а в авангарде этого направления: она в большинстве случаев задавала его вектор и определяла уровень требований в соответствующих областях в ЕС. Германия лидировала в Европе в таких сферах, как, например, использование энергии ветра, эксплуатация электромобилей, и добилась самых впечатляющих результатов по внедрению ресурсосберегающей и низкоуглеродной энергетики.

ФРГ достигла наиболее высоких показателей среди крупных стран ЕС в области использования альтернативных источников энергии. В 2020 г., согласно данным Федеральной статистической службы, на долю так называемых возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем национальном энергобалансе приходилось 45%, из них 24% – на энергию ветра, 9% – на солнечную энергетику, 8% – на извлечение энергии из биомассы, 3% – на гидроэнергию и 1% – на энергию, извлекаемую при утилизации пищевых отходов. Всего в 2020 г. в ФРГ было произведено брутто 567 млрд кВт/ч энергии. По видам источников ее получения энергобаланс страны выглядел следующим образом (в %):

– возобновляемые источники – 45%;
– бурый уголь – 16%;
– ядерная энергия – 11%;
– каменный уголь – 8%;
– природный газ – 16%;
– прочие источники – 4%[1].

Успехи в части освоения технологий возобновляемой энергетики воодушевили экологистов (и не только из партии «зеленых») на составление достаточно радикальных планов. В Программе по защите климата, поддерживаемой всеми тремя коалиционными партиями, содержатся весьма амбициозные цели, возможность реализации кото-

[1] Statistisches Bundesamt (Destatis), 2022.

рых в предусмотренные сроки изначально вызывала скепсис у ряда экспертов. Так, в частности, в ней предполагается к 2030 г.:

– полный отказ от угольной генерации;
– увеличение доли ВИЭ в производстве энергии до 80%;
– повышение доли мощности солнечных электростанций до 200 ГВт;
– выделение 2% территории ФРГ для размещения ветрогенераторов и увеличение мощности офшорных ветряных парков до 30 ГВт (к 2045 г. – до 75 ГВт);
– отказ от газового отопления жилых домов.

В программе также планируется использовать природный газ лишь до 2040 г., а затем вместо него – только водород. Предполагается также, что ВИЭ перестанут субсидироваться уже после 2030 г.

Таким образом, как казалось, можно было уже провозглашать наступление новой энергетической эры, а также переименовывать социальную рыночную экономику (Soziale Marktwirtschaft), родиной которой и является Германия, в социально-экологическую рыночную экономику (Sozialökologische Marktwirtschaft).

Однако уже к концу 2021 г., т. е. в самом начале периода правления «светофора», проявились многие слабые места «климатической программы», еще более усиливающие сомнения относительно возможностей ее реализации. Прежде всего обозначилась слишком высокая зависимость ВИЭ от погодных условий. В частности, недостаточно сильный ветер на побережье не позволил получить ожидаемое количество энергии. К тому же выяснилось, что отсутствует практическое решение проблемы передачи электроэнергии, вырабатываемой «ветряками» на Севере Германии, в промышленные регионы страны, например, в Баварию, где она и должна быть востребована в первую очередь. Но главная проблема ускоренного перехода на ВИЭ и отказа от традиционных источников, очевидно, заключается в известном противоречии между заявленными целями экологического характера и законами рынка, предписывающими бизнесу считаться с требованиями рентабельности производства. Дело в том, что практически все используемые в широких масштабах традиционные источники энергии пока имеют значительно более низкую себестоимость по сравнению с ВИЭ. (А самым дешевым энергоносителем до сих пор считается уголь). Следует при этом подчеркнуть, что в истории не было случаев вытеснения какого-либо энергоносителя менее рентабельным конкурентом.

По всей вероятности, при составлении указанной программы и ей подобных национальных европейских программ по защите климата были переоценены возможности технологического обеспечения относительно скорого замещения традиционных энергоносителей. В то же время сроки прекращения субсидирования ВИЭ и господдержки

в целом (как на национальном, так и на европейском уровнях) обеспечения тектонического сдвига в энергетических секторах предполагались слишком сжатыми. К тому же в период пандемии и Старый, и Новый свет столкнулись с необходимостью чрезвычайно масштабных бюджетных трат, что не могло не сказаться на возможностях финансирования программ по в защите климата. Так или иначе, но буквально на глазах, и в ЕС, и в ФРГ произошло резкое ослабление «зеленого» радикализма, сопровождаемое сменой требований, целей и задач: вместо форсированного сокращения использования традиционных энергоносителей – замена недостаточно экологически чистых источников более чистыми, но все же традиционными. Речь зашла, прежде всего, о постепенном вытеснении угля и о повышении доли природного газа в энергобалансе. Характерно, что представляющие партию «зеленых» министры экономики и иностранных дел, по существу, сняли свои возражения против реализации совместного с Россией проекта Nord Stream 2. В самом начале 2022 г. природный газ, получаемый к тому же по трубам, т. е. с использованием самого дешевого вида транспортировки, был практически полностью реабилитирован в качестве перспективного и в достаточной степени экологичного вида современного топлива.

Можно сказать, что ускоренный «зеленый переход» не состоялся, и в силу чисто экономических причин он определенно должен быть существенно больше растянут во времени. Однако нет достаточных оснований говорить о полной несостоятельности современных экологических программ. Да, они не всегда согласуются с законами свободного рынка и с требованиями конкуренции по эффективности, но принимались они под влиянием необходимости предотвращения (или хотя бы минимизации) экзистенциальных угроз. Так, при сохранении сложившихся тенденций по выбросу в атмосферу парниковых газов считается безусловно доказанной возможность потепления климата в мире к середине XXI века на 2 градуса. А такое потепление, в свою очередь, неминуемо должно привести к катастрофическим последствиям для всего мира, и прежде всего для Европы, с ее явной недостаточностью покрытых зеленью территорий и с обширными площадями, лежащими ниже или недостаточно высоко над уровнем моря, которым угрожает затопление в случае повышения уровня мирового океана. И в этом контексте нельзя не отметить готовность ЕС, и в особенности Германии, ответить на угрозы экзистенционального характера, принося в жертву экономические интересы, прежде всего соображения прибыльности.

Следует заметить, что радикализация «зеленой повестки» в Европе и в Германии до 2022 г. в большей степени затрагивала домохозяйства и публичный сектор. В меньшей степени ограничения в части энер-

госбережения распространялись на бизнес, а на крупный бизнес так вообще пока не оказывалось серьезного давления, если не считать уже не столь частые выступления отдельных активистов в духе Греты Тунберг. Характерно, что в последнее время появились интересные исследования о взаимосвязи величины доходов домохозяйств с эмиссией парниковых газов [2]. Весьма показательным в этой связи представляется пример Люксембурга: страна, занимающая первое место в мире по ВВП на душу населения, одновременно лидирует и по «душевому» показателю выбросов CO2. Но этот факт можно считать порождением функционирования весьма развитой в Люксембурге черной металлургии, которая не может обойтись без использования коксующихся углей.

Более правильным было бы, как представляется, считать главными «эмиссионерами» парниковых газов не домохозяйства, а металлургию и целый ряд отраслей тяжелой и химической промышленности, а также не легковой, а грузовой автотранспорт. И именно недостаточная технологическая готовность промышленности, особенно тяжелой, в решающей мере предопределила фактический отказ от требований радикальной «зеленой инициативы» в Европе, и в Германии в частности.

В связи с тем, что в самой промышленно развитой стране Европы, с ее экономикой, насыщенной инновациями, пока нет прорывных решений проблемы получения достаточного объема энергии, вырабатываемой ВИЭ, некоторые аналитики предлагают задаться вопросом о роли самого производственного фактора «энергия» в экономике современной Европы. Так, два соавтора из Германии предлагают искусственно, но в то же время рыночными методами элиминировать его значимость путем введения *энергетического налога.* Предполагается, что энергетический налог, с одной стороны, должен будет выполнять регуляторную роль в обеспечении встраивания экономики в экосистему Земли, а с другой – в силу весьма обширной налогооблагаемой базы призван вносить значительный вклад в финансовую систему государства. Взимание энергетического налога, как считают авторы, позволит помимо прочего благотворно влиять через цены на соотношение факторов производства в пользу фактора «труд», при том, что налогообложение энергии является косвенным налогообложением капитала [3, p. s. 42].

Сами по себе подобные предложения можно расценивать как стремление к серьезным изменениям в энергетической политике ФРГ.

События на Украине определенно актуализировали необходимость изменить требования и подходы к решению проблем энергообеспечения: они не могли не повлиять самым решительным образом на экономические отношения Германии с Россией, прежде всего в энергетической сфере. И поскольку основу этих отношений всегда составлял обмен углеродного сырья (угля, нефти, природного газа)

на оборудование и технологии, правительству ФРГ, очевидно, в срочном порядке приходится вносить радикальные изменения в энергетическую политику. Это объясняется совершенно очевидной ставкой именно на сотрудничество с Россией в области энергетики: на долю России до последнего времени приходилось свыше 30% импорта природного газа и около 40% импорта нефти, поставляемых в большей части самым дешевым способом – трубопроводным транспортом.

Принятые и подготавливаемые на уровне ЕС санкции способны не просто поколебать, но и подорвать основы взаимовыгодного сотрудничества. Германия предполагает уже в 2023 г. радикально снизить долю России в импорте нефти и газа на 90% и практически переключиться на других их поставщиков из других регионов. Вполне вероятно при этом сохранение и даже возрастание доли в энергобалансе Германии традиционных источников – каменного угля и лигнитов, т. е. очевиден еще более заметный отход от приоритетов, определенных «зеленой» повесткой. Это можно объяснить восприятием специальной военной операции в ФРГ не просто на официальном уровне, но и в общественном сознании в целом.

Происходящее на территории Украины воспринимается почти повсеместно в Европе, и в том числе в Германии, как угроза экзистенционального характера, причем, как видно, более опасная и более реальная, чем эвентуальные грядущие климатические изменения, из-за которых были пересмотрены, хотя и отчасти, экономические, т. е. рыночные приоритеты. Судя по публичным высказываниям канцлера Шольца и других официальных лиц, в Германии категорически не принимаются предлагаемые российской стороной причины конфликта и цели проводимой спецоперации. В Германии не согласны с употреблением понятий «неонацизм» и «геноцид», используемых для разъяснения проводимой Россией политики в отношении Украины. В то же время канцлер Шольц, интерпретируя намерения России, использовал термин «империализм» [4]. Даже намек на возможное оправдание такого рода политики не может себе позволить никакое правительство в Германии в силу уже только одного опасения обвинений в забвении исторического прошлого. В результате Германия активно включилась в «санкционную войну», хотя последствия отказа от закупок углеводородного сырья и топлива из России, очевидно, будут для нее особенно болезненными.

Важно отметить, что предлагаемые властью ФРГ и ЕС ограничения в экономических отношениях с Россией в целом если и не поддерживаются безоговорочно, то и не отторгаются крупным бизнесом Германии и других европейских стран. Весьма показательным в этой связи выглядит пример компании «Сименс» – одного из крупнейших мировых производителей промышленного, в особенности энергети-

ческого оборудования. Siemens появился на российском рынке спустя всего пять лет после основания компании в 1847 г. и оставался в России в общей сложности около 170 лет. Сименс не ушел из России даже после скандала, вызванного поставками в 2017 г. без официального разрешения самой компании газовых турбин для крымских ТЭЦ. Однако в мае 2022 г. ее руководство заявило об уходе с российского рынка, несмотря на то, что эта компания в России участвовала в целом ряде проектов:

- вводила в эксплуатацию трамвайные линии в Москве и других городах.
- построила электростанцию на реке Кура.
- поставляла оборудование для проведения Олимпиады-1980 в Москве.
- производила компоненты для оборудования ледокольного флота.
- строила кабельные и электротехнические заводы.
- поставляла энергоблоки, разрабатывала программное обеспечение.
- создавала электропоезда и современные высокоскоростные поезда.

До мая 2022 г. Siemens выполнял техническое обслуживание поездов «Сапсан» и «Ласточка». По поездам «Сапсан», например, договор на обслуживание был заключен в 2007 г. сроком на 30 лет [5]. Понятно, что расторжение подобных долговременных контрактов и соглашений неминуемо влечет многомиллионные издержки, однако флагман мирового энергетического бизнеса пошел на это.

Свертывание налаженных отношений с Россией в области энергетики, как видится, неминуемо приведет к удорожанию производственного фактора «энергия» в Европе в целом, и особенно болезненно оно, видимо, скажется на крупном бизнесе Германии. Компании, вероятно, найдут замену энергоносителям и нефтехимическому сырью из России, прежде всего за счет поставок из Норвегии и ОАЭ. Но это замещение будет дорого стоить и обернется ощутимым ростом издержек промышленного производства, увеличением стоимости коммунальных услуг, транспортных перевозок и ростом себестоимости товаров и услуг. Соответственно можно прогнозировать снижение конкурентоспособности европейской и, в частности, германской промышленности в целом, прежде всего по отношению к американской.

Следует отметить, что при этом в Западной Европе, и в Германии в частности, не снимаются амбициозные задачи перехода на альтернативные источники: 18 мая 2022 г. Еврокомиссия представила план REPowerEU, главной целью которого является срочное преобразование энергетической системы Европы. Как отмечается в заявлении Еврокомиссии, «REPowerEU – это быстрое снижение нашей зависи-

мости от российского ископаемого топлива путем ускорения экологически чистого энергоперехода и объединения усилий для достижения более устойчивой энергетической системы ЕС». Новый европейский план предлагает дополнить прежние меры обеспечения энергоперехода следующим набором подходов и действий:

– экономия энергии;
– диверсификация поставок;
– быстрое замещение ископаемого топлива путем ускорения перехода Европы к экологически чистой энергии;
– «умное» сочетание инвестиций и реформ [6].

Показательно то, что первым в ряду новых предлагаемых мер стоит экономия энергии, а ускоренная разработка и внедрение новых технологий для обеспечения энергоперехода уже не упоминается. Можно предположить, что под экономией энергии вновь понимается усиленный режим энергосбережения на уровне домохозяйств, хотя, как отмечалось выше, главными потребителями энергии и «созидателями» парникового эффекта были и остаются промышленность, интенсивное сельское хозяйство и транспорт, в особенности грузоперевозки. Но поскольку разработка и внедрение энергосберегающих технологий в этих секторах пока не рассматривается в качестве альтернативы даже в среднесрочной перспективе, можно ожидать серьезные сдвиги в отраслевой структуре производства в Западной Европе, и особенно в ФРГ.

Однако изменения в отраслевой структуре – это, как правило, «болезненный» и продолжительный процесс. Пока же из-за санкционных требований приходится возмещать выпадение дешевого российского газа из энергобаланса страны, в том числе путем использования не только привычных (для Германии) лигнитов и каменного угля, но и атомной энергетики, от которой еще в начале 2022 г. предполагалось совсем отказаться. В октябре 2022 г. канцлер Шольц соответствующим распоряжением санкционировал продление эксплуатации всех трех немецких АЭС до середины апреля 2023 г.[2] «Зеленым» партнерам Шольца, очевидно, придется мириться с подобными отклонениями от выработанной ранее генеральной линии.

Однако возврат к использованию традиционных энергоносителей вряд ли сможет существенно изменить, по крайней мере в краткосрочной перспективе, тенденцию к удорожанию энергии в целом. Во всяком случае, наблюдавшееся на протяжении всего 2022 г. повышение внутренних цен на отдельные виды энергоносителей в Германии не дают оснований надеяться на восстановления прежних ценовых пропорций. Так, цены на автомобильное топливо выросли с 21 февраля по

[2] Власти Германии из-за энергокризиса решили сохранить планировавшиеся к закрытию АЭС. https://rg.ru/2022/10/18/atom-eshche-posluzhit.html.

5 сентября 2022 г. на 15% по бензину и на 30% по дизельному топливу[3]. Цены на газ продемонстрировали еще более удручающую динамику. Если в конце 2021 г. газ стоил для домохозяйств 6,4 евроцента за 1 кВт/ч, то в ноябре (12.11.) 2022г. уже – 19,4 евроцента[4], т. е. – за неполных 11 месяцев рост составил около 300%. Цена на электроэнергию выросла с 32,16 цента за 1 кВт/ч в 2021 г. до 48,16 цента в ноябре 2022 г.[5], прирост – 40%. Со второй половины 2022 г. все активно занятые в ФРГ, а также пенсионеры должны получить единовременную надбавку (к зарплате и к пенсии) за электроэнергию в размере 300 евро[6].

Рост цен на энергоносители существенно влияет на конкурентоспособность Германии как промышленного региона. (В настоящее время промышленность потребляет более четверти всего количества энергии, используемой в Германии. Энергоемкими отраслями промышленности являются прежде всего химическая и металлургическая промышленность. На предприятиях энергоемких отраслей занято 15% работающих в промышленности, производится 21% валовой добавленной стоимости). Производство энергоемкой продукции ввиду существенного удорожания энергии может стать заметно менее рентабельным, чем в регионах, обеспеченных более дешевой энергией. Так, лишь только в III кв. 2022 г. химическое производство в ФРГ упало на 14%[7].

Проблема переноса энергоемких производств из Германии в другие страны из-за резкого удорожания импортного природного газа в настоящее время уже активно обсуждается на экспертном уровне[8]. Экономисты из Института экономических исследований им. Лейбница в Галле (IWH) считают, что если бы Германия закупала энергоемкую продукцию за рубежом и сокращала бы собственное аналогичное производство, то можно было бы сэкономить много природного газа. Эксперты из Института немецкой экономики (IW), ориентированного на работодателей, полагают, однако, что аутсорсинг производств приведет лишь к возникновению новых зависимостей. Эксперты из промышленности обращают также внимание на недостаточную проработку вопроса о переносе производств теми, кто поднимает

[3] https://fleetcor.de/dienstleistungen/fleetcor-preisvergleich.

[4] https://www.vergleich.de›strompreise.

[5] Ibid.

[6] https://www.steuertipps.de/steuererklaerung-finanzamt/steueraenderung/energiepauschale-2022-entlastungen-wegen-gestiegener-energiepreise.

[7] https://report.az/ru/drugie-strany/smi-mnogie-kompanii-zaplanirovali-perenos-proizvodstva-iz-germanii-v-afriku-i-aziyu.

[8] Energieversorgungskriese „Stolpern in die nächsten Abhängigkeiten" – Industrie warnt vor Produktionsverlagerungen /Энергетический кризис: «Можем наткнуться на новые зависимости». Промышленники предупреждают о последствиях переноса производств (handelsblatt 11.11.2022).

этот вопрос. Ряд компаний планируют в самое ближайшее время или уже начали перенос энергозатратных производств за пределы страны и сосредоточение соответствующих компаний на выпуске продукции последнего звена технологического цикла. Согласно данным опросов среди представителей промышленности, о переносе производства за пределы страны уже сейчас задумываются около пятой части немецких компаний. Подобный тренд наблюдается не только в Германии. Так, например, переездом занялась голландская компания OCI N.V., производящая сельхозяйственные удобрения из аммиака, мочевины и другие вещества, обеспечивающие высокий урожай. Гендиректор предприятия уже официально объявил о том, что теперь производственные мощности будут развернуты в Техасе[9].

И если крупные корпорации, такие как BASF, Siemens или Volkswagen, возможно, смогут выдержать скачок цен на энергоносители, потому что они могут заниматься производством своей продукции во всем мире там, где это дешевле всего[10], то небольшие компании страдают больше, потому что они не могут идти в ногу с иностранными конкурентами из-за резкого роста затрат[11].

Для малого и среднего бизнеса переезд в другую страну часто является непосильной задачей, и если ситуация с ценами на энергию не изменится, кому-то из них придется попросту объявить о банкротстве[12].

Часть экспертов уже открыто заявляют, что Германии грозит деиндустриализация[13], а экономику Германии ожидает экономический спад в 2023 г.[14] При этом страдает не только производство. Энергетический кризис и инфляция ложатся тяжелым бременем на домохозяйства. С середины года резкий рост цен на энергоносители и продукты питания привел к еще большему снижению покупательной способности и ослабил частное потребление[15].

* * *

Происходящие в настоящее время изменения в сфере энергетики Германии, как и в германской экономике в целом, обусловлены нерыночными факторами. Однако если ускоренный переход на ВИЭ все же

[9] Крупные европейские компании массово эмигрируют в США. https://live24.ru/jekonomika-i-biznes/krupnye-evropejskie-predpriyatiya-massovo-migrirujut-v-ssha.html.

[10] https://aussiedlerbote.de/2022/09/germanii-grozit-deindustrializaciya.

[11] Там же.

[12] https://rg.ru/2022/09/27/proshchaj-sholc.html.

[13] https://aussiedlerbote.de/2022/09/germanii-grozit-deindustrializaciya.

[14] https://www.deutschland.de/ru/news/ekonomisty-ozhidayut-nebolshoy-spad-v-2023-godu.

[15] Там же.

так и не состоялся, как можно считать в силу несовместимости с требованиями и законами свободного рынка, то уже следование жесткой санкционной политике может привести, как видится, к последствиям, потенциально необратимым.

Российская промышленность могла бы выиграть от подобных эвентуальных изменений в международном разделения труда, связанных с перемещением энергоемких производств, поскольку они предполагают в стране – реципиенте энергозатратных производств повышение степени переработки сырья и сдвиг от сырьевой ориентации внешней экономики в сторону производства и экспорта полуфабрикатов. Однако извлечение экономических выгод из потенциальных изменений ситуации всецело зависит от изменения политической ситуации.

Пока же в качестве потенциальных выгодоприобретателей в сложившейся ситуации вполне можно представить юрисдикции США и Канады.

.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еремина Н.* Новая экологическая повестка ЕС: экологический популизм versus экологическая практика. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskiy-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika.
2. *Григорьев Л.М., Макаров И.А., Соколова А.К., Павлюшина В.А., Степанов И.А.* Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. No 1. С. 7–30.
3. *Bannas S., Herrmann-Pillath C.* Marktwirtschaft – zu einer neuen Wirklichkeit. 30 Thesen zur Transformation unserer Wirtschaftsordnung. Schäffer-Poeschel Verlag Stuttgart, 2020.
4. Выступление канцлера ФРГ Шольца на Всемирном экономическом форуме в Давосе 25 мая 2022 г. https://smi.today/ru_smi/2141421-olaf-sholc-obvinil-rossiju-v.html?utm_source=smi2.
5. *Плеханов А.* Что происходит с Siemens в России в 2022 году. https://gol.ru/materials/18876-siemens-in-russia.
6. *Никифоров О.* Предкризисная трансформация в Европе // Независимая газета, приложение «НГ-Ээнергия», 13.06.2022.

REFERENCES

1. *Eremina N.* The new EU Environmental Agenda: Ecological populism versus ecological practice. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskiy-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika. (In Russ).
2. *Grigoriev L.M., Makarov I.A., Sokolova A.K., Pavlyushina V.A., Stepanov I.A.* Climate change and inequality: potential for joint problem solving // Bulletin of International Organizations. 2020. Vol. 15. No. 1. Pp. 7–30. (In Russ).

3. *Bannas S., Herrmann-Pillath C.* Marktwirtschaft – zu einer neuen Wirklichkeit. 30 Thesen zur Transformation unserer Wirtschaftsordnung. Schäffer-Poeschel Verlag Stuttgart, 2020.
4. Speech by German Chancellor Scholz at the World Economic Forum in Davos on May 25, 2022 https://smi.today/ru_smi/2141421-olaf-sholc-obvinil-rossiju-v.html?utm_source=smi2. (In Russ).
5. *Plekhanov A.* What is happening with Siemens in Russia in 2022. https://gol.ru/materials/18876-siemens-in-russia. (In Russ).
6. *Nikiforov O.* Pre-crisis transformation in Europe. Nezavisimaya Gazeta, appendix "NG-Eenergiya", 13.06.2022. (In Russ).

Дата поступления рукописи: *07.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Tsedilin Leonid Ivanovich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lcedilin@yandex.ru

GREEN AND SANCTIONS RESTRICTIONS FOR A MARKET ECONOMY: ON THE ENERGY POLICY PROSPECTS OF THE NEW GOVERNMENT COALITION IN GERMANY

The subject of the work is the energy policy of the new government coalition of Germany. It based mainly on non-market factors: the so-called "green" agenda dominated at the first stage, and then, after the special military operation started, political imperatives prevail. It is shown that the EU sanctions have led to the destruction of Germany's traditional cooperation with Russia in the energy sector: a radical reduction in Russian oil, coal and gas supplies. Switching to other sources and to other ways of gas and oil transporting takes time. To date it has led to a significant increase in the cost of energy resources in Germany. This has an extremely negative impact on the German economy, the curtailment of energy-intensive industries there: many companies are threatened with ruin, while others attempt to transfer production to the not sanctioned countries. The energy crisis and inflation impose a heavy burden on households.

Keywords: *energy policy, environmental agenda, renewable energy sources, resource-saving and low-carbon energy, energy tax, sanctions, existential threats, energy-intensive production.*
JEL: F18, H23, O13, O52, P18, Q43.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.С. ЗОТОВА
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

ПОТЕНЦИАЛ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В XXI в. (обзор VI политэкономического конгресса «Экономические теории XXI века: потенциал развития и решения практических проблем»)

Представлен обзор докладов и выступлений участников VI Международного политэкономического конгресса «Экономические теории XXI века: потенциал развития и решения практических проблем» (МПЭК–2022), состоявшегося 17–19 мая 2022 г. на базе экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках программы Московского академического форума «Россия: вызовы глобальной трансформации XX1 века» (МАЭФ–2022). Особенностью конгресса стало обсуждение роли и места различных направлений экономической теории и их потенциала в условиях резкого обострения глобальных проблем и геоэкономических угроз. Участниками конгресса в выступлениях были показаны необходимость пересмотра экономико-теоретических подходов к исследованиям развития всей мировой социально-экономической системы в XXI в., а также значение фундаментальных исследований в области политической экономии в решении современных социально-экономических проблем и отмечена важность корректирования процесса преподавания экономических теорий в вузах.

Ключевые слова: *VI Международный политэкономический конгресс, политическая экономия, экономическая теория, неоклассическая теория, современное кейнсианство, современный марксизм, новый институционализм, поведенческая экономика, инклюзивный капитализм.*

JEL: A11, A20, B41, B52, O33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_154_159.

В мае 2022 г. на базе экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялся VI Международный политэкономический конгресс (МПЭК–2022). Он проходил в рамках Московского академического экономического форума – МАЭФ-2022. Организаторами конгресса стали экономический факультет МГУ, Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте и журнал «Вопросы политической экономии». В работе конгресса приняли участие ведущие ученые МГУ, институтов РАН, ученые и преподаватели научно-образовательных центров из более 30 регионов России, а также ученые из 18 стран мира. Тема конгресса – анализ потенциалов развития различных направлений экономической теории, представленных в спектре исследовательских и педагогических процессов в нашей стране и за рубежом, в решении проблем хозяйственной практики.

В центре внимания (как и всякий раз в рамках политэкономических конгрессов) была классическая политическая экономия. Однако на данном мероприятии ученые и преподаватели не ограничились только одним этим направлением, а рассматривали вынесенные на обсуждение проблемы более широко — в неоклассике и в таких направлениях экономической науки, как новый институционализм, эволюционная экономическая теория и ряд других.

На открытии конгресса с приветствиями выступили декан экономического факультета МГУ, д.э.н., профессор А.А. Аузан и директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов, член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов.

Важной особенностью конгресса стало обсуждение роли и места различных направлений экономической теории и их потенциала в решении социально-экономических проблем в условиях глубоких технологических, экосоциальных, экономических изменений 2020-х гг., обусловленных резким обострением глобальных проблем и геополитическими и экономическими угрозами.

В рамках первой сессии пленарного заседания «XXI век: потенциал основных направлений экономической теории в решении фундаментальных проблем социально-экономического развития» (модератор – заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ, д.э.н., профессор А.А. Пороховский) были представлены доклады, в которых рассматривались потенциалы разных направлений политической экономии. Так, потенциалу классической политической экономии был посвящен доклад д.э.н., профессора А.В. Бузгалина (экономический факультет МГУ), потенциалу неоклассической теории — доклад заведующего кафедрой математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ,

д.э.н., профессора Ф.С. Картаева, потенциалу современного кейнсианства – доклад заведующего кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ, д.э.н., профессора А.Г. Худокормова, а потенциалу новой институциональной теории – доклад заведующего кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ, д.э.н., профессора А.Е. Шаститко.

В своем докладе А.В. Бузгалин подчеркнул, что исследования современной классической политической экономии по своей сложности и результатам не сводимы к тем, которые были в XVIII–XIX вв. и проводились А. Смитом, Д. Рикардо и К. Марксом. В частности, современный марксизм показал новую природу рынка, который превратился в тотальную силу и на котором крупнейшие корпорации манипулируют остальными акторами экономического процесса. В современной марксисткой теории отражаются те трансформации в отношении труда и капитала, которые происходят под влиянием креативной революции и развития NBIKS-технологий, изменений в социальной структуре и многих других вызовов.

В свою очередь Ф.С. Картаев отметил, что, по его мнению, многие критические замечания в адрес неоклассики в значительной степени преодолеваются в современной неоклассической теории, в частности, поведенческой экономикой, которая рассматривает не только рациональное поведение homo economicus, но и другие модели экономического поведения на рынке различных экономических агентов.

А.Г. Худокормов показал, что именно в современных условиях глубоких трансформаций и в технологиях, и в социальной жизни общества востребованной является кейнсианская теория, акцентирующая внимание на активной роли государства в регулировании глобальных и национальных экономических процессов.

А.Е. Шаститко в своем докладе остановился на ключевых достижениях нового институционализма, полученных в рамках теории прав собственности, теории фирмы и в ряде других производных разработок.

Состоявшаяся затем дискуссия вызвала большой интерес у присутствующих на конгрессе ученых, а также у участников заседания в оффлайн- и в онлайн-режиме. В качестве дискутантов по докладам выступили д.э.н., профессор Р.С. Дзарасов (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова), академик РАН А.Д. Некипелов (директор Московской школы экономики МГУ) и другие ученые.

Второе пленарное заседание конгресса было посвящено проблемам преподавания экономической теории. Здесь следует отметить доклады, которые характеризовали особенности преподавания классической политической экономии в XXI в. С таким докладом высту-

пила к.э.н. О.В. Барашкова (экономический факультет МГУ), отметившая, что политическая экономия и в XXI в. преподается и в Московском университете, и в других университетах России, и в университетах США и Западной Европы. Большое внимание преподаванию политической экономии уделяют университеты Китая, где в настоящее время практически во всех крупных вузах созданы институты (факультеты) марксизма.

А.А. Пороховский подчеркнул, что в преподавании экономической теории прежде всего важно системно представить объект – саму экономическую жизнь, ибо набор разрозненных представлений, который дают в ряде случаев современные учебные курсы, не формирует у студентов целостного мировоззрения о развитии и функционировании национальных экономических систем и мирового хозяйства в целом.

Д.э.н., профессор С.А. Толкачев (Финансовый университет при Правительстве РФ) охарактеризовал поиски оптимальной программы преподавания экономической теории в своем университете, показав, что, программа по экономической теории у них включает в себя значительные элементы классической политической экономии, а также отметил, что в работах ряда ведущих ученых и политических деятелей в США и Западной Европе в настоящее время активно ведется поиск новых отношений, лежащих по ту сторону классического капитализма в рамках модели так называемого инклюзивного капитализма.

Эти сообщения вызвали активную дискуссию участников конгресса. С весьма содержательными комментариями по этому поводу выступил член-корреспондент РАН В.С. Автономов (НИУ ВШЭ), который подчеркнул, что одними из преимуществ преподавания неоклассической теории являются относительно простая алгоритмизация учебного процесса и возможность ведения занятий на основе стандартных курсов с сосредоточением основного внимания на решении математических задач.

Д.э.н., профессор А.А. Мальцев (экономический факультет МГУ) указал на то, что в настоящее время в экономической науке в мире господствует преимущественно позитивистский подход. Он представил интересные данные о том, как именно оценивают свое позиционирование ученые и в России и за рубежом в пространстве различных школ экономических теорий, отметив, что большинство исследователей пытаются воздержаться от соотнесения себя с какой-либо конкретной школой, предпочитая характеризовать свою позицию как нейтральную исследовательскую деятельность.

Д.э.н., профессор Г.Д. Гловели (НИУ ВШЭ) подчеркнул особое значение преподавания истории экономических учений и экономической истории, ибо вне исторического подхода, вне исторического видения экономического процесса теряются его качественные определенности.

На третьей сессии пленарного заседания – «Настоящее и будущее российской экономической системы: взгляд сквозь призму гетеродоксальной экономической теории» – выступили ученые кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, представившие новые коллективные доклады сотрудников кафедры: д.э.н., профессор А.И. Колганов («Российская экономика: системный взгляд»), д.э.н., профессор И.М. Теняков («Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели»), д.э.н., профессор И.В. Манахова («Человек в экономике будущего»).

В дискуссии по этим докладам с позитивной оценкой новых разработок кафедры политической экономии выступили: д.э.н., профессор О.А. Александрова (заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН), член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер (заместитель научного руководителя ЦЭМИ РАН), д.э.н. В.Ю. Музычук (заместитель директора Института экономики РАН) и другие ученые.

Следует специально подчеркнуть, что в рамках конгресса прошел международный семинар на тему: «Противоречия социально-экономического развития в XXI в.», на котором исследования ученых-экономистов рассматривались в политэкономическом контексте. В рамках этого семинара выступили ученые из многих стран мира, в том числе представители различных направлений экономической теории: профессора Аннамария Артнер (Университет имени Милтона Фридмана, Венгрия), Киоди Гульемо (Римский университет Сапиенца, Италия), Савас Матсас-Михаил (Афинский национальный университет, Греция), Хироши Ониши (Университет Кейо, Япония), Эл Кэмпбелл (Университет Юты, США), Дэвид Котц (Университет Массачусетса, США), Дэвид Лайбман (Университет Нью-Йорка, США), Парамжит Сингх (Пенджабский университет, Индия), Дэвид Лэйн (Университет Кембриджа, Великобритания), Радика Десаи (Университет Манитобы, Канада) и т. д. Кроме того, в рамках конгресса были проведены другие семинары и секции, в частности, такие как: «Развитие методологии и теории политической экономии в XXI в.», «Политэкономическая методология и теория как ключ к исследованию и решению основных проблем социально-экономического развития», «Геополитэкономические проблемы современного мира: причины, следствия, направления решения», «Человек, общество, природа: политико-экономический дискурс».

Весьма активным оказалось заключительное пленарное заседание конгресса, посвященное исследованиям экономико-теоретических подходов к социально-экономическому развитию в современных условиях, где отмечалась необходимость совершенствования подходов, в том числе и их пересмотра. Выступивший среди других участников

конгресса академик РАН С.Ю. Глазьев подчеркнул огромное значение перехода к стратегии опережающего развития, особенно актуальной в условиях нынешнего обострения геополитических противоречий.

В целом конгресс прошел в режиме плодотворных дискуссий. Большинство участников подчеркивали необходимость дальнейшего развития теоретических исследований в процессе преподавания политической экономии, представив целый ряд конструктивных предложений по корректированию процесса преподавания экономических теорий в университетах, а также внесли предложения о проведении общероссийской дискуссии о реформировании преподавания экономической теории в вузах.

Дата поступления рукописи: *07.11.2022 г.*

ABOUT THE AUTHOR
Zotova Elena Serafimovna – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
eszotova@mail.ru

POTENTIAL OF THE MAIN AREAS OF ECONOMIC THEORY IN THE 21ST CENTURY
(Review of the VI Political Economic Congress «Economic Theories of the 21st Century: the Potential for Development and Solution to Practical Problems»)

The article presents an overview of the VI Political Economic Congress «Economic Theories of the 21st Century: the Potential for Development and Solution to Practical Problems» (MPEK-2022) held on May 17–19, 2022 as a part of the Moscow Academic Forum (MAEF-2022) at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. A feature of the congress was the discussion of the role and place of various areas of economic theory and their potential in the context of a sharp aggravation of global problems and global economic threats. A need to revise the economic and theoretical approaches to development was a concern in the participants speeches, as well as the importance of theoretical research in the field of political economy and the relevance of adjusting the process of teaching economic theories in universities.

Keywords: *VI International Political Economic Congress, political economy, economic theory, neoclassical theory, modern keynesianism, modern marxism, new institutionalism, behavioral economics, inclusive capitalism.*

JEL: A11, A20, B41, B52, O33.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» за 2022 год

Рубрика журнала, авторы статьи, название статьи	Номера журнала, страниц	DOI статьи
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ		
Бухвальд Е.М. «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»: нерешенные проблемы	№ 1 С. 32–49	10.52180/2073-6487_2022_1_32_49
Караваева И.В., Коломиец А.Г., Быковская Ю.В. Стратегии экономической безопасности в зарубежной теории и практике	№ 1 С. 50–67	10.52180/2073-6487_2022_1_50_67
Сухарев О.С. Умный город и территория: преодоление структурного разрыва	№ 1 С. 68–84	10.52180/2073-6487_2022_1_68_84
Жаринов И.О. Регулирование процессов взаимодействия хозяйствующих субъектов со смарт-контрактом в контуре экономического управления	№ 1 С. 85-95	10.52180/2073-6487_2022_1_85_95
Иванова Л.Н. Российский агропродовольственный сектор: материально-технические и институциональные условия роста выпуска продукции и экспорта	№ 1 С. 96–111	10.52180/2073-487_2022_1_96_111
Седлов А.П. Влияние пандемии COVID-19 на формирование рынков труда России и стран ЕС	№ 2 С. 9–26	10.52180/2073-6487_2022_2_9_26
Коломиец А.Г. Расходы федерального бюджета Российской Федерации на здравоохранение в контексте пандемических угроз	№ 2 С. 27–38	10.52180/2073-6487_2022_2_27_38
Батов Г.Х. Основные факторы поступательного опережающего развития	№ 2 С. 39–52	10.52180/2073-6487_2022_2_39_52
Козлова С.В., Братченко С.А. Реформирование механизмов управления государственным имуществом в условиях новых вызовов: исторический опыт косыгинской реформы	№ 2 С. 53–75	10.52180/2073-6487_2022_2_53_75

Кислицына О.А. Экономическая незащищенность работающего населения: причины и связь со здоровьем	№ 3 С. 32–51	10.52180/2073-6487_2022_3_32_51
Бережной В.И., Сероштан М.В., Марцева Т.Г., Бережная О.В., Бережная Е.В. Проблемы транспортно-логистической системы России в современных условиях (на примере экспорта зерна)	№ 3 С. 52–72	10.52180/2073-6487_2022_3_52_72
Меджидов З.У. Формы государственно-частного партнерства в России: сравнительный анализ	№ 3 С. 73–95	10.52180/2073-6487_2022_3_73_95
Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Анализ изменений агрегированного инновационного индекса российских регионов	№ 3 С. 96–111	10.52180/2073-6487_2022_3_96_111
Ильина С.А. Рынок полупроводников: глобальная цепочка создания стоимости и динамика в условиях кризиса	№ 3 С. 112–125	10.52180/2073-6487_2022_3_112_125
Смотрицкая И.И., Черных С.И., Сазонова Е.С. Концепция публичного управления в контексте долгосрочных целей новой экономической политики	№ 4 С. 60–76	10.52180/2073-6487_2022_4_60_76
Братченко С.А. Роль качества управленческих решений в обеспечении качества государственного управления	№ 4 С. 77–103	10.52180/2073-6487_2022_4_77_103
Проценко И.О., Темная О.В., Агафонов Д.В. Оценка роли перекрестного субсидирования в формировании государственной тарифной политики в электросетевом комплексе	№ 4 С. 104–127	10.52180/2073-6487_2022_4_104_127
Курнышева И.Р. Особенности структурных преобразований и новая экономическая реальность	№ 4 С. 128–139	10.52180/2073-6487_2022_4_128_139
Лапидус Л.В., Полякова Ю.М. Гигономика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды	№ 5 С. 23–46	10.52180/2073-6487_2022_5_23_46

Головин В.А. Индентификация и оценка развития региональных экономических кластеров	№ 5 С. 47–65	10.52180/2073-6487_2022_5_47_65
Корепанов Е.Н. Импортозависимость и импортозамещение в машиностроении	№ 5 С. 66–76	10.52180/2073-6487_2022_5_66_76
Музычук В.Ю. Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия	№ 6 С. 7–33	10.52180/2073-6487_2022_6_7_33
Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы	№ 6 С. 34–51	10.52180/2073-6487_2022_6_34_51
Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации	№ 6 С. 52–67	10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
Доржиева В.В. Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху	№ 6 С. 68–78	10.52180/2073-6487_2022_6_68_78
Ахапкин Н.Ю. Формирование ресурсов труда и перспективы экономического роста	№ 6 С. 79–95	10.52180/2073-6487_2022_6_79_95
Козлова С.В. Трансформация инструментов государственного управления в современных условиях	№ 6 С. 96–107	10.52180/2073-6487_2022_6_96_107
Юхно А.С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной	№ 6 С. 108–126	10.52180/2073-6487_2022_6_108_126
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ		
Бодрунов С.Д. Ноономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций	№ 1 С. 7–31	10.52180/2073-6487_2022_1_7_31
Ореховский П.А. Советские корпорации: «прокляты и забыты»? (границы современного авторитетного экономического дискурса)	№ 3 С. 7–31	10.52180/2073-6487_2022_3_7_31
Рубинштейн А.А. Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства	№ 5 С. 7–22	10.52180/2073-6487_2022_5_7_22

ФИНАНСЫ		
Гуров И.Н. Последствия изменений налогообложения доходов по депозитам физических лиц: итоги 2020–2021 гг.	№ 1 С. 112–132	10.52180/2073-6487_2022_1_112_132
Гаврилов В., Иванов М.А., Клачкова О.А., Королев В.Ю., Рощина Я.А. Влияние тематических новостных потоков на компоненты волатильности фондового рынка России	№ 2 С. 93–111	10.52180/2073-6487_2022_2_93_111
Свиридов А.П., Кирилюк И.Л. Особенности и перспективы использования формата XBRL и дата-центричной отчетности в финансовой сфере России	№ 3 С. 126–143	10.52180/2073-6487_2022_3_126_143
Полякова Т.Н. Российский рынок биржевых облигаций: анализ размещения	№ 5 С. 97–118	10.52180/2073-6487_2022_5_97_118
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА		
Хейфец Б.А. Глобальная деофшоризация 4.0	№ 2 С. 76–92	10.52180/2073-6487_2022_2_76_92
Мищенко Я.В. Современное состояние и перспективы сотрудничества Японии и США в контексте активной региональной экономической политики Китая	№ 3 С. 144–156	10.52180/2073-6487_2022_3_144_156
Турсунов Б.О. Оценка индикаторов восстановительного роста промышленного производства в Республике Узбекистан в условиях коронакризиса	№ 3 С. 157–181	10.52180/2073-6487_2022_3_157_181
Вардомский Л.Б. Страны Центральной Азии в процессах международной регионализации	№ 4 С. 7–22	10.52180/2073-6487_2022_4_7_22
Лобанов М.М., Звезданович Лобанова Е. Сбой конвейера: влияние пандемии на промышленное производство стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы в 2020–2021 г.	№ 4 С. 23–49	10.52180/2073-6487_2022_4_23_49
Рязанов В.А. Влияние мирового рынка на внутренние цены на зерно в России	№ 4 С. 50–59	10.52180/2073-6487_2022_4_50_59
Качелин А.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной нестабильности	№ 5 С. 119–130	10.52180/2073-6487_2022_5_119_130

Пылин А.Г. Трансформация постсоветской евразийской интеграции в условиях санкций: возможности и риски	№ 6 С. 127–141	10.52180/2073-6487_2022_6_127_141
Цедилин Л.И. «Зеленые» и санкционные ограничения для рыночной экономики: о перспективах энергетической политики новой правительственной коалиции ФРГ	№ 6 С. 142–153	10.52180/2073-6487_2022_6_142_153
ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ		
Калабихина И.Е., Башкирова К.Ю., Борисенко Я.А. Помогает ли гендерное равенство в благополучии многодетных семей?	№ 5 С. 77–96	10.52180/2073-6487_2022_5_77_96
ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ		
Ван Цзилу Анализ текущего состояния и эффективности инвестиций китайских предприятий в энергетический сектор России	№ 1 С. 133–155	10.52180/2073-6487_2022_1_133_155
Медведев И.В. Влияние деформации наднациональных институтов на интеграцию национальных экономик	№ 2 С. 112–130	10.52180/2073-6487_2022_2_112_130
Романчук Е.С. Содействие государств – членов ОЭСР и многосторонних институтов экономическому развитию Республики Узбекистан	№ 2 С. 131–152	10.52180/2073-6487_2022_2_131_152
Вологова Ю.В. Инновационное развитие российской экономики: состояние и анализ мер государственной поддержки	№ 2 С. 153–168	10.52180/2073-6487_2022_2_153_168
Соколов А.Б. Специальный инвестиционный контракт как инструмент поддержки технологической модернизации экономики России	№ 3 С. 182-194	10.52180/2073-6487_2022_3_182_194
Комбаров М.А. Гетерогенность российского экономического пространства и ее влияние на структуру расходной части федерального бюджета	№ 4 С. 140–155	10.52180/2073-6487_2022_4_140_155

Цзоу Цзяхун Перспективные направления российско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе	№ 4 С. 156–165	10.52180/2073-6487_2022_4_156_165
Лимин Д.В. Макроэкономические последствия перехода центральных банков РФ, Украины и Казахстана к режиму плавающего валютного курса их национальных валют	№ 5 С. 131–145	10.52180/2073-6487_2022_5_131_145
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		
Федорова М.Н. Человек как доминанта развития (по материалам «круглого стола» в Институте экономики РАН)	№ 1 С. 156-170	10.52180/2073-6487_2022_1_156_170
Дадабаева З.А., Ярыгина И.З. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения	№ 1 С. 171–179	10.52180/2073-6487_2022_1_171_179
Зеленоборская Л.В. Институт экономики Российской академии наук в 2021 году	№ 2 С. 169–174	10.52180/2073-6487_2022_2_169_174
Бобков Б.Н., Вершинина М.А. Труд и качество жизни населения России в контексте научной позиции Е.И. Капустина (к 100-летию со дня рождения ученого)	№ 2 С. 175–191	10.52180/2073-6487_2022_2_175_191
Куликов А.Г. Безусловный «базовый» доход в России: шанс или ловушка?	№ 3 С. 192–205	10.52180/2073-6487_2022_2_192_205
Зотова Е.С. Потенциал основных направлений экономической теории в XXI в. (обзор VI политэкономического конгресса «Экономические теории XXI века: потенциал развития и решения практических проблем»)	№ 6 С. 154–159	10.52180/2073-6487_2022_6_154_159
ПАМЯТИ УЧЕНОГО		
Алексей Григорьевич Зельднер	№ 1 С. 180	–
Анатолий Иванович Архипов	№ 4 С. 166–167	–

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 12.12.2022.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4517-22

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru